

ГОРНО-АЛТАЙСКИЙ
ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ

МИР ЕВРАЗИИ

научный журнал

ИСТОРИЯ
АРХЕОЛОГИЯ
ЭТНОГРАФИЯ

№2 ИЮЛЬ-
СЕНТЯБРЬ
2008

МИР ЕВРАЗИИ

Научный журнал. Издаётся с мая 2008 г. Выходит один раз в три месяца

2008. №2(2) Июль-сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

Главный редактор Н.С. МОДОРОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАГН (г. Горно-Алтайск)	<i>Бабин В. Г.</i> РОССИЙСКОЕ ШКОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—НАЧАЛА XX ВВ.: ОГРАНИЧЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И РЕЛИГИОЗНОМУ ПРИЗНАКАМ 2
Первый зам. главного редактора В.Г. БАБИН — кандидат исторических наук, проректор ГАГУ по научной работе (г. Горно-Алтайск)	<i>Базайченко А. В.</i> ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГОРНОГО АЛТАЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ 11
УЧРЕДИТЕЛЬ ЖУРНАЛА Горно-Алтайский государственный университет	<i>Батмунх Б., Модоров Н. С.</i> РУССКО-ДЖУНГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1717—1745 гг. 18
НАУЧНЫЙ РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ Ю.В. ТАБАКАЕВ (председатель совета) — доктор философских наук, профессор, академик РАЕН, ректор ГАГУ (г. Горно-Алтайск)	<i>Бутанаев В. Я.</i> ТУМЕН КЫРГЫЗ В СОСТАВЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ ЮАНЬ 21
А.Н. АЛЕКСЕЕВ — доктор исторических наук, профессор (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан)	<i>Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И.</i> ПРОЦЕСС ВОЗВРАЩЕНИЯ КЫРГЫЗОВ, УГНАННЫХ В 1703 Г. В ДЖУНГАРИЮ, НА ИСТОРИЧЕСКУЮ РОДИНУ — ХОНГОРАЙ 26
В.Г. ДАЦЫШЕН — доктор исторических наук, профессор (г. Красноярск)	<i>Ганболд О. М., Модоров Н. С.</i> ИЗ ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ МАНЬЧЖУРАМИ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII в.) 32
Н.Ф. ИВАНЦОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)	<i>Екеев Н. В.</i> К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОЙРОТОВ-ЧОРОСОВ 37
А.Б. КАМЕНСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)	<i>Клинов А. С.</i> К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ТИБЕТА 41
В.Д. КУБАРЕВ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)	<i>Модоров Н. С.</i> ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОЙРАТОВ С СОСЕДЯМИ В 1745—1751 гг. 46
О. ЛХАГВА — доктор исторических наук, профессор (г. Улан-Батор)	<i>Новиков И. А.</i> РОЛЬ ЛУГАНСКОГО ЛИТЕЙНОГО ЗАВОДА В ЗАРОЖДЕНИИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX вв. 50
А.И. МАРТЫНОВ — доктор исторических наук, профессор, академик РАЕН (г. Кемерово)	<i>Нямсүрэн Л.</i> БИОГРАФИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖАЛХАНЗ ХУТУГТ ДАМДИНБАЗАРА 54
В.Я. РУШАНИН — доктор исторических наук, профессор (г. Челябинск)	<i>Паклин М. И.</i> СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ВОЗМОЖНОГО ЕЕ РАЗВИТИЯ 58
Л.И. ШЕРСТОВА — доктор исторических наук, профессор (г. Томск)	<i>Попов А. В.</i> ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИВОВ И «АРХИВНОГО ДЕЛА» РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ 62
М.В. ШИЛОВСКИЙ — доктор исторических наук, профессор (г. Новосибирск)	<i>Пушечникова О. Н.</i> ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦАРСКОЙ РОССИИ С ТУВОЙ В 1911—1914 гг. 66
Э.М. ЩАГИН — доктор исторических наук, профессор (г. Москва)	<i>Страту Н. Н.</i> КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЖИТЕЛЕЙ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1960—1970-е гг. 68
НАУЧНАЯ РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ М.И. ПАКЛИН (зам. главного редактора) кандидат исторических наук, доцент (г. Горно-Алтайск)	<i>Фетисов А. С.</i> НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1998—2002 гг. (на примере строительства «Храма всех народов») 71
А.П. АДЛЫКОВА — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)	<i>Яковлев А. А.</i> СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХОВИЙ р. БУХТАРМЫ (по материалам этнографической экспедиции 1978 г.) 75
О.М. ГАНБОЛД — профессор (г. Ховд, Монголия)	РЕЦЕНЗИИ 78
Э.П. ДВОРНИКОВ — кандидат исторических наук (г. Горно-Алтайск)	ИНФОРМАЦИЯ 80
Д.М. КАРАЧАКОВ — доктор исторических наук, профессор (г. Абакан)	

Подписано в печать 03.09.2008. Формат 60x84/8. Усл.печ.л. 11,57. Тираж 150 экз. Зак. №08532

Отпечатано в типографии Горно-Алтайского университета. 649000, Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1.
© Горно-Алтайский государственный университет, 2008.

Ответственность за аутентичность и точность цитат, имен, названий и иных сведений, а также соблюдение законов об интеллектуальной собственности несут авторы публикуемых материалов

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1, Университет, редколлегия Журнала «Мир Евразии»,
Тел.: 8 (388-22) 2-62-33. Факс: 8 (388-22) 2-67-35. E-mail: mns@gasu.ru

УДК 902

В. Г. Бабин

РОССИЙСКОЕ ШКОЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX—НАЧАЛА XX ВВ.: ОГРАНИЧЕНИЯ ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ И РЕЛИГИОЗНОМУ ПРИЗНАКАМ

В статье, на основе документальных источников (опубликованных и архивных), анализируется российское школьное законодательство второй половины XIX — начала XX вв.

Российская империя, польское восстание, национальные окраины, шовинизм, народное образование, школьное законодательство

На протяжении всего XIX в. серьезное влияние на школьную политику российских властей оказывал этноконфессиональный фактор. Дело в том, что школа на окраинах страны, помимо чисто образовательной цели, призвана была выполнять и очень важную политическую функцию: сплачивать их с центром посредством внедрения в массу нерусского и не православного населения русского языка и русской культуры. С этой точки зрения школа должна была подготовить, в определенной степени, благоприятные условия для проведения дальнейших интеграционных мероприятий российского правительства, которые оно не спешило форсировать в первой половине XIX в.

Нарушить сложившуюся политику его понудило лишь польское восстание 1863—1864 гг. После его подавления, власти впервые прибегли к услугам школы, причем не только в сфере образования, но и в деле решения национального вопроса. Этот поворот в правительственной политике был более решительным, нежели в предшествующие десятилетия. Отныне власть активно интегрировала национальные окраины в общеимперское административно-правовое поле. Проводимые в этом направлении интеграционные мероприятия сопровождались усилением культурно-языковой унификации (в форме русификации), что должно было, по мнению властей, упрочить и ускорить процесс объединения центра и окраин. Столь радикальная перемена правительственного курса, конечно же, была небеспричинной.

Главная причина вышеозначенного «радикализма» состояла в необходимости унифицировать (после реформ 60-х гг.) все сферы административной, культурной, правовой и социальной жизни Российского государства с тем, чтобы выйти на уровень европейских стран. Необходимо было интегрировать и общество: по вертикали — через прежние сословные барьеры и по горизонтали — через национально-религиозные границы, а также укрепить связи между всеми частями госаппарата (независимо от их местонахождения) и всеми жителями страны (независимо от их сословной и национальной принадлежности). Через это «горнило» прошли, как известно, практически все страны Европы. Для этого достаточно вспомнить хотя бы политику «культуркампа» О. Бисмарка, которая, в общем-то, и служила примером для России.

Другой причиной являлось то, что власти после польского восстания 1863—1864 гг. разуверились в возможности эволюционной интеграции. В стране утвердилось мнение, что либеральная национальная политика ведет лишь к мятежам и грозит в перспективе российскому государственному единству.

И если русификация (как одно из средств решения задач модернизации) не предполагала в качестве основной цели ассимиляцию нерусских подданных и ограничение их прав в пользу русских, то борьба с развитием национальных движений породила издержки, которые в значительной мере извратили объективную необходимость повсеместного распространения русского языка, унификации систем управления.

Наиболее ярко это проявилось в сфере народного образования. Школьная политика на национальных окраинах была направлена, начиная с 60-х гг. XIX в., на решение не столько образовательных, сколько политических задач. В связи с этим, школьные системы на окраинах страны были коренным образом перестроены. Начавшись в западных губерниях и Царстве Польском, интеграционные процессы были распространены в течение последующих 30 лет на все национальные регионы империи, не оставив без внимания ни одну из существовавших в ней школьных систем. Последней крупной акцией в этом направлении являлся закон 12 июня 1903 г., изъывший в пользу казны имущества армяно-григорианской церкви, что привело в дальнейшем к ликвидации автономного существования армянской церковной школы.

С появлением закона 1903 г., вектор правительственной школьной политики в национальных регионах был направлен на усиление государственного контроля над школой, в т. ч. и частной, на ликвидацию автономного положения конфессиональных школ. Русский язык стал обязательным предметом в школах всех типов, а местные языки — были переведены в разряд факультативных дисциплин, а кое-где они и вовсе были ликвидированы. В соответствии с этим, осуществлялось и замещение в школах учительских и административных должностей, т. е. приоритет был отдан лицам русского происхождения и православного исповедания.

Перечисленные направления национально-школьной политики были общи для всех регионов

страны. Правда, в отдельных регионах, где имелась своя специфика, определявшаяся национальным и религиозным составом населения, а также исторически сложившимся характером социальных, межэтнических и межконфессиональных отношений, наличием или отсутствием в прошлом своей национальной школы, письменности, литературы, интеллигенции и т. д.

Но решающее влияние на характер национальной политики, в частности, школьной в отдельном регионе и в отношении конкретной национальности, оказывал, безусловно, религиозный фактор. Россия, как известно, являла собой государство, обязывавшее своих подданных принадлежать (в обязательном порядке) к какому-либо вероисповеданию. Господствовавший в империи закон провозглашал нерушимость принципа веротерпимости. Но, несмотря на это, в стране существовал приоритет православия, в силу чего, Православная Церковь считалась «первенствующей» и «господствующей».

Ступенью ниже после православия располагались вероисповедания, находившиеся под покровительством императора: римско-католическое и армяно-католическое, протестантские и армяно-григорианское.

Следом за ними шли нехристианские вероисповедания (караимское, иудейское, мусульманское и буддистское), находившиеся под «сенью общих законов Российской империи».

И самую низшую ступень «вероисповедной лестницы» занимали «дозволенные законом язычники и идолопоклонники».

Отличительной чертой российского законодательства и повседневной практики являлось тесное переплетение религиозного и национального компонента. Так, православие прочно ассоциировалось с русскими, католицизм — с поляками, протестантство — с немцами, а ислам — с татарами. И подобные ассоциации, надо сказать, не были плодом воображения чиновников и публицистов, а являлись следствием исторического развития конкретных регионов, в разное время вошедших в состав России. К, примеру, дворянство, католическое духовенство, интеллигенция в западных губерниях (Западные губернии, Западный край), под таким названием имелись в виду: три северо-западных белорусско-литовских губернии — Виленская, Ковенская и Гродненская; три западных белорусских — Минская, Могилевская и Витебская и три юго-западных малорусских — Киевская, Волынская и Подольская губернии. В учебном отношении шесть первых губерний составляли Виленский учебный округ, а последние — входили в Киевский учебный округ вместе с Черниговской и Полтавской губерниями — Г. Б.) состояло, в большинстве своем, из поляков, крестьянство же — из украинцев, белорусов и литовцев. Поэтому в этом крае безраздельно доминировала польская культура. Если смотреть с этих позиций на Прибалтийские губернии, то здесь господствовала немецкая культура, а в Поволжье и Приуралье — татарская. Потому-то, русификация этих регионов встретила сильное сопротивление со стороны господствовавших в них культур.

К примеру, в Царстве Польском и западных губерниях центрами ее средоточия являлись дво-

рянская усадьба, костел и находившиеся под их влиянием учебные заведения. Именно против них и было направлено острие правительственной политики, провозглашенной законом 1903 г. Проследим ее претворение властями, к примеру, в Польше.

Здесь, как уже упоминалось выше, все началось после подавления восстания 1863 г. В течение нескольких лет после него, там были ликвидированы все остатки бывлой автономии. Польские чиновники, согласно секретному постановлению 1866 г., заменялись благонадежными русскими, в крайнем случае, немцами-лютеранами. К 1905 г., в судебном ведомстве, к примеру, из 590 служащих поляков было всего 23 чел. В Люблинской и Седлецкой губерниях, населенных украинцами, бывшими униатами, «возвращенными» в 1875 г. в православие, все должности занимали только русские православного исповедания [1, л. 50, 77]. Согласно «Высочайшему повелению» от 27 марта 1867 г., запрещалось назначать поляков на должности начальников учебных заведений и инспекторов гимназий, преподавателей истории, русского языка и словесности. В дальнейшем это «повеление» было распространено и на преподавателей частных учебных заведений. Лишь 10 января 1904 г. появился министерский циркуляр, разрешавший назначать поляков на должности преподавателей русского языка в частных учебных заведениях [2, л. 304-307]. Тогда же русский язык был введен в делопроизводство в административных и судебных органах вплоть до низшего уровня.

Коренное преобразование всех польских учреждений, направленное на полное единение с метрополией, внесло существенные изменения и в учебную систему. В 1867 г. в Польше была упразднена Правительственная комиссия народного просвещения и восстановлен Варшавский учебный округ, подчиненный на общих основаниях Министерству народного просвещения (МНП). Административная интеграция национальной учебной системы в общероссийскую не предусматривала ликвидацию на начальном этапе польского языка в преподавании. Более того, рескрипт 30 августа 1864 г. сохранял Устав 1862 г. и даже предписывал принять меры, не превращавшие школу в «орудие» для достижения политических целей. «Предоставляя возможность польскому юношеству обучаться на его природном языке, — говорилось в нем, — надлежит, вместе с тем, принять во внимание, что население Царства состоит из лиц, принадлежащих к разным племенам и вероисповеданиям. Каждое из них должно быть ограждено от всякого насильственного посягательства, и в этих видах необходимо озаботиться об образовании отдельных для каждой народности училищ, а в школах общих, особенно же в низших, ввести обучение на природном языке большинства населения» [3, с. 38].

Однако с момента воссоздания Варшавского учебного округа, начались отступления от основных положений рескрипта. Административная интеграция стала сопровождаться ярко выраженной культурно-языковой русификацией системы образования в Польше. Тогда же воссозданный в 1869 г. Варшавский университет, был превращен в чисто русский вуз, как по языку преподавания, так и по

составу профессорско-преподавательских кадров. Статья 655 «Свода уставов ученых учреждений и учебных заведений ведомства МНП» устанавливала, что в Варшавском университете, как в преподавании, так и во всех вообще испытаниях, сочинениях, на публичных актах и в делопроизводстве, употребляется [только] русский язык [4, л. 10 об]. Исключение в отношении языка преподавания допускалось лишь для лекций по польскому языку и словесности, которые могли читаться на польском языке. Однако в 1871 г. польская словесность, в качестве составной части, была включена в обязательный для историко-филологического факультета курс славянской филологии, который стал читаться на русском языке. Само же преподавание польского языка было поручено не вузовскому профессору, а внештатному лектору [1, л. 170]. В силу произведенных преобразований, в Варшавском университете из его 59 кафедр, только две были заняты поляками, в Варшавском ветеринарном институте — работал всего один поляк, а в Ново-Александрийском институте сельского хозяйства и лесоводства не было ни одного профессора поляка [5, с. 2].

5 февраля 1869 г. свет увидело «Высочайше» утвержденное положение Комитета по делам Царства Польского, которым отменялись наименования учебных заведений по «национальностям». Им же был утвержден (с 1 мая) в средних учебных заведениях русский язык языком преподавания всех предметов, кроме Закона Божия. В дальнейшем эта мера распространилась и на частные учебные заведения. Польский же язык сохранялся в качестве предмета преподавания, но мог, по распоряжению местных учебных властей, заменяться русским языком.

Очередные изменения в сфере народного просвещения последовали после проверки графом Д.А. Толстым Варшавского учебного округа в 1868 г. Среди недостатков в его системе начального образования, министр особенно «раскритиковал» выбор учителей гминными и сельскими обществами, что, по его мнению, «приводило» на преподавательские должности политически неблагонадежных лиц. В связи с этим, он издал в 1871 г. приказ, в соответствии с которым, учителя стали назначаться «властью начальников учебных дирекций». Тогда же было «постепенно введено» в начальных училищах преподавание на русском языке. Очередное «ужесточение» для них последовало в 1879 г.: им было предложено не допускать к преподаванию вероучения в начальных училищах. Впоследствии попечитель учебного округа добился, чтобы преподавателями в них были светские учителя, православные или лютеране.

К середине 80-х гг. польское общество было полностью устранено от какого-либо влияния на народное образование. На русском языке стали преподавать все предметы, в т.ч. польский язык и католический Закон Божий. Правда, в отношении последнего 13 августа 1880 г. было «Высочайшее повелено» разрешить в будущем преподавание Закона Божия римско-католического исповедания в средних учебных заведениях Царства Польского «на природном языке учащихся», за исключением учебных заведений в бывших греко-униатских местностях [3, с. 93]. Однако ученикам, по-прежнему, за-

решалось говорить на польском языке в стенах учебных заведений и даже во внеурочное время.

В 1889 г. свет увидел «Всепопданнейший доклад», в котором принципиальный сторонник русификации Польши, генерал-губернатор И. В. Гурко констатировал, что проводимая учебными властями в Царстве школьная политика не достигает поставленных целей и способствует не сближению, а отчуждению поляков от всего русского [6, с. 734]. Одной из главных ошибок в школьном вопросе, по его мнению, было устранение ксендзов от преподавания вероучения, что привело к падению в глазах населения авторитета правительственной школы, но не устранило, как того добивались учебные власти, влияния католической церкви на воспитание подрастающего поколения. В силу этого, в 1890 г. Особое совещание под председательством министра народного просвещения И. Д. Делянова предложило руководствоваться при назначении ксендзов на «законоучительские должности» не только существующим законом, но и ходатайствами сельских обществ. Однако учебные власти на местах проигнорировали это мнение Особого совещания. И, как результат, этот вопрос был рассмотрен в 1892 г. уже в Комитете министров. Согласно приведенным И. В. Гурко данным, в 1891-1892 учебном году в 58 сельских школах Закон Божий римско-католического исповедания преподавался учителями евангелическо-лютеранского исповедания, а в 44 школах — православными. Итогом подобной деятельности учебных властей, утверждал он, явилось сокращение числа сельских школ с 1882 по 1892 г. на 303, а числа учащихся — на 3000. Поэтому, говорил генерал-губернатор, устранение ксендзов это большая политическая ошибка, так как официальное преподавание менее опасно, чем тайное. В ответ на это, И. Д. Делянов говорил, что «недопущение ксендзов в школу — это печальная необходимость», вызванная крайним фанатизмом католического духовенства, которое всеми силами противодействует правительственным мероприятиям в крае. Лучше, утверждал он, совсем не иметь школы, чем допустить школу, руководимую ксендзом. В этой полемике И. В. Гурко поддержал обер-прокурор Синода К. П. Победоносцев, заявивший, что при возникновении разногласий последнее слово должно принадлежать генерал-губернатору, а не учебному начальству. С таким утверждением согласился и Комитет министров, «мнение» которого было «Высочайше» утверждено 16 марта 1892 г. [7, л. 68-75].

Сложившуюся ситуацию в школьной политике в Польше не изменило и восшествие на престол Николая II. Более того, он с полным одобрением отнесся в 1896 г., к предложению Варшавского генерал-губернатора графа Шувалова о целесообразности постепенного сокращения, а потом и полного прекращения преподавания польского языка в средней школе [8, с. 10].

Словом, польский вопрос занимал на протяжении всего XIX столетия видное место в политике российского правительства. Его специфика в Западном крае заключалась в том, что подавляющую часть помещиков составляли поляки, а крестьянами были преимущественно украинцы, белорусы и литовцы. Решение польского вопроса осложнялось

еще и тем, что значительная часть крестьянского населения края исповедовала католичество. В силу вышеуказанных причин, 82,6% имевшихся в крае земель находились в 1865 г. во владении поляков и католиков. Благодаря национальной школе, польская культура в крае, с успехом конкурировала с русской. Более того, с 1865 г. польский язык вновь стал преподаваться во всех средних учебных заведениях края, вне зависимости от национального состава учащихся. Если говорить о преподавателях, то из 240 учителей гимназий и прогимназий две трети были поляками и лишь 80 — русские и немцы [9, с. 39]. Это обстоятельство дало возможность сказать попечителю Виленского учебного округа, князю А. П. Ширинскому-Шихматову еще в 1862 г., что в округе «все образованное и все мыслящее сословие принадлежит к явным противникам правительства, желающего вызвать к жизни и укрепить подавленное чувство русской национальности» [9, с. 463].

Иначе говоря, польское дворянство и католическая церковь стремились все взять в свои руки, в т. ч. и образование крестьянства. Они старались убедить власть, что в крае могут быть только польская грамотность и польское народное образование. В марте 1861 г. генерал-губернатор Северо-Западного края В. И. Назимов доносил, что минское дворянство повсеместно заводит школы, привлекая в них крестьян, и повсеместно среди православных распространяет польскую грамоту и польский язык. Не менее энергично действовали и ксендзы, открывая школу при каждом костеле. Чиновничество в крае, в большинстве состоявшее из поляков, не препятствовало такому развитию ситуации в сфере народного образования. В 1863 г. В. И. Назимов писал, что, «если со стороны русского правительства не будут приняты меры к ограждению русской народности в Западном крае, то [скоро] надлежит ожидать, что чуждое этому краю польское направление вольется в плоть и кровь здешнего русского народа и со временем устами его заговорит в пользу польского дела» [1, с. 62-64].

Таким образом, объединенными усилиями дворянства, польского чиновничества, костела и школы в Западных губерниях шел в начале 60-х гг. довольно интенсивный процесс «полонизации» украинцев, белорусов и литовцев, особенно той их части, которая исповедовала католичество. Русское правительство им на этот счет вплоть до восстания 1863—1864 гг. почти не препятствовало. Ситуация в корне изменилась, как уже упоминалось выше, только после его подавления. С этого момента власти сразу же взяли курс на «интеграцию края с Империей». Было провозглашено, что Западный край — это искони русский край, «оторванный в свое время от общерусского тела». И, наконец, настала пора возратить ему «русский облик», утвердить здесь «господство русской народности, русской культуры и православной церкви».

В отличие от Царства Польского, где «русификация» не предполагала ассимиляции поляков, в Западных губерниях началось полное их «слияние» с внутренними российскими губерниями, в т. ч. и в этническом смысле. Иначе говоря, властями был взят курс на «растворение» украинцев, белорусов и литовцев в «русском море».

Первым шагом к этому стала ликвидация экономического господства польского дворянства в крае и усиление русского землевладения. Для этого полякам было запрещено, начиная с 1865 г., приобретать и арендовать земли в 9 западных губерниях. Это ограничение распространялось на всех католиков, за исключением крестьян. Но и они не могли приобретать свыше 60 дес. Русские же дворяне получали в этом плане значительные льготы [11, л. 8, 66, 68].

Еще одной «русификационной» мерой русских властей в крае стало «недопущение» ими поляков к государственной службе. В соответствии с «Положением» от 26-27 мая все должности начальников, а также высшие служебные места в крае должны были замещаться только русскими чиновниками православного исповедания и женатых не на поляках. Со временем был закрыт доступ на государственную службу для всех католиков. Последние допускались только в городское самоуправление и то только в качестве гласных. Такого рода «табу» распространялось на все западные губернии. К примеру, в 1885 г. Киевский земельный банк, руководствуясь «Высочайшими повелениями», имел в составе правления и оценочной комиссии только «лиц русского происхождения». За этим строго следил генерал-губернатор, взявший подписку с директоров банка в том, что все должности в их учреждениях не будут замещаться лицами польского происхождения [1, л. 31, 69-74].

Политика запретов и ограничений, проводимая правительством в Западном крае, коснулась и католической церкви. После подавления польского восстания, в западных губерниях было закрыто 313 католических церквей и часовен [12, л. 55]. Католические священники были ограничены в праве передвижения вне своего прихода, покинуть его они могли только с разрешения губернатора. Этой мерой власти намеревались свести до минимума как общение ксендзов между собой, так и возможность их пребывания в местностях с православным населением. Были также введены ограничения на установку католиками крестов и священных изображений на полях, дорогах и других местах вне костелов, запрещено было совершать крестные ходы вне церквей в городах, а в селах — вне церковной ограды. Запрещалось пение молитв на польском языке во время погребальных процессий, а сами они должны были совершаться без «особой торжественности» [13, л. 28 об., 31-38].

Ограничения в отношении католической церкви, безусловно, ослабили ее влияние, но, в то же время, придали ей и ореол гонимой церкви. Но, несмотря на все старания, «располячить» костел властям не удалось. А без этого, по заявлению Н. Х. Бунге, «деполонизация» края была невозможна. Одна из главных ошибок российских властей состояла, по его мнению, в отождествлении католицизма с польским языком. И пока проповедь и молитва, подчеркивал он, не будут допускаемы на русском языке, «дотоле польский язык сохранит свое господство в семье, и послужит даже к ополячению непольского населения» [14, с. 221].

Натолкнувшись на энергичное сопротивление католического духовенства и пассивное отношение к

этому вопросу католиков не поляков, власти прекратили попытки административными мерами «располярить» костел, С одной стороны, это говорило о прочности традиции и сильном влиянии в них ксендзов. С другой стороны, украинцы и белорусы-католики русскими себя, как того не добивались власти, еще не осознавали. Развитию такого самосознания (чтобы они почувствовали необходимость отстаивания своих национальных интересов, в т. ч. и в религиозной сфере) власти всячески препятствовали. Мешал этому и бытовавший в империи стереотип, что католик и поляк одно и то же. Поэтому во властных кругах сильно было убеждение, что раз православные белорусы и украинцы довольно легко русифицируются, то и католики, «усвоив русскую народность, постепенно обратятся в православие» [15, л. 13]. Потому-то из всего комплекса мер, направленных на достижение поставленной цели, приоритет отдавался перестройке системы народного образования в крае.

Основа же последней была изложена в «Записке о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края», которая была представлена генерал-губернатором 14 мая 1864 г. на рассмотрение Западного комитета. Для «возвышения русской народности и православия в крае» ее автор предлагал, в первую очередь, заняться устройством быта крестьян и распространением общественного образования. При этом главное внимание, по его мнению, необходимо было сосредоточить на открытии значительного числа народных школ, руководить которыми должно православное духовенство. Светские же народные училища предлагалось открывать там, где «невозможно учредить церковно-приходские школы». Последние обязаны были давать человеку самые элементарные знания, главным образом, русский язык и догматы православной веры. Изучению же польского языка и на селе, и в городе ставился заслон. Относительно среднего образования, которое давали гимназии и прогимназии, то число этих учебных заведений «Записка» ограничивала, ибо она рассматривала их как «рассадник польского сепаратизма». Исходя из этого, она предлагала, оставить их только в губернских городах. Предлагала «Записка» обновить и преподавательский состав в гимназиях. Средства, высвободившиеся после их закрытия, предлагалось направить на поддержание народных училищ [16, с. 187, 189]. Обсудив представленный документ, Западный комитет одобрил его положения, которые были «Высочайше утверждены 28 мая 1864 г.» [16, с. 189-191].

Однако реализация вышеуказанного положения столкнулась с немалыми трудностями, особенно в части замещения учителей поляков русскими. Чтобы осуществить это, генерал-губернатору потребовалось добиться у правительства в 1864 г. 50% прибавки к учительскому жалованию. Кроме того, в Московском, Казанском и Харьковском университетах были учреждены 60 стипендий для подготовки преподавателей для средних учебных заведений Северо-Западного края. Благодаря этим и другим стараниям Н. М. Муравьева, Северо-Западный край «преобразился духовно и нравственно» и «сделался исключительно русским и православным» [9, с. XIII].

Преобразование государственной системы народного образования затронуло также домашнее и

частное образования, в котором наличие преподавателей — поляков тоже не приветствовалось. Сложившаяся в Западном крае система образования решено было закрепить на высоком уровне: в 1868 г. попечитель Виленского учебного округа направил в Министерство просвещения соответствующее ходатайство. Последнее было поддержано графом Д. А. Толстым, предложившим не допускать лиц польского происхождения и католического исповедания ни на какие должности в учебных заведениях не только Виленского учебного округа, но и в прочие учебные округа, кроме Варшавского и Дерптского. Однако эта мера не должна была распространяться на преподавателей университетов, законоучителей римско-католического Закона Божия и лиц польского происхождения, находившихся уже на службе [17, л. 70]. «Уточнение» министра особенно затронуло Киевский учебный округ, где в учебных заведениях, на разных должностях, находилось 106 поляков. Их теперь необходимо было заместить лицами русского происхождения. И эта замена была произведена в соответствии «Высочайшим соизволением» от 20 сентября 1868 г. [18, л. 62-64]. Однако замещение преподавателей — поляков русскими, тут же породила проблему нехватки необходимых кадров. В силу этого, правительство вынуждено было в 1874 г. отступить от «своего правила» и разрешить прием на работу поляков-католиков на должности врачей при учебных заведениях. Годом позже на работы в них стали принимать преподавателей математических наук и физики [11, л. 145].

Однако эти изменения не касались Западного края. Здесь, по-прежнему, все шло так, как предложил это в апреле 1864 г. М. Н. Муравьев: польский язык не преподавался во всех средних учебных заведениях, в т. ч. и в частных, молитвы перед уроками в гимназиях читались на русском языке, римско-католический Закон Божий преподавался на русском языке, не отмечались в учебных заведениях католические праздники, не употреблялись в стенах учебных заведений местные языки даже во внеурочное время [10, с. 49-50, 56].

Лишь в 1882 г. на Виленский учебный округ распространилось, с некоторыми изменениями, общее положение о городских училищах. Согласно ему, в числе учебных предметов должен был преподаваться римско-католический Закон Божий, но на русском языке.

Если говорить о начальном образовании, то Западный комитет еще в марте 1863 г. одобрил «Временные правила для школ 6 северо-западных губерний», в которых преподавание всех предметов должно было вестись на русском языке, за исключением католического вероучения. Этот предмет мог изучаться на «местном языке», но не на польском. В 1892 г. попечитель Виленского учебного округа докладывал, что в округе имеется достаточно лиц православного исповедания, чтобы преподавать этот предмет на русском языке. Местные же языки (жмудский, литовский, латышский и немецкий), допускаются лишь по мере необходимости, в первый год обучения [18, с. 163].

Учителями в школах всех 9 западных губерний могли быть только русские православного исповедания. Удаление в связи с этим в начале 1864 г. 135

учителей поляков, вызвало большой спрос на русских учителей. В силу этого, М. Н. Муравьев обратился к 10 архиереям внутренних губерний с просьбой направить воспитанников подведомственных им духовных семинарий на учительские должности в Западный край. И они откликнулись на эту просьбу: в течение года в Виленский округа прибыли 120 семинаристов. Но этого было мало, ибо школам требовались специалисты с профессиональной подготовкой. Чтобы готовить их у себя, 8 ноября 1864 г. в округе была открыта Молодеченская учительская семинария, которая принимала на учебу только русских православного вероисповедания. Однако и ей не суждено было решить «все задачи воспитания народного» [8, с. 538]. Ее деятельность убедила власти, что с помощью одних русских и православных невозможно решить проблему образования многочисленных российских народностей. Осознав это, они вынуждены были открыть в местах с нерусским и неправославным населением доступ к получению профессии учителя начальной школы «иноверцев» и «инородцев». Но в западных губерниях вплоть до 1905 г. не допускали католиков к учительским должностям. Единственное отступление в этом плане было сделано в 1872 г. при учреждении Поневежской учительской семинарии: для облегчения работы русским учителям в литовских школах в ее программу был введен литовский язык. В школу могли поступать и литовцы, но лишь приняв православие.

Итак, к середине 60-х гг. вся система народного образования в Западных губерниях была коренным образом перестроена. Русский язык, в качестве языка преподавания, стал господствующим на всех ступенях школьного обучения. Польский язык был полностью устранен из школы и как предмет изучения, и как язык преподавания католического Закона Божия даже для учащихся поляков. Другие местные языки, за исключением белорусского и украинского, были сохранены лишь в качестве вспомогательного средства при преподавании в начальной сельской школе католического вероучения.

Эта «муравьевская» система народного образования не претерпела каких-либо изменений вплоть до первой российской революции. Она лишь дополнялась мерами, усилившими ее антикатолический характер. Так, в 1887 г. в Ковенской гимназии, по распоряжению попечителя округа, была введена общая для всех учеников христианского исповедания молитва по православному требнику, с чтением и толкованием повседневногo Евангелия под руководством православного священника. Это нововведение сильно обеспокоило католическое население. Вскоре оно было отменено Виленским генерал-губернатором. Взамен общей молитвы под руководством православного священника была введена отдельная по классам молитва, совместная для учеников всех христианских исповеданий. Однако и на этот раз, она должна была производиться с соблюдением православного чина (поклоны, обращение лицом к классной православной иконе). Аналогичный характер носила молитва и перед началом занятий, так называемая предклассная молитва [8, с. 538].

Это начинание «виленцев», а также введенное ими обязательное посещение учениками-католиками православных храмов в «Высокоторжественные

дни» было одобрено Александром III в октябре 1889 г. Эта мера, по общему признанию, должна была способствовать более прочному «скреплению местного населения с остальной Россией». Правда, от обязательного посещения православных храмов освобождались литовцы католики, обучавшиеся в народных училищах Ковенской губернии, в силу «неразвитости среды, к которой принадлежат родители учеников, так и по отдаленности в некоторых случаях православных церквей от селений» [2, л. 101]. Однако этим меропрятиям властей «открыто противодействовали некоторые римско-католические священники», причем, в «присутствии воспитанников-католиков в православных храмах». Об этом писал в своем отчете Ковенский губернатор Куровский в 1888 г. [11, л. 149].

Неприятие католическим духовенством подобных методов «скрепления» с Россией приводило его к естественным конфликтам с учебными властями, заканчивавшиеся для ксендзов административными взысканиями. Но «гонения» властей на них, указывал в 1896 г. Ковенский губернатор С. Суходольский, лишь еще больше «повышают их авторитет среди населения», придавая им «ореол страдальцев за веру». Поэтому губернатор призывал действовать не авторитетом православия, всегда отличавшегося от католичества духом терпимости ко всем исповеданиям, а чисто педагогическими средствами, избегая всего, что может болезненно задеть религиозное чувство простолюдина-католика и подорвать в нем доверие к школе, к учителю и к правительству. Прочтя отчет, Николай II резюмировал: «Совершенно верно. Я разделяю вполне этот взгляд» [19, с. 10-11].

Подобной резолюции, надо полагать, могло бы не появиться, если бы не постоянные волнения на религиозной почве в стране. Для их прекращения МВД ходатайствовало в июле 1897 г. перед царем об отмене обязательного посещения католиками православных храмов, а также о замене общей предклассной молитвы отдельной молитвой по исповеданиям [20, л. 69 об.]. И царь пошел на предложенные «послабления». Отныне, извещал министр народного просвещения И. Д. Делянов попечителей учебных округов, в комнатах, где будут молиться католики, может быть поставлена католическая икона. Но в сообщении митрополиту римско-католических церквей, он подчеркнул, что входящая в состав предклассной молитвы молитва за Государя императора должна читаться на русском языке [11, л. 149].

Однако «послабления», призванные погасить имевшиеся «распри» не только не утихли, а, наоборот, в силу нерасторопности учебных властей, обострили их. К примеру, в Ковенской губернии «Высочайшее повеление» ввели в действие в городских учебных заведениях лишь 22 сентября, а в уездных — 7 октября. Ксендзы же, осведомленные о нем из сообщений в прессе, не дожидаясь формального его объявления, демонстративно уводили учащихся католиков из помещений, где должна была совершаться молитва. Первым это сделал ксендз Рымейко в Шавельской гимназии Ковенской губернии. 20 августа, он обратился к директору гимназии за разъяснениями относительно нового порядка проведения молитвы. Услышав в ответ, что у дирекции

нет на этот счет никаких инструкций ксендз увел католиков с общей молитвы. Возникли недоразумения также из-за несогласия ксендзов помещать католические иконы рядом с православными и даже на одной с ними стене. И как следствие этого, католики становились спиной к православной иконе, что вызывало новые конфликты [2, л. 102 об.]. Подлил «масла в огонь» и вопрос о языке, на котором должна была совершаться молитва. Учебное начальство настаивало на русском языке, т. к. Закон Божий и молитва за царя изучались на русском языке, ксендзы настаивали на польском. Лишь после согласования вопроса с митрополитом римско-католических церквей в России, было решено, что предклассная молитва, в т. ч. и молитва за царя, будет совершаться на латинском языке. Лишь к декабрю 1897 г. был согласован вопрос о том, что тексты молитвы могут составляться епископами самостоятельно по установленному ими образцу [20, с. 5, 7]. Однако и после этого были нередкими случаи, вызывавшие «нежелательные осложнения» [11, л. 150-151].

Однако вышеназванные «послабления» властей в их многолетнем противостоянии с католическим духовенством, в частности, о предклассной молитве и посещении учениками-католиками православных храмов, завершившееся их отменой, было воспринято ксендзами, как победа католицизма над православием. В этой ситуации представители учебного ведомства, не проявив должной гибкости, попытались любой ценой сохранить старые порядки, чем в немалой степени содействовали подрыву авторитета русской школы, давая тем самым новые аргументы для антирусской пропаганды среди католического населения, что, естественно, негативно сказывалось на отношении католического населения, как к русской школе, ко всему русскому вообще.

Политика, проводимая властями в сфере народного образования в Польше и Западном крае, была распространена в дальнейшем на все регионы России, правда, с некоторыми «уточнениями», в частности, для восточных губерний. Так, в 1884 г. Комитет министров, по представлению МВД, запретил замещать должности по сельскому и волостному управлению «фанатикам-мусульманам». Это было сделано, якобы, для ограждения православного населения, а также мусульман, желавших перейти в православие, от воздействия «фанатиков-мусульман» [2, л. 102 об.]. В 1889 г. «Особыми правилами» были ограничены все нехристиане, желавшие стать присяжными и частными поверенными. Этим шагом власти намеревались не допустить «преобладания нехристианских элементов в правительственных и общественных учреждениях, служащих интересам христианского населения» [21, с. 227]. По тем же мотивам были внесены в 1900 г. изменения в «Городовое положение» 1892 г., уменьшившие число гласных-мусульман в городских Думах. Отныне их число не должно было превышать 1/5, а в городах Кавказа — половины общего числа гласных [22, л. 102]. В Туркестане и Степном крае все нехристиане, за исключением туземцев, были лишены права приобретать землю и иную недвижимость [4, л. 6 об.], а в 1890-1891 гг. была отменена суще-

ствовавшая до этого выборность Оренбургского и Таврического муфтиев [4, л. 15-16].

Свою лепту в «ограничения» мусульман внесло и министерство просвещения. В 1888 г. оно подняло вопрос об устранении лиц нехристианского исповедания от руководства начальными училищами. Согласно «Положению об училищных советах» 1874 г., их председателями являлись уездные или губернские предводители дворянства. Нередко им было лицо нерусского происхождения и не православного исповедания. Этот факт попал в 1887 г. в поле зрения проф. Н. И. Ильминского. Об этом он не замедлил сообщить Обер-прокурору Синода К. П. Победоносцеву. В Белебеевском уезде, Уфимской губернии, — писал он, — где «господствует магометанское население» и где имеется много миссионерских крещено-татарских и чувашских школ, училищный совет возглавляет магометанин. По мнению Н. И. Ильминского, в условиях, когда православные «инородцы» подвергаются сильному влиянию магометанства, а многие из «коих...ныне совсем отатарились», недопустимо, чтобы столь важным делом, как народное образование, руководил иноверец. На его взгляд, необходимо сделать в законе оговорку, не допускающую предводителя-иноверца до должности председателя училищного совета [21, с. 228]. Это «справедливое замечание» профессора было учтено и предводители — нехристиане были отрешены от какого-либо участия в школьных делах [23, с. 218-219]. Правда, Государственный совет сохранил за предводителями дворянства из нехристиан «общее попечение о начальном народном образовании», но устранив их от «участия в училищных советах». Тогда же было узаконено, что в их состав, в качестве представителей от земств и городов, должны избираться только христиане. Если предводитель дворянства оказывался не христианином, то председателем становился старший из заседающих членов от гражданских ведомств. 19 декабря 1888 г. это положение было утверждено императором. В эти же годы было установлено, что свидетельство на звание домашних учителей может выдаваться только христианам. Согласно ему, мусульманин не имел права преподавать в казенных средних учебных заведениях. Что касается домашнего обучения, то в 1900 г., он мог заниматься этим делом только в домах своих единоверцев. При этом он был лишен служебных прав и преимуществ, которыми обладали домашние учителя — христиане [4, л. 8 об.].

Не был обойден властями и вопрос об установлении образовательного ценза для кандидатов на мусульманские духовные должности. В 1887 г. министр просвещения И. Д. Делянов предложил ввести в курс мусульманских мектебов и медресе обязательное изучение русского языка, грозя иначе закрыть их. Однако преобразование программ мусульманских школ, МВД сочло преждевременным. Признавая, что принятие мер к обрусению татар является делом, не терпящим отлагательства, оно все же высказалось за соблюдение осторожности и постепенности всех правительственных мероприятий в этом направлении. Признав причину безуспешности распространения русского языка среди татар-мусульман в сопротивлении этому духовных лиц, он пред-

ложил сосредоточить все усилия на поднятии их образовательного уровня. Это обстоятельство и отразили «Правила» 16 июня 1888 г., установившие, что заседатели Оренбургского магометанского духовного собрания должны выдерживать испытания в объеме городского училища; кандидаты на высшие приходские должности (ахунов и хатыпов) в городах — по программе одноклассного начального училища; кандидаты в сельские муллы — представлять свидетельство уездного училищного совета о знании ими разговорной русской речи и умения читать по-русски. Эти правила должны были вступить в силу с 1 января 1891 [24, с. 922-923].

Их обнародование вызвало недовольство населения, усмотревшего в них (под влиянием духовенства) посягательство на неприкосновенность мусульманской религии. В МВД начали поступать многочисленные прошения об их отмене. Однако оно пошло лишь на одну уступку: отсрочив, в октябре 1890 г., введение «Правил» для членов Духовного собрания до 1 января 1896 г.

Но, наряду с «неприятностью», принесли «Правила» и положительные результаты. Так, Казанский губернатор докладывал в 1892 г., что они заставили не менее трети учащихся медресе в Казани «заниматься русской грамотой и языком». Эта тенденция была характерна и для последующих лет. Однако на пути приобщения мусульман к русской грамоте, языку и православию стоят, по заявлению губернатора, «фанатики-муллы», запрещающие детям посещать русские классы [25, л. 243-245]. Это противодействие отметил в 1904 г. и новый Казанский губернатор П. Хомутов. Оно, по его мнению, не прекратится до тех пор, пока сами муллы не будут обязаны иметь определенного образовательного ценза [26, с. 6]. Это лишний раз говорило о том, что правила об образовательном цензе мусульманским духовенством, несмотря на заметное ужесточение правительственной политики в отношении мусульман, не исполняются.

Безрезультатными оказались усилия властей и по установлению ими контроля над конфессиональными школами. В 1886 г. МВД, опасаясь возможного усиления религиозного фанатизма в Крыму, протестов и волнений татар, как это было в Восточных губерниях, воспротивилось предложению Одесского генерал-губернатора об изъятии мектебов и медресе из ведения Таврического духовного правления и передаче их учебному ведомству [27, с. 3]. В 1891 г. МНП напомнило, что мусульманские школы в Крыму, по-прежнему, находятся вне всякого правительственного контроля. Но МВД посоветовало в январе 1892 г. «просвещенцам» не предпринимать «резких шагов», а ограничиться сбором статистических сведений о школах, их посещаемости, без каких-либо руководящих указаний [28, с. 59-59 об.].

Ситуацию с надзором за конфессиональными школами не изменило и правительственное разъяснение, направленное 30 июня 1892 г., попечителям Казанского и Оренбургского учебных округов. Оно предлагало им руководствоваться статьей 6 «Правил 1870 г.», возлагавшей главный надзор за мусульманскими школами на инспекторов (директоров) народных училищ. В связи с этим, попечители должны были издать распоряжение, обязывавшее

содержателей уже существующих школ, предоставить директорам сведения о них [29, с. 112]. Однако ни мусульманское духовенство, ни Оренбургское духовное собрание не выполнили правительственных указаний. Поэтому в 1902 г. последовал специальный циркуляр МВД, предписавший губернаторам, оказать содействие чинам учебного ведомства в сборе сведений о мусульманских школах [29, с. 21]. Однако и после этого циркуляра, мусульманские школы действовали по своему усмотрению, но в отличие от западных губерний и Царства Польского, их учредители и содержатели не несли за это никакой ответственности.

Этот откровенный подрыв правительственной политики понудил центр принять решительные меры к конфессиональным школам и мусульманским духовным лицам. В 1892 г., МНП издало циркуляр, запретивший использование в подведомственных министерству мусульманских школах рукописных книг религиозного содержания и книг, изданных за границей. К употреблению допускались лишь печатные издания, одобренные русской цензурой. Одновременно с этим, было запрещено и преподавание подданным других государств в мусульманских школах. Отныне это могли делать только русские подданные, получившие образование в России. Эти запреты были обоснованы тем, что в рукописных и заграничных книгах имеются сведения, «проникнутые враждой к России», а также проводятся мысли «враждебные русским государственным началам» [25, л. 246 об.].

Руководствуясь циркуляром, учебные власти, при содействии органов МВД, начали изъятие запрещенных книг. Эти акции вызвали волнения в среде мусульман. Население усмотрело в их действиях возможность принудительного крещения мусульман. В силу остроты ситуации, МВД, опасаясь, как это бывало и раньше, эмиграции мусульман рекомендовало в 1894 г. МНП отменить изданные им распоряжения. Последнее согласилось временно приостановить изъятие книг из мусульманских школ, вручив при этом им список из 62 иностранных книг, допущенных к использованию в школах [30, с. 21].

Активизация усилий МНП по установлению контроля над мусульманскими школами вытекала из общей направленности правительственной политики в отношении иноверных конфессиональных учебных заведений. В 80—90-х гг. он мало чем отличался от мероприятий, осуществлявшихся, к примеру, в Царстве Польском, по отношению к имевшимся там духовным учебным заведениям. Однако эти меры, направленные на установление контроля государства за конфессиональными учебными заведениями, не всегда можно признать ограничениями по религиозному признаку, но часто они являлись следствием установленных ранее ограничений. Вследствие этого, в глазах и иноверного, и инославного духовенства, да и населения данные меры воспринимались как продолжение ограничительной политики, а потому и вызывали резкое неприятие и сопротивление.

Лишь незадолго до начала первой российской революции властями были предприняты решительные шаги по отказу от политики ограничений по

национальному и религиозному признакам. Это произошло после принятия 12 декабря 1904 г. «Предначертаний к усовершенствованию государственного порядка», всецело связанных с именем главы МВД П. Д. Святополком-Мирским, служившего до этого Виленским генерал-губернатором, т.е. был человеком, хорошо знавшим интересующую нас проблему. Поэтому его отчет о состоянии Западного края в 1902—1903 гг., критические замечания в адрес российской национальной и вероисповедной политики, были позитивно восприняты Николаем II. Ознакомившись с ним, он поручил Комитету министров «подробно обсудить и неотлагательно представить царю свои окончательные заключения по поднятым здесь общим вопросам» [31, л. 4-4 об., 14-14 об.]. И, надо сказать, многие предложения, высказанные Мирским в отчете, нашли свое отражение в указе 12 декабря. Его пункт 6 всецело вообрал в себя вероисповедный и национальный вопросы. «Для закрепления выраженного Нами неуклонного... желания охранять освя-

щенную Основными Законами Империи терпимость в делах веры, — гласит он, — подвергнуть пересмотру узаконения о правах раскольников, а равно лиц, принадлежащих к инославным и иноверным исповеданиям, и независимо от сего принять ныне же в административном порядке соответствующие меры к устраниению в религиозном быте их всякого, прямо в законе не установленного стеснения». Исходя из сказанного, следующий, 7 пункт указа предписывал «произвести пересмотр действующих постановлений, ограничивающих право инородцев и уроженцев отдельных местностей Империи, с тем, чтобы из числа сих постановлений впредь сохранены были лишь те, которые вызываются насущными интересами Государства и явною пользою Русского Народа» [21, л. 3]. В течение 1905 г., по мере разработки основных положений указа 12 декабря были пересмотрены и отменены многие из ограничений по национальному и религиозному признакам, в т. ч. и в сфере школьного образования.

Библиографический список

1. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1276. Оп. 1. Д. 105.
2. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 90а.
3. Коллекция печатных записок НСБ РГИА. №2931. Справки к делу об исполнении Комитетом министров Указа 12 декабря 1904 г. (по пунктам III, VI, VII, VIII). Третья дополнительная справка по пункту VI Указа.
4. РГИА. Ф. 821. Оп. 10. Д. 215.
5. Дымша Л. Доклад по польскому вопросу, читанный в Санкт-Петербургском клубе общественных деятелей 24 ноября 1905 г. СПб., 1906.
6. Государственная дума. Созыв третий. Сессия четвертая. Стенографические отчеты. Часть 1. — СПб., 1908.
7. Справка ко внесенной, по Высочайшему повелению, всеподданнейшей записке Варшавского генерал-губернатора за 1897 г. Составлена Канцелярией Комитета министров // Библиотека РГИА. Отчеты Варшавского губернатора.
8. Свод Высочайших отметок по всеподданнейшим отчетам за 1896 г. генерал-губернаторов, губернаторов, военных губернаторов и градоначальников. — СПб., 1898.
9. Корнилов И. Русское дело в Северо-Западном крае. Материалы для истории Виленского учебного округа преимущественно в муравьевскую эпоху. СПб., 1901.
10. Миловидов А. Деятельность графа М. Н. Муравьева по народному просвещению в Северо-Западном крае (1863—1865 гг.) по архивным материалам // Журнал Министерства народного просвещения. 1905 г. Июль.
11. РГИА. Ф. 1276. Оп. 1. Д. 106.
12. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 139.
13. РГИА. Ф. 821. Оп. 150. Д. 5.
14. Судьбы России. Доклады и записки государственных деятелей императорам о проблемах экономического развития страны (вторая половина XIX в.). — СПб., 1999.
15. РГИА. Ф. 1284. Оп. 190. Д. 84б.
16. Записка о некоторых вопросах по устройству Северо-Западного края. 14 мая 1864 г. // Четыре политические записки графа М. Н. Муравьева Виленского. Русский Архив. 1885. №6.
17. РГИА. Ф. 733. Оп. 177. Д. 267.
18. Чарнолуцкий В. И. «Свод законов, циркуляров и справочных сведений по народному образованию в переходный период». М., 1908.
19. Библиотека РГИА. Отчеты о состоянии Ковенской губернии. 1888 г.
20. РГИА. Ф. 1282. Оп. 3. Д. 240.
21. Общий обзор деятельности Министерства внутренних дел во время царствования Императора Александра III. — СПб., 1901.
22. РГИА. Ф. 1276. Оп. 2. Д. 12.
23. Письма Н.И. Ильминского к обер-прокурору Святейшего синода К. П. Победоносцеву. — Казань, 1895.
24. Лаурсон А. М. Справочная книга для учебных заведений и учреждений ведомства Министерства народного просвещения. Второе издание. — Пг., 1916.
25. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 800.
26. Библиотека РГИА. Отчеты о состоянии Казанской губернии. 1899 г.
27. Библиотека РГИА. Отчеты о состоянии Казанской губернии. 1904 г.
28. Отчеты о состоянии Одесского генерал-губернаторства и Одесского градоначальства. 1886 г.
29. Дякин В. С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX в.) // Вопросы истории. 1995. №
30. Фальборк Г., Чарнолуцкий В. Иностранные и иноверческие училища. Систематизированный свод законов, распоряжений, правил, инструкций и справочных сведений об училищах: колониальных, протестантских, католических, армянских, для раскольников и сектантов, иностранных, магометанских, караимских и еврейских. — СПб., 1903.
31. РГИА. Ф. 821. Оп. 8. Д. 823.

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 20.08.08.

V. G. Babin

THE RUSSIAN LEGISLATION OF SECOND OF HALF XIX — BEGINNING XX CENTURIES THE LIMITATION THROUGH NATIONAL AND RELIGIOUS THE SIGNS

In the article, on the basis of documentary sources (publish and archives), is analysed the russian legislation of second of half XIX — beginning XX centuries the limitation through national and religious the signs.

Russian empire, polish resign, national frontier areas, chauvinism, peoples education, school legislation.

УДК 572

А. В. Базайченко

ОСНОВНЫЕ ОСОБЕННОСТИ НАСКАЛЬНЫХ ИЗОБРАЖЕНИЙ ГОРНОГО АЛТАЯ СКИФСКОЙ ЭПОХИ

Работа посвящена анализу наскальных изображений Алтая скифской эпохи. Проанализированы стилистические особенности основных образов наскального искусства. Нами отмечены существенные отличия между наскальным искусством и искусством погребальных комплексов.

наскальные изображения, скифская эпоха, стиль, образ, композиция

Алтай — значительная часть Центральной Азии, представляющий собой единый природно-исторический регион Евразии с ярко выраженным с эпохи бронзы традиционным типом скотоводческого производящего хозяйства, оказался в эпоху политико-административных границ на территории четырех современных государств. Северная часть горной системы — российский Алтай; западная — в составе Казахстана; восточная — монгольский Алтай; а самый юг Алтая в составе Синьцзянь — Уйгурского автономного района КНР.

В настоящее время на территории Горного Алтая, включая Республику Алтай, Монгольский, Казахстанский Алтай и Алтайский район КНР известен 41 памятник с изображениями, относящимися к скифскому времени. Они в разной степени исследованы, — от публикации сведений и упоминаний, до публикации изображений и описания рисунков. Среди них по опубликованным данным на территории Республики Алтай — 20, в Монгольском Алтае — 6, в Восточном Казахстане — 5 и в Синьцзянь-Уйгурском национальном округе КНР — 10 памятников. В общей массе они насчитывают более 1000 изображений, относящихся к скифской эпохе. Этот известный в настоящее время материал, а также памятники, обследованные автором, являются источником нашего исследования.

В настоящее время одной из актуальнейших проблем остается определение даты многих памятников наскального искусства. Известно, что наскальные изображения один из наиболее труднодатированных археологических источников, а соотнесение их с какой-либо конкретной эпохой и выделение изображений скифской эпохи из всего многообразия петроглифов других эпох, задача достаточно сложная. Она связана с тем, что практически нет памятников, которые содержали бы изображения, относящиеся только к скифской эпохе. Как правило, на каждом из известных памятников присутствуют рисунки, относящиеся как к предшествующему времени скифской эпохи, так и более поздние.

Тем не менее, можно выделить памятники, которые содержат большинство изображений скифского времени. В данном случае первой задачей исследования является выделение из общей массы наскальных изображений рисунков скифского времени.

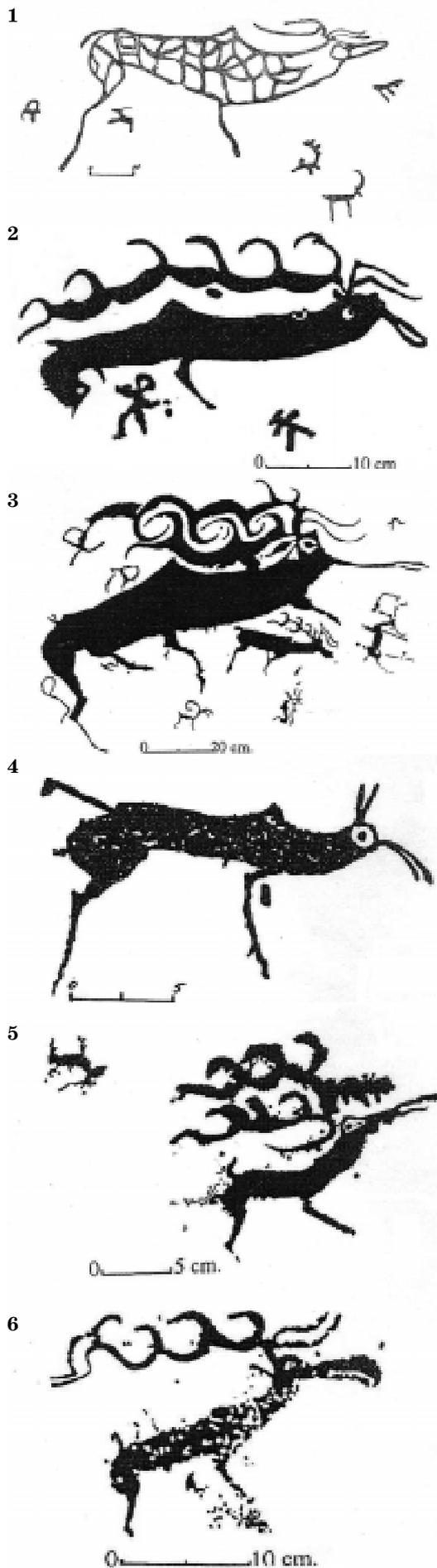
Скифский период в наскальном искусстве Горного Алтая, имеет ряд других нерешенных, и по сей день вопросов. Среди них хронологическое определение наскальных изображений скифской эпохи, стилистические особенности наскальных изображе-

ний Горного Алтая, характерные сюжеты — петроглифических памятников; связь с предшествующим пластом искусства эпохи бронзы и последующим хунно-сарматским временем. Продолжается процесс открытия, и исследования новых памятников наскального искусства на территории российской части Горного Алтая (Республика Алтай) и сопредельных территорий Монгольской Народной Республики, Казахстана и Синьцзянь-Уйгурского национального района КНР, т. е. на территории Большого Алтая как природно-исторического региона Центральной Азии в древности.

Вместе с тем, в результате резкого накопления за последние десятилетия материалов по наскальному искусству возникли новые задачи, среди них — необходимость обобщить материалы, накопленные по наскальному искусству скифской эпохи на территории Горного Алтая; исследовать связь с пазырыкским искусством «звериного стиля» из погребальных комплексов; выявить общие черты и особенности по сравнению с другими территориями скифо-сибирского мира; выявить функциональное отличие наскальных изображений скифского времени от наскального искусства других исторических периодов. Интересно, в этой связи, проследить приемы изображений, которые неизбежно должны быть иными не только из-за различий в технике, но в результате их функциональных особенностей. В неолите и палеолитическую эпоху фигуры животных на плоскости, как правило, связаны между собой каким-нибудь сюжетом и в результате мы часто встречаем композиции, в которых прослеживается, прежде всего, связь между изображенными фигурами. Такая же ситуация наблюдается и в средневековье, где в наскальных изображениях тоже часто встречаются композиции и совсем по иному — скифское время. В скифском наскальном искусстве животные изображались сами по себе. Мастера этой эпохи, как правильно, подметила Е. В. Переводчикова, редко создавали композиции [1, с. 74-75].

Это связано с тем, что в скифскую эпоху, начиная с изображений на оленных камнях, изображение приобретает четко выраженную функцию символа, своего рода знака, значение которого хорошо знали люди той эпохи.

Известно, что в целом для изобразительного искусства скифской эпохи характерны строго определенные образы и сюжеты. Ведущее место, несомненно, занимает образ благородного оленя. Среди изображений копытных широко распространены так же образы козла и барана, кони играют, по срав-

нению с ними, меньшую роль, единичны изображения кабанов. Среди изображений хищников господствуют кошачьи, а среди птиц — орлы, грифы, дрофы, вороны, водоплавающие. Распространен сюжет «преследования» хищниками различных животных и сцены охоты.

Одним из наиболее распространенных образов наскального искусства, как показал сравнительный анализ Горного Алтая был олень. Изображения этих животных на скалах узнаваемы по характерным стилистическим изображениям, не уступающим часто изображениям на металле, дереве и иных материалах. Часть изображений выполнена в силуэтом стиле, довольно лаконично, самыми скупыми средствами (Рис. 1-4). Другие рисунки выполнены контурно и часто украшены спиралью, завитками, запятыми, а голова обрамлена великолепными рогами (Рис. 1; Рис. 2; Рис. 3-3).

Среди всего многообразия наскальных изображений можно выделить ранние, близкие к изображениям на оленных камнях. У этих оленей рога в виде плавно изогнутой ветви с S-видными отростками, либо без рогов. Ноги показаны небрежно проведенными линиями и выглядят укороченными по сравнению с натурой. У этих рисунков оленей на спине также есть небольшой острый горбик. Глаз изображен круглым увеличенным, морда обычно с раскрытым ртом, удлиненная, напоминает очертаниями клюв, отчего они получили название «оленей с клювовидными мордами». (Рис. 1).

Стилистически, наскальные изображения оленей скифского времени выделяются в три группы: олени с подогнутыми под туловище ногами; стоящие на кончиках копыт (на цыпочках) и в позе «внезапной остановки» («в стопоре»).

Изображения оленей в позе «внезапной остановки» представлены на памятнике Калбак-Таш (Рис. 3-1). У них ноги выброшены вперед в скач, туловище немного вытянутое, морда вытянутая, слегка приподнятая, рога удлиненные, закинута за спину в виде прямой линии с множеством вертикальных загнутых отростков, характерных для скифской изобразительной традиции. На спине обозначен небольшой горбик, шея длинная, вытянутая.

Четыре изображения оленей в позе «внезапной остановки» известны на памятнике Туэкта (Рис. 3-2). У трех изображений рога большие вертикальные с множеством отростков («рога дерева»). Рисунок со скалы долины Тогустан (Рис. 3-3) также относится к этой группе изображений. Там изображены марал и самка. Тела животных переданы в контурной манере. У самца показаны ветвистые, очень красивые, но непропорционально большие удлиненные рога; пасть чуть раскрыта, видно лавролистное ухо. На крупе животного, исполненном в технике сплошной выбивки силуэта, барельефно показаны «запятая» и точка рядом с ней.

Аналогичное изображение известно на памятнике Тсагаан Салаа, (Монгольский Алтай) [2]. Изображение выполнено в технике сплошного силуэта, рога большие, закинута за спину, шея прямая, морда вытянутая смотрит вправо, обозначен небольшой хвост, круп животного каплевидной формы, ноги небольшие, тонкие, на концах обозначено копыто, на спине небольшой горбик (Рис.4-1).

Другая группа изображений — олени, стоящие на кончиках копыт. В эту группу входит одно изображение с памятника Калбак-Таш (Рис.4-2). Ноги оленя свисают вниз, они прямые и длинные, морда задрана чуть вверх, на спине небольшой горбик, два длинных рога закинута за спину. Рога тон-

Рисунок 1

1—Елангаш (по Окладников А. П.); 2, 3 — Тсагаан Салаа (по Кубарев В. Д.); 4 — Калбак-Таш (по Кубарев В. Д.); 5, 6 — Бага-Ойгур (по Кубарев В. Д.)

кие с множеством отростков, отходящих вверх от основной оси. Изображение схематичное, но в нем отражены основные признаки, характерные для изображений скифского времени.

Аналогичное изображение было обнаружено у подножья горы Хрустальная, в урочище Бошту (Рис. 4-3) [3, с. 276-279]. В многофигурной композиции в центральной ее части, помещена фигура благородного оленя, который легко узнаваем по огромным ветвистым рогам, вертикально идущим вверх, с множеством характерных отростков, шея и морда вытянуты вперед — вправо, тело поджарое, на спине небольшой горбик, ноги длинные, прямые свисают вниз.

В серии монгольских изображений также есть фигуры оленей стоящих на кончиках копыт. На памятнике Тсагаан Салаа (Рис. 4-4) известны два изображения, скорее всего, взрослый олень и олененок. У взрослого оленя большие рога S-образной формы, закинута за спину, морда слегка наклонена и соприкасается с ухом олененка, тело поджарое, ноги прямые длинные, обозначено копыто. Чуть ниже и правее изображен олененок, у которого отсутствуют рога, два больших уха, морда слегка приподнята, смотрит вправо, шея длинная, хвост торчит вверх. Тело поджарое, ноги длинные и согнуты в коленях, как бы неуверенно стоит, и тоже обозначено копыто. Очевидно эта деталь была важна для этой группы изображений.

В сцене нападения хищника на оленя из Тсагаан Салаа (Рис. 4-5), олень изображен тоже в позе «на цыпочках». Ноги длинные, прямые, внизу обозначено копыто, туловище поджарое, шея утолщенная, вытянутая. Обозначен большой круглый глаз, морда вытянутая и раздвоенная, в виде клюва. Рога большие с S-видными отростками.

При рассмотрении известных сейчас изображений на территории Горного Алтая мы пришли к выводу, что олени с подогнутыми ногами встречаются крайне редко. Одно изображение было зафиксировано мною на комплексе Карачат в Кош-Агачском районе Республики Алтай (Рис. 5-1). Схематичное изображение оленя, ноги согнуты под туловищем и образуют замкнутое овальное пространство. Рог прямой, вертикальный с отростками, отходящими в разные стороны.

Изображений оленей с подогнутыми ногами встречается больше на территории Монгольского Алтая. На памятнике Тсагаан Салаа (Рис. 5-2), известно изображение оленя, ноги которого подогнуты под туловище, на концах подобие когтей, шея и морда вытянуты вверх, на голове два вертикальных рога с отростками.

Два изображения оленей с подогнутыми ногами известны на памятнике Бага-Ойгур (Рис. 5-3, 4). У одного изображения ноги подогнуты под туловище, обозначено копыто, рога отсутствуют, морда сильно вытянутая, на спине небольшой горбик. Второе изображение этой группы, также может быть включено в эту группу, но оно, вероятно, более раннее, по сравнению с предшествующими. У изображения оленя (Рис. 5-4) подогнута передняя нога, задняя прямая и тонкая, как у оленей «на цыпочках». Хвост длинный с петлей или круглишком на конце, что соответствует традиции эпохи бронзы. На спине небольшой горбик, морда большая с раскрытой пастью, большой круглый глаз. Рог небольшой, утолщенный, загнутый к морде с тремя мелкими отростками.

Особое внимание при изображении оленей, уделялось рогам. Рог был одним из определяющих элементов символом животного-

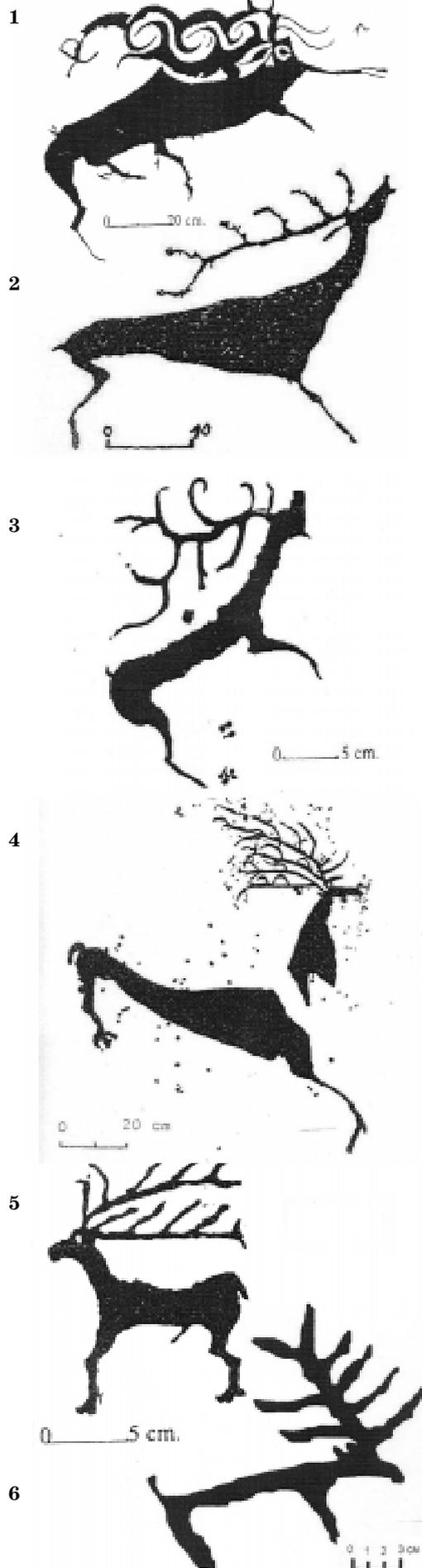

Рисунок 2

1, 3 — Тсагаан Салаа (по Кубарев В. Д.); 2 — Чанкыр-Кель (по Окладников А. П.); 4 — Калбак-Таш (по Кубарев В. Д.); 5 — Бага-Ойгур (по Кубарев В. Д.); 6 — Карачат (собственные материалы)

го в скифскую эпоху. При рассмотрении наскальных изображений оленей скифского времени в Горном Алтае можно выделить шесть групп изображений по типам рогов, которые сведены нами в таблицу (Рис 2).

Первый тип: рога S-образной формы. Классический рог изображений скифской эпохи. Большие гипертрофированные рога, в виде буквы S, встречаются изображения оленей как с одним рогом, так и с двумя рогами такой формы.

Второй тип: рог в виде стержня с отростками. Для этого типа характерно горизонтально закинута основа рога больших размеров, с небольшими отростками с внешней стороны рога, слегка скругленными на концах.

Третий тип: рог с отростками с двух сторон. Рог больших размеров, закинута за спину, от которого отходит множество отростков в разные стороны, в виде завитков, выполненных в традиции, характерной для скифской эпохи.

Четвертый тип: рога-кусты. Для этого типа характерно наличие нескольких основных стволов, с множеством мелких отростков, иногда на мелких отростках есть еще отходящие в разные стороны отростки, выполненные в характерной манере. Вероятно, не все изображения с такими рогами относятся к скифской эпохе. Скорее всего, они появляются раньше, в эпоху бронзы и продолжают существовать в скифское время.

Пятый тип: рога-двойные. Две горизонтальных или вертикальных ветви рогов, с отростками по одной или по обе стороны от основы рогов. Они широко известны в предшествующую эпоху, часть из них относится к скифскому времени.

Шестой тип: рога-деревья. Один вертикальный ствол, от которого в разные стороны отходят отростки, чаще всего параллельно друг другу. Такие рога встречаются и в другие эпохи.

Среди наскальных изображений скифского времени в Горном Алтае особенно часто встречаются изображения баранов и козлов. Их значительно

больше, чем изображений оленей, они встречаются на всех памятниках, где есть изображения скифского времени. Отличительная черта, по которой можно с полной уверенностью говорить о том или ином виде животного — это рога. У баранов рог закрученный, в виде спирали или круга, а у козлов — рог прямой, небольшим скосом. У баранов всегда показана более мощная, поднятая грудь. Рога барана переданы объемно, с обозначением характерных годичных выступов, а у коз — они параллельные, гладкие.

С изображениями баранов и козлов связано несколько нерешенных пока проблем. Так нет различий в изображениях между домашними и дикими животными. Скорее всего, это ни то и не другое, вероятно, это образы мифологические. Если бы играло роль, какое изображено животное — домашнее или дикое, то надо предполагать, что эта особенность была бы как-то отмечена в рисунках. Однако этого не наблюдается нигде.

Вторая проблема в том, что изображения баранов и козлов появились задолго до скифской эпохи и, в отличие от оленей, не претерпели со временем больших стилистических изменений. Они в большинстве своем не несут признаков и изобразительных элементов, характерных для скифской эпохи, поэтому большое значение имело рассмотрение композиций с датирующими изображениями и общие стилистические особенности, присущие изображениям скифской эпохи, в том числе и статичность.

Изображения козлов и баранов встречаются как одиночные, так и в композициях. В 2007 году на памятнике Бичикту-Бом нами были зафиксированы два изображения козлов (Рис. 6-5). Одно изображение с двумя параллельными закругленными рогами, небольшим ухом, торчащим вертикально, утолщенным хвостом, тело вытянутое, две прямые утолщенные ноги. Второе изображение развернуто влево, тонкое длинное туловище, ноги тоже тонкие, длинные, рог, выходя из головы, сходится с шеей, образуя круг.

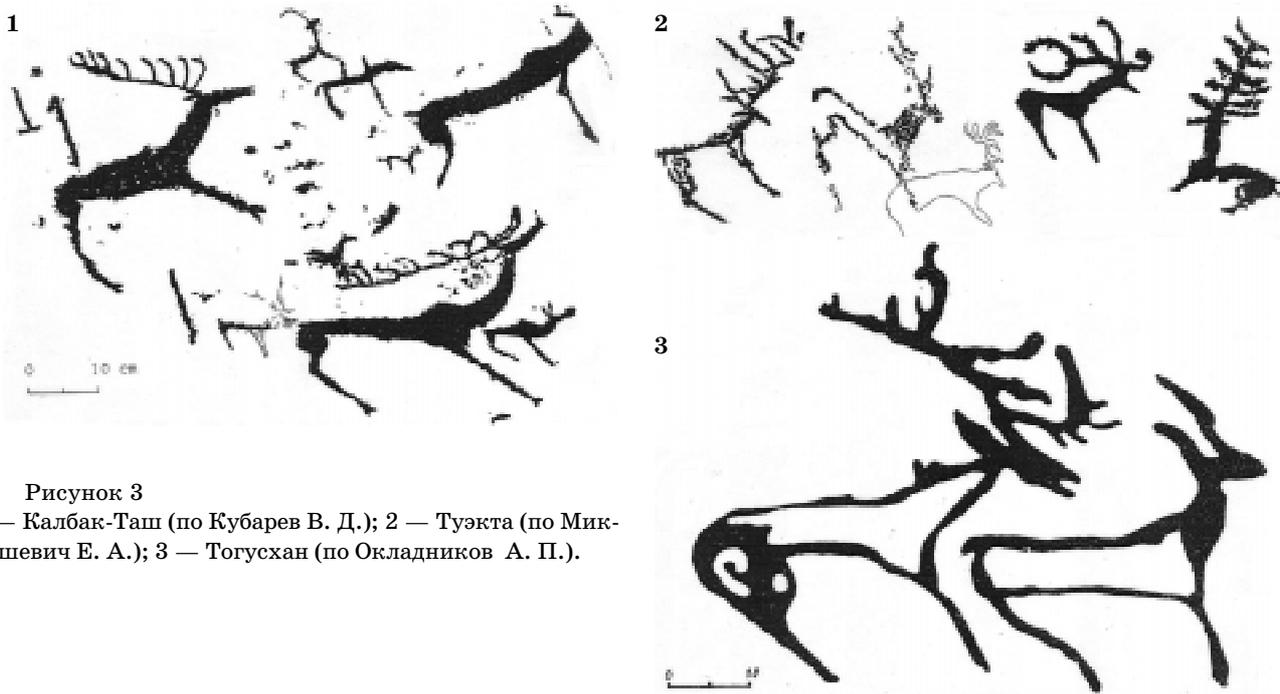

Рисунок 3

1 — Калбак-Таш (по Кубарев В. Д.); 2 — Туэкта (по Миклашевич Е. А.); 3 — Тогусхан (по Окладников А. П.).

На памятнике Елангаш, три изображения козлов, рога удлиненные, закругленные на конце, тела вытянутые, очень схематичные, ноги короткие, прямые, у всех трех изображений небольшой хвост (Рис. 6-4).

На памятнике Курман-Тау, изображение барана, рог закручен в виде спирали, ноги согнуты, тело прямое, длинное, шея вытянутая (Рис. 6-7).

На территории Монгольского Алтая изображений баранов и козлов известно намного больше, чем на территории Республики Алтай. На памятнике Тсагаан Салаа, известны интересные изображения баранов. У одного из них рог закручен в виде спирали, ноги прямые, слегка вытянутые вперед, обозначено копыто, морда вытянутая, изображен глаз. Еще одно изображение — баран показан контурной выбивкой, задняя нога прямая, тонкая с копытом, передняя короткая, изогнутая, грудь большая, морда задрана вверх и вытянута, рог небольшой, закрученный (Рис. 7-5).

На памятнике Тсагаан Салаа (Рис. 7-1, 2) изображены большие группы козлов и баранов. Среди них заслуживает внимания сцена нападения хищника на козла. У животного длинный, слегка изогнутый рог, морда большая, опущенная вниз, шея длинная, ноги тоже длинные, прямые с копытом, поза «внезапной остановки» (Рис. 7-2). На этом же памятнике пять изображений козлов. У одного ноги подогнуты под туловище, четыре козла повернуты влево, рога длинные, слегка изогнутые, ноги прямые, обозначено копыто, животы подтянутые.

Еще один групповой рисунок на этом же памятнике. Изображена процессия шагающих рядом козлов (Рис. 7-4). Верхний ряд из шести козлов шагает вправо, нижний — из пяти животных, шагает влево. У животных рога вытянутые, слегка загнутые, ноги небольшие, прямые. Внизу еще два изображения козлов, рога двойные параллельные прямые, морды вытянутые, с небольшой бородкой.

Эта композиция, «дублирует» сцену с шествующими хищниками с колоды — саркофага из второго Башадарского кургана. Сюжет шествия животных известен в художественном творчестве скифов и саков: фантастические крылатые существа, идущие друг за другом с натянутыми луками, представлены на золотых ножках из Мельгуновского и

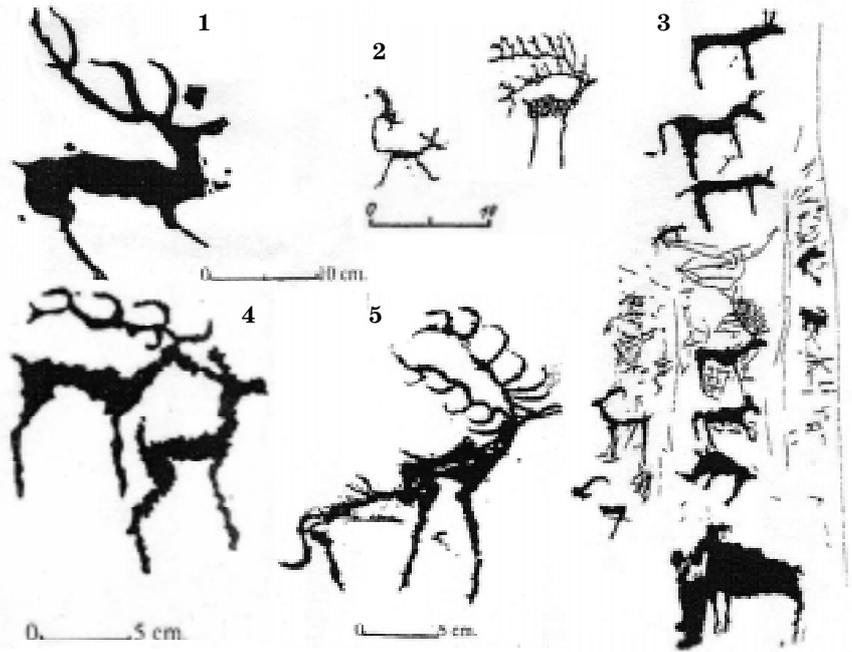

Рисунок 4

1, 4, 5 — Тсагаан Салаа (по Кубарев В. Д.); 2 — Калбак-Таш (по Кубарев В. Д.); 3 — Бош-Туу (г. Хрустальная) (по Тишкин А. А., Чекрыжова О. И.)

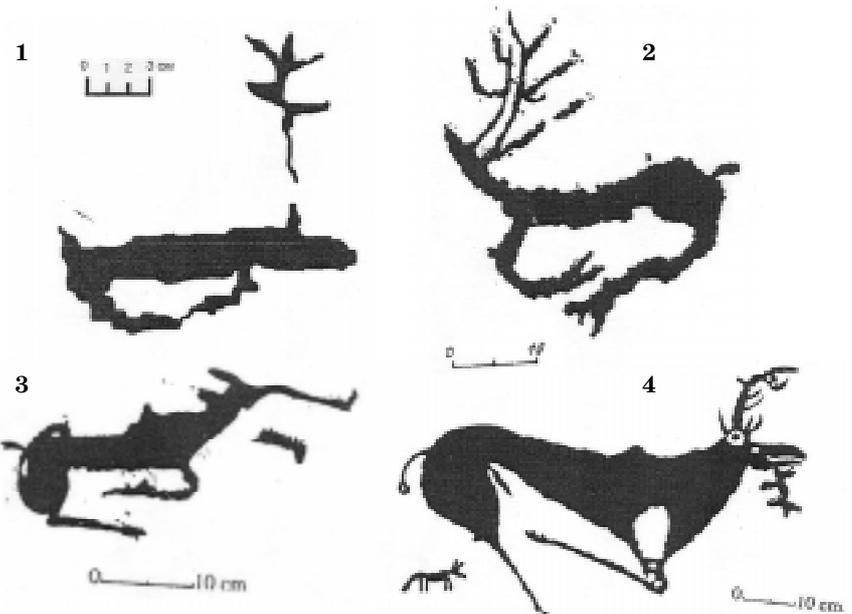

Рисунок 5

1 — Карачат (собственные материалы); 2 — Тсагаан Салаа (по Кубарев В. Д.); 3, 4 — Бага-Ойгур (по Кубарев В. Д.)

Келермесского курганов, по краю Семиреченского алтаря тоже изображены «шествующие» скульптурные фигурки крылатых тигров. Идущих друг за другом тигров можно видеть на саркофаге Первого Туэктинского кургана. Вереница идущих оленей и бегущих лосей известна на стенках саркофагов Второго Туэктинского и Первого Пазырыкского курганов. Татуировка в виде цепочки бегущих баранов сохранилась на теле вождя из Второго Пазырыкского кургана [4, с. 83]. Композиционное построение на петроглифе и на рисунке с саркофага одинаковы: часть животных «шествует» вправо, другие — в противоположную сторону.

Таким образом, традиция шествия прочно соответствует изобразительной традиции скифской эпохи, хотя и возникла, судя по всему в более ранний период, являясь традицией плоскостного изобразительного искусства.

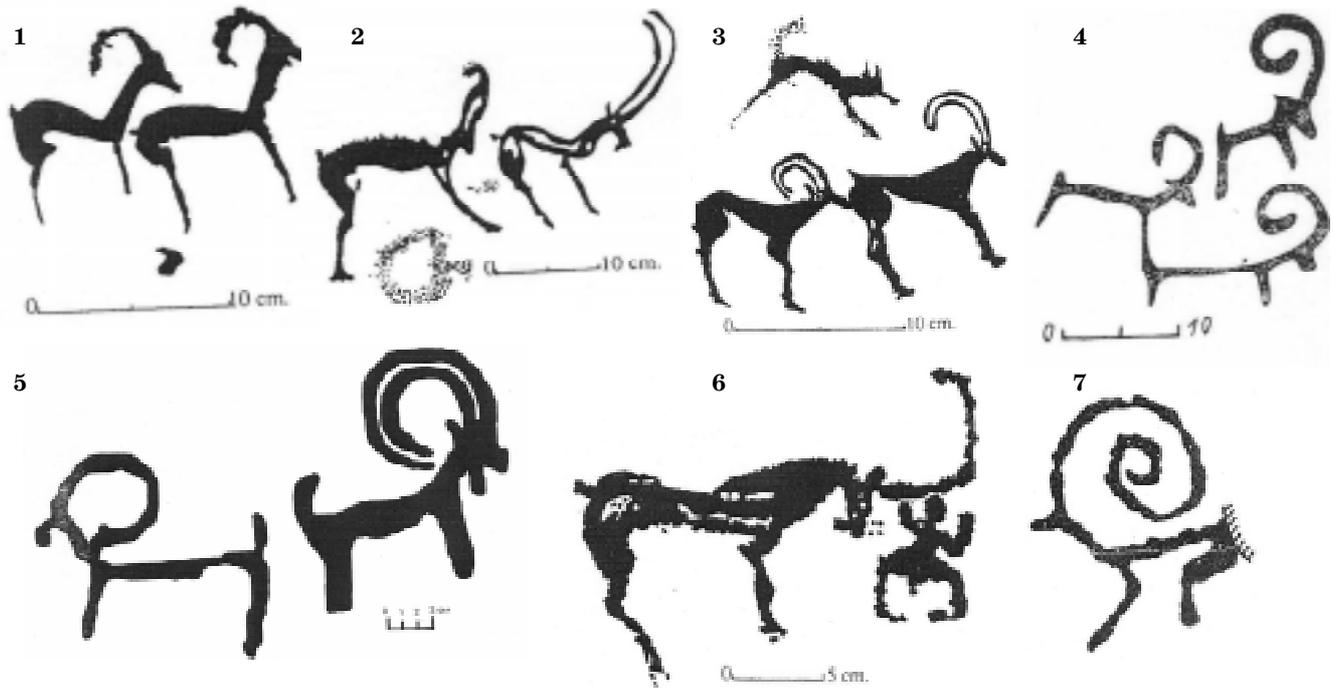

Рисунок 6
1, 2, 3, 6 — Бага-Ойгур (по Кубарев В. Д.); 4 — Елангаш (по Окладников А. П.); 5 — Бичикту-Бом (собственные материалы); 7 — Курман-Тау (по Елин В.Н.)

Не случайно один и тот же сюжет, выполнен на разных материалах и в разном художественном уровне. Мастерство художника, создавшего сцену на камне, намного уступает мастерству автора, работавшего по дереву. Бага-Ойгурскую процессию следует датировать в рамках скифской эпохи. Композиция выполнена достаточно реалистично, с соблюдением пропорций, но фигуры грубоваты. В данном случае, значение имело, видимо, не художественное исполнение, а идея, заложенная в изображении вереницы животных, — идея повторения.

Другой композиционный сюжет связан с парным изображением животных в скифскую эпоху. На памятнике Бага-Ойгур три композиции с парными изображениями козлов. Такие композиции встречаются и на других памятниках. На рисунках козлов ноги прямые, обозначено копыто, живот подтянут, морды вытянуты, рог в виде полукруга (Рис. 6-1, 2, 3). Другое изображение — с двумя длинными прямыми рогами, слегка загнутыми на конце, морда опущена вниз, с небольшой бородкой, маленький, круглый глаз, на крупе — узор в виде «запятой». Ноги прямые, слегка вытянутые вперед — поза «внезапной остановки». Изображение слева, выполнено в технике сплошного силуэта, рог небольшой, на конце рог загнут, с пятью маленькими штрихами сверху.

Заслуживает внимания еще одна композиция с Бага-Ойгура (Рис. 6-6), где изображен козел — голова и рог которого наклонен к человеку. Человек показан меньших размеров, чем козел. Рог у козла большой, скругленный, морда, опущенная вниз, с бородой. Шея и загривок большие, утолщенные, на теле и крупе животного узор. Руки человека подняты вверх, как бы касаются, или держат козла за рог.

Наскальное искусство скифской эпохи вообще и Горного Алтая в частности является составной частью искусства скифо-сибирского мира. Однако оно, как показывает анализ, проведенный на материалах Гор-

ного Алтая, не повторяет все образы и сюжеты, присущие искусству «звериного стиля» скифской эпохи.

В наскальных изображениях отсутствуют изображения львов, пантер, грифонов и фантастических существ, которые широко представлены в искусстве погребальных комплексов.

В произведениях звериного стиля из погребальных комплексов поражает обилие разнообразных завитков и вихревых линий. Но при этом звери не теряются в сложных узорах, они выполнены достаточно близко к природным прототипам. Достигается такая «реалистичность» изображений, благодаря четко акцентированным признакам.

В погребальных комплексах встречаются не только рельефные, барельефные и скульптурные изображения, но и плоскостные. Это в основном аппликации из кожи и войлока. Они многоцветные, часто бывают ажурными, сложного рисунка. В этих ажурных изображениях, на теле животного С. И. Руденко выделял несколько геометрических фигур, которые, по его мнению, осознанно использовались древними мастерами при построении образа зверя. К их числу относятся квадрат и треугольник, S-образные и каплевидные фигуры, фигуры в виде «рога пальметки», фигуры в форме скобки, точки, запятой и завитков. Они применялись по-разному: одни и те же могли изображать то отдельные детали животного, то служить смысловыми знаками, заполнявшими его поверхность в фигуры [5, с. 307-308].

Итак, для изображений оленей скифского времени характерны строго канонические позы и определенные типы рогов. Эти изображения узнаваемы и выделяются из общей массы наскальных изображений разных эпох.

Наскальные изображения скифской эпохи выделяются из общей массы наскальных изображений стилистическими особенностями: ограниченный набор канонических поз, круглый глаз, треугольное

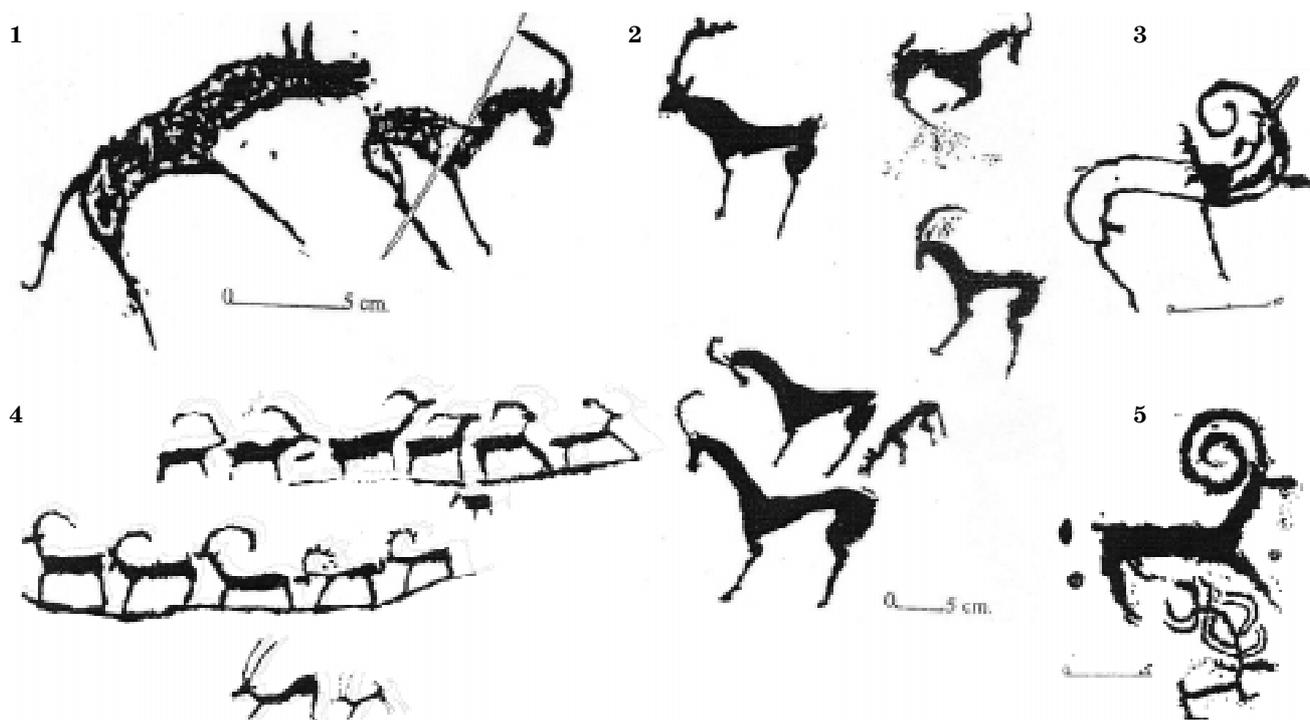

Рисунок 7
1, 2, 3, 4, 5 — Тсагаан Салаа (по Кубарев В. Д.)

ухо, небольшой острый горбик на спине, поджарое туловище, массивные рога; округлость, плавность линий, высокая реалистичность образов в целом, при сочетании условности в трактовке деталей. В фигурах акцентируются важные признаки изображения. В скифском зверином стиле звери изображались сами по себе, они были образами-знаками, мастера той эпохи редко создавали композиции. Вместе с тем, надо отметить, что в наскальном искусстве, в передаче образов меньше каноничности, присущей искусству погребальных комплексов. Очевидно, это связано с тем, что эти два комплекса изображений (наскальное искусство и искусство погребальных комплексов) выполняли разную общественную роль.

Важным для наскального искусства является вопрос о конкретной принадлежности к археологи-

ческой культуре. На территории российского Горного Алтая, сейчас выделены две основные археологические культуры скифского времени, определены основные памятники, время их существования и целый ряд других вопросов, которые позволяют нам из общей, известной сейчас, массы памятников наскального искусства выделить памятники и изображения, относящиеся к пазырыкской и кара-кобинской археологической культуре скифского времени в Горном Алтае. Однако пласт культуры, представленный наскальным искусством, настолько традиционен и своеобразен, что вряд ли можно сейчас памятники наскального искусства связывать с той или иной субкультурой, выделенной только по курганным захоронениям. Вероятно это дело будущего.

Библиографический список

1. Переводчикова Е. В. Язык звериных образов. Очерки искусства евразийских степей скифской эпохи. — М., 1994. — 206 с.
2. Esther Jacobson, Vladimir Kubarev, Damdensurenjin Tseevendorj. Mongolie du Nord-Ouest Tsagaan Salaa / Baga Oigor // Repertoire des Petroglyphes D'Asie Centrale №6. — Paris, 2001. — 481 с.
3. А. А. Тишкин, О. И. Чекрыжова. Изображения животных в аржано-майэмирском стиле у подножья горы Хрустальная (Горный Алтай) // Изобразительные памятники: стиль, эпоха, композиции. СПб., 2004. — С. 276-279.
4. Баркова Л. Л. Резные изображения животных на саркофаге из 2-го Башадарского кургана. — Л., 1984. — Вып. 25.
5. Руденко С. И. Культура населения Горного Алтая в скифское время. — М.; Л., 1953. 402 с.

A.V. Bazaychenko

THE MAIN(BASIC) FEATURES OF ROCK DRAWINGS OF MINING ALTAI СКИФСКОЙ OF EPOCH
The activity is dedicated to the analysis of rock drawings of Altai скифской of epoch. The stylistic features of the main(basic) modes(images) наскального of art are parsed. We mark essential differences between наскальным by art and art погребальных of complexes.

rock drawings, scythes epoch, style, mode(image), composition

УДК 902

*Б. Батмунх, Н. С. Модоров***РУССКО-ДЖУНГАРСКИЕ ОТНОШЕНИЯ В 1717—1745 гг.***

В статье, на основе анализа опубликованных и архивных источников рассмотрен процесс развития русско-джунгарских отношений в 1717-1745 гг.

Русское государство, Южная Сибирь, приведение в подданство, Семиречье, Сырдарья, Китай, агрессия, феодальные войны, маньчжуры, ясак

Неудача с экспедицией подполковника И.Д.Бухгольца не только не приостановила дипломатическую деятельность русского правительства, а, наоборот, заметно активизировала ее. Учитывая мощь Джунгарского государства и его влияние в пограничных районах Южной Сибири, оно принимало срочные меры по укреплению своих «владений». С этой целью, в 1717 г. возводятся Железинская крепость, потом — восстанавливается Ямышевская, а год спустя, — закладывается Семипалатинская крепость, а в 1720 г. — Усть-Каменогорская, возникшая при впадении р. Ульбы в Иртыш [1, с. 76]. Это позволило России закрепить за собой к 1720 гг. — правобережье Иртыша, от устья р. Оми до устья Ульбы. Вставшие по Иртышу крепости (а между ними — форпосты, редуты и зацеты) позволили правительству создать оборонительную линию, оградившую — в известной мере — русские владения в Барабинской степи, Верхнем Приобье и присоединенной части Алтая от ойратских и «иных воинственных набегников» [2, с. 24].

Появление российской военной линии, конечно же, противоречило интересам джунгарского правителя, однако обострение его отношений с цинским Китаем вынудило его смириться с возникшей «реальностью» и даже пойти на улучшение русско-ойратских отношений, что в полной мере продемонстрировали посольские миссии капитана И. Унковского в Джунгарию в 1722-1724 г. и Борокурмана (в 1721 г.) и Доржа (в 1724 г.) — в Петербург [1, с. 76].

Однако удачно начавшийся русско-ойратский дипломатический диалог, прервала смерть Цэван-Рабдана (в 1727 г.). Происшедшей сменой власти в Джунгарии сразу же попытались воспользоваться цинские власти, стремясь завершить — с выгодой для себя — свои многолетние переговоры с ойратами относительно линии ойратско-халхаской границы по Алтаю, торговли, а также взаимоотношений с Россией, в частности, о границе с ней. Идя на переговоры с новым ханом Джунгарии, цинский император Инчжэнь (императорское имя Юнчжэн) посетовал в своем послании на «некую несговорчивость» его отца и, чтобы устранить все «неясности», имевшие место между их «державами», он даже предложил Галдан-Цэрэну свою кандидатуру в качестве наставника. Однако последний вежливо отказался от услуг «Сына Неба» и начал решительно проводить самостоятельную политику, энергично создавая для этого армию, способную не только от-

ражать нападения любого противника, но и вести активные наступательные действия. В ее создании, как явствует из источников, значительную роль сыграл пленный шведский офицер И. Г. Ренат. Благодаря его знаниям, опыту и «умениям», ойраты наладили у себя производство пушек и мортир, снарядов для них, а также «делание» ружей, пороха, пуль, добычу селитры, меди и железа [3, с. 238].

Создавая боеспособную армию, Галдан-Цэрэн обращался за помощью и к России. Свидетельство тому — статейный список русского посла Л. Д. Угримова. В марте 1733 г. он просил его взять с собой двух «моих послов, кои будут просить царицу Анну, прислать для обучения ко мне, на время, артиллерийских... мастеров, которые умели б пушки и мортиры делать и научили б наших людей из оных стрелять... а также фабричных мастеров, которые могли бы делать всякие материи... Да... посылаю я двух человек для обучения железному делу... которые б могли во всем железном мастерстве силу познать» [4, с. 140-141]. И, забегая несколько вперед, скажем, что русское правительство оказало ойратам просимую их правителем помощь. Об этом красноречиво свидетельствуют архивные документы. Такого рода информация содержится, к примеру, в докладной сержанта М.Котовщикова, бывшего весной 1748 г. по делам службы в Тарбагатае (в улусах племянника Галдан-Цэрэна, владетельного князя Даваца) и видевшего там «завод серебряной и медной руды», на котором работали русские: мастер и два подмастерья и русский толмач [5, л. 37], а также в сообщении купца А. Бахмуратова, доносившего в том же 1748 г., что видел он «медные и серебряные заводы», которые «при Галдан-Чирине» работали, а «ныне... брошены они», а «российские мастера Иван Билдега с товарищи» живут в «урге праздно», т. е. не работают [5, л. 14-15].

Наряду с вышеуказанной просьбой, была у ойратского правителя еще одна: он достаточно настойчиво уговаривал русское правительство заключить с ним союз для совместной борьбы с Цинской империей. Однако российская сторона не пошла на это, мотивировав свой отказ тем, что она не хочет нарушать добрососедские отношения с Китаем и терять торговлю с ним.

Ответ россиян, конечно, не понравился джунгарскому правителю, но реагировать ему на него у контайши не было времени, поскольку цинский Китай вновь развязал военные действия против

* Работа выполнена по гранту РГНФ-МиОК Монголии №08-01-92002а/Г

Джунгарии. Но не добившись каких-либо ощутимых побед, Пекин предложил Галдану сесть за стол переговоров, с чем последний и согласился, ибо решить с Цинами надо было очень многое. К примеру, многолетние ойратско-маньчжурские войны существенно подорвали материальное положение монголов, а посему необходимо было решить вопрос о свободной торговле и регулярном товарообмене между двумя государствами. Однако цинское правительство соглашалось только на регламентированное — раз в четыре года — посещение двумя сотнями ойратских торговцев Пекина и раз в три года — г. Сучжоу. Это делалось им для того, чтобы приезд ойратских купцов не совпадал с прибытием в Китай русских караванов. Несмотря на «неудовольствие» джунгарской стороны, «торговый кодекс» был подписан в 1738 г. в том «виде», как его предлагала цинская сторона [6 (1), 45 дэвэтер]. Был решен, правда, после продолжительных дискуссий, и вопрос о границе между двумя государствами. Согласно договору, она была установлена по линии предгорья Монгольского Алтая, по местностям Байтач и Хавхан [6 (1), 45 дэвэтер].

Но, несмотря на эти и другие договоренности, противоречия, имевшиеся между Джунгарией и цинским Китаем, разрешить так и не удалось. Это осознавали обе стороны и достигнутое между ними соглашение рассматривалось ими как «основа временного перемирия». Ни та, ни другая сторона не была намерена поступаться своими «завоеваниями» и, не выходя еще из-за стола переговоров, ойраты и маньчжуры уже вынашивали планы решения тех вопросов, с которыми они шли на переговоры: ойраты — как освободить монгольские территории, попавшие под «пяту» маньчжуров, а последние — как покорить Джунгарию.

Но была у них и одна общая «забота»: как сдерживать «агрессивные» устремления западных и северных соседей — казахов и русских. В первой трети XVII в. ойратские войска, как известно, неоднократно проникали в район обитания казахов (не имевших в то время своего централизованного государства и бывших разобщенными как экономически, так и политически) и других народов Средней Азии. В частности, в 1739 г. предводитель Джунгарии, придвинув свои войска к Иртышу, намеревался наступать в трех направлениях: 1. от Зайсан-нора в район р. Ишим (т. е. в глубь Средней Азии); 2. в район Ташкента, вниз по р. Сырдарье (создавая тем самым угрозу Младшему жузу) и 3. в Барабинские степи [7, с. 47-48].

Русские власти, столкнувшись с данной ситуацией, получили — свыше — строжайшее предписание не давать повода ойратам для возникновения вооруженного конфликта, требуя, одновременно от джунгаров, — не подходить «в близь» к русским крепостям. Видя боевую готовность на русской военной линии, ойраты оставили весной 1741 г. занимаемые ими позиции. Свою роль в этом, похоже, сыграло жесткое требование русских властей прекратить нападения на казахов, принявших российское подданство. Но уступать сразу — было не в правилах ойратов, а потому, уже весной 1742 г. они идут «на Сырдарью» и «чинят поиск» там над «киргиз-кайсаками» и гонят их «до самой реки

Ори» [8, с. 231]. В результате этой военной кампании, джунгарам удалось установить контроль над значительной частью Среднего жуза, что стало предметом обсуждения на русско-джунгарской встрече в августе 1742 г. в Орской крепости, на которой российская сторона вновь напомнила ойратам о неправомерности их действий по отношению к казахам, находящимся в подданстве Российской империи [8, с. 231].

Защищая своих «новоподданных», Россия — в то же время — избегала военного столкновения с Джунгарией. Не хотела его иметь и последняя, поскольку ее армия была в это время сильно обессилена многолетним противостоянием с цинским Китаем. Поэтому на переговорах в Орской крепости звучали лишь «крепкие речи» и не более того.

Чтобы устранить «отдельные претензии» ойратов, Оренбургские власти повели (по указанию правительства) разведку по уточнению границ казахских и джунгарских территорий и «уяснению» взаимоотношений Среднего жуза с Джунгарией, а также по освобождению из джунгарского плена казахского султана Аблая. С этой целью, а главное, чтобы заявить, что «казахи Младшей и Средней орд состоят в российском подданстве», к Галдан-Цэрэну отправилось 2 сентября 1742 г. русское посольство во главе с Карлом Миллером [9, с. 113].

Однако у ойратского правителя, были свои планы относительно казахских земель и территорий по Иртышу и Оми, Барабинской степи и району Колыванского завода, где имелись прекрасные промышленные угодья и «разные рудные месторождения». Но такие «аппетиты» джунгарского контайши, естественно, шли в разрез с интересами России, что и привело в середине XVIII в. к значительному обострению русско-джунгарских отношений. Учитывая возможный ход их дальнейшего развития, Сенат предписал 11 августа 1743 г. военному ведомству увеличить число крепостей, форпостов и редутов на Иртышской военной линии, а также разъяснить ойратам — по дипломатическим каналам, — что территории Барабинских татар, расположенных по р. Оми и в барабинской степи... исстари [находятся] в российской владении, [и через них] тракт сухопутный из Тобольска во всю Сибирь лежит. А зенгорский владелец с оных волостей алман, или дань, берет насильством» [10, л.57-58].

Не добившись своей цели мирным путем, ойраты предпринимают военный поход «на верхиртышские крепости» и на казахов, кочевавших «близь Иртышской линии». Однако, своевременно приняв необходимые меры, сибирские власти помешали осуществлению и этого «намерения» джунгаров. Но это обстоятельство не умерило пыл «набежников», а, наоборот, лишь разозлило их. Перегруппировав свои силы, и еще «более вооружившись», они осуществили налеты на русские поселения в районе Тары, на Колывано-Воскресенский завод и Чакырский рудник. Предметом особого их внимания при нападении на последние стали «лопаты, кирки, молотки и молоты» и «прочий горнорудный инвентарь», а также люди, знавшие «горное дело». Об использовании «пограбленного инвентаря и людей в производстве в последующем, стало известно из докладов поручиков Левашева и Аблязо-

ва. Так, первый, побывав летом 1745 г. в Джунгарии, доложил потом по инстанции, что он видел там беглого солдата Малкова, которому было приказано «с товарищами» плавить медь и лить из нее «мортиры и пушки» [1, с. 81]. С аналогичной ситуацией столкнулся в «Тюрмулке» и другой офицер, сообщивший потом, что там «работают 3000 человек и такое же число быков возит руду», а «еще там есть, — говорил Аблязов, — три русских мастера медеплавильного дела» [11, с. 56].

Получая такого рода известия, сибирские власти то и дело ставили перед джунгарским владельцем вопрос о возвращении «пленных ойратами русских мастеров». Однако решение этой проблемы Галдан-Цэрэн неизменно увязывал с возвратом ему пленных русскими его ясачных людей. В случае невыполнения этого его условия, он, как правило, грозил новыми нападениями на Кузнецкий, Томский, Ишимский и Тарский уезды. В создавшейся ситуации, русское правительство использовало любую возможность для мирного урегулирования спорных вопросов, в т. ч. и внешнеполитических, не сбрасывая, при этом, со счетов и взаимоотношения Галдан-Цэрэна с Цинской династией, стремившейся — с первых дней своего существования — уничтожить Джунгарское ханство, являвшееся для нее серьезным «очагом беспокойства» на западных и северо-западных рубежах империи. Ликвидация же его позволила бы Цинам беспрепятственно развить экспансию в западном и северном направлениях.

В этой, не простой для себя ситуации (неприсоединение к себе Халхи и невозможность — в силу этого — создать объединенное монгольское государство, а также потеря кыштымов и пастбищных территорий в Южной Сибири), «обиженный» Галдан-Цэрэн с «особым рвением» обрушился на казахских феодалов, неизменно стремившихся расширить свои владения за счет ойратского государства. Последние, будучи разобщенными, естественно, не могли противостоять натиску сильного Джунгарского ханства, которое стало в первой половине XVIII в. главной опасностью, угрожавшей существованию независимого феодального Казахстана. Уступая массивному давлению ойратов, казахские владетели вынуждены были оставить свои земли в Семиречье, которые тут же попали «под власть» джунгарского контайши [3, с. 277]. Ища защиты от натиска ойратов, некоторые казахские феодалы обратились с просьбами о «протекции» к России. Отвечая на них, императрица Анна Иоанновна подписала в 1731 г. грамоту о принятии некоторых «просителей» в российское подданство. Осенью того же года присягнули России султан Младшего жуза Абулхайр и его старшины. Их примеру последовали казахи Среднего жуза, добровольно присоединившиеся к России в 1740 г. [12, с. 116-117].

Но определяя свой внешнеполитический курс по отношению к Джунгарии, русское правительство все делало для того, чтобы не развязать с нею военного конфликта. Именно на это ориентировало оно сибирские власти, непосредственно соприкасавшиеся с ойратами. «Пристойнее [с ойратами], — настаивала, к примеру, Коллегия иностранных дел сибирского губернатора А. М. Сухарева, — в дого-

вор вступить, нежели мир нарушать» [13, л. 53]. В этом же ключе действовал в 1742 г. и И. И. Неплюев. Вы, говорил он, обращаясь к казахским султанам, должны, как «главные люди, свой народ от своевольства [и] воровства удерживать», дабы нас (русских) «с зюнгорцами в ссору [не] приводить» [8, с. 233].

Но удерживая «новоподданных от ссоры» с ойратами, русские власти изыскивали пути и средства не только, чтобы предотвратить конфликт с ними, но и дать — в крайнем случае — должный отпор агрессорам. Для этого, они старались сблизиться с теми казахскими владетелями (типа султана Барака, батыра Нияза и др.), которые постоянно воевали с джунгарами и достаточно часто «просили» российскую сторону об установлении «опеки» над ними. К таковым воеводы постоянно направляли своих людей, дабы склонить их к заключению военного союза против «зюнгорцев». Именно с таким «заданием» ездил к уже упоминавшемуся выше султану Бараку толмач Р. Уразлин, чтобы тот побудил к заключению военного союза против Галдана-Цэрэна «хождента Абдулкарим-бека». И, надо сказать, последний, терпевший немало «обид» от джунгарского контайши, ответил согласием. В 1745 г. он предпринял достаточно широкое наступление в районе Сырдарьи, в ходе которого правителю Ходжента удалось «отнять у обидчика» два города — Ташкент и Туркестан. Этот «выпад» Абдулкарим-бека понудил Галдан-Цэрэна перебросить на юго-запад довольно значительные силы, что существенно ослабило его позиции в верховьях Иртыша и в районе Кольвано-Воскресенского завода [3, с. 81].

Завершая разговор об использовании русскими властями «разных средств» для «обессиливания» Галдан-Цэрэна, нельзя не сказать пару слов и о «воре Карасакале», возглавлявшем в 30-х гг. XVII в. восстание против присоединения Башкирии к России. Потерпев поражение, он бежал в начале 1740 г. в казахские степи, где выдал себя за «единоутробного брата Галдана-Цэрэна», возвращающегося ныне с войском на родину, чтобы занять законно принадлежащий ему джунгарский трон, захваченный в свое время самозванцем. Осознавая очевидность самозванства, Галдан-Цэрэн, тем не менее, опасался авторитета «загадочного, по выражению Ч. Ч. Валиханова, степного авантюриста» [14, с. 431]. Дело в том, что Лоузан-Шоно (сводный брат Галдана-Цэрэна бежал в 1726 г., вместе с матерью Сетерджаб на Волгу к своему деду — Аюкехану [3, с. 235], где и умер в 1732 г.) был любим ойратами. Не утратили они свою любовь к нему и поныне, а потому и готовы были восстать против нынешнего контайши во имя своего любимца [12, с. 66]. Симпатизировали Шоно-Лоузану не только джунгары, но и многие «иные иноземцы», в т. ч. и алтайцы «Кан-Карагая». В частности, они говорили бывшему в 1741 г. в их кочевьях русскому купцу Ф. Медведеву, что коль «на Галдана-Чирина будет войною Шоно-батырь... то они, калмыки-карагайцы, все без боя ему, Шоно, поддадутца» [5, л. 75 об].

В силу такого отношения подвластных ему людей и «иных инородцев» к самозванцу, Галдан-Цэрэн вынужден был отнестись к «деяниям» Кара-

сакала более, чем серьезно. Таким же образом отнеслись к самозванцу и русскими власти, видевшие в нем бунтовщика, «коей ссорит людей друг с другом», что «воле ея императорского величества противно». Потому-то и предписывали они своим «новоподданным» — казахам — «не давать пристанища такому злему человеку в своих улусах» [8, с. 233]. Исходя из сказанного, попытки схватить и даже устранить Карасакала предпринимали как джунгары, так и русские, но безуспешно. «Загадочный степной авантюрист» умер, как свидетельствовал Ч. Ч. Валиханов, в 1749 г. в казахской степи, так и не попав в руки своих врагов [14, с. 431-432]. Заканчивая этот разговор, следует подчеркнуть, что «вопрос о Карасакале» был единственным, где интересы России и джунгарского владельца совпадали. В других же сферах их взаимоотношений, они

находились по разные стороны баррикад, а потому и русские, и ойраты готовились к длительной и бескомпромиссной борьбе. В силу этого, русское правительство даже приступило к обсуждению вопроса о подготовке и отправлении в Джунгарию очередной дипломатической миссии. Был даже подобран и ее глава — опытный дипломат, подполковник Л. Д. Угримов, имевший за плечами немалый опыт ведения переговоров с Галданом-Цэрэном. Однако его посольство к грозному хунтайджи не состоялось. Причиной всему этому стала смерть джунгарского правителя в сентябре 1745 г. Его кончина положила, как покажет время, начало новому этапу в истории Центральной Азии, ставшим весьма трагическим для Джунгарского ханства. Однако освещение этих событий лежит за рамками настоящей статьи.

Библиографический список

1. Чимитдоржиев Ш. Б. Россия и Монголия / Ш. Б. Чимитдоржиев. — М., 1987.
2. О торгах за Каспийском морем (выписано из журнала Ф. И. Соймонова и внесенных в оной дополнений Г. Ф. Миллера). — СПб., 1765.
3. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства / И. Я. Златкин. — М., 1983.
4. Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф. 113. Оп. 1. Д. 3.
5. АВПР. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1.
6. Зунгарын бодлогын бичиг (Повествование о внешних сношениях Джунгарии). Государственная библиотека МНР.
7. Шоинбаев Ш. Б. К вопросу о присоединении Среднего жуза к России / Ш. Б. Шоинбаев // Труды Института истории, археологии и этнографии АН Казахской ССР. 1962. Т. 15.
8. Казахско-русские отношения в XVI-XVIII вв. Сб. докт. — Алма-Ата, 1961.
9. Казахстан в XVI-XVIII вв. — Алма-Ата, 1969.
10. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 517. Оп. 1. Ч. 1. Д. 213.
11. Шоинбаев Ш. Б. Прогрессивное значение присоединения Казахстана к России / Ш. Б. Шоинбаев. — Алма-Ата, 1973.
12. Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи / В. А. Моисеев. — Алма-Ата, 1991.
13. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 4. Д. 38.
14. Валиханов Ч. Ч. Шуна-Батыр (Авантюрист XVIII столетия). — Соч. Т. 1. — Алма-Ата, 1961.

Ховдский государственный университет (Монголия),
Горно-Алтайский государственный университет.
Получено 11.07.08.

B. Batmunh, N. S. Modorov

THE RUSSIAN AND DJUNGARIAN RELATIONS IN 1717-1745 YEARS

In article, the paper written on the basis of analyzed publications and archive materials the process of development the russian and djungarian relations in 1717-1745 years.

Russian State, South Siberia, Djungaria, take out citizenship, Syr-Darya, China, aggression, feudal wars, manchjurs, yasak

УДК 902

В. Я. Бутанаяев

ТУМЕН КЫРГЫЗ В СОСТАВЕ МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ ЮАНЬ

В статье, на основе различных опубликованных источников, освещена история пребывания тумена кыргызов в составе монгольской империи.

монгольское государство, Китай, Каракорум, монгольская администрация, Средний Енисей, монгольские и китайские летописи, легенды, хакасские и монгольские ханы

После поражения Ариг-Буги в борьбе с Хубилаем в 1264 г. за трон монгольского государства, территория Саяно-Алтая, служившая ему прибежищем, была включена в состав провинции Лин-бэй, с центром в Каракоруме. Горно-степная долина Среднего Енисея вошла в состав образованной Ху-

билаем империи Юань, на правах тумена. «С приходом к власти династии Юань, этот народ («цзилицзисы») разделили и создали девять тысяч дворов» — сообщала летопись Юань-ши [1, с. 53]. Исходя из вышесказанного, можно заключить, что администрация Хубилай-хана организовала «Тумен Кыргызы»,

который мог выставить девять тысяч воинов (из расчета по бойцу от каждой семьи — В. Б.).

Такое административное деление (на девять тысяч) сохранилось в памяти хакасского народа, который в легендах о своих предках часто упоминал о «девятой тысячном народе Кыргыз — Хоорай», «кыргызском девятидесяти тысячном Тумене Хоорай» и т. д. [2].

Под руководством кыргызского бега — темника находилось девять тысячников. Темник и тысячники зависели от монгольских правителей, которые ставили на руководство «Туменом Кыргыз» своих преданных людей, вероятно, из кыргызской знати. В Монгольской империи тысячники получали (в качестве удостоверения — В. Б.) серебряные с позолотой дощечки — «пайдза», с надписью: «Силою и могуществом великого бога, и милостью, которою он нам даровал наше царство, да будет имя хана благословенно, и все те, которые не повинуются приказу (вырезанному) на дощечке, должны претерпеть смерть и уничтожение». На территории Минусинского округа, на правобережье Енисея, в 1845 г. купцом Ананьиним была найдена одна такая серебряная дощечка «пайдза» с монгольской надписью (квадратным письмом из вызолоченных букв — В. Б.), которая гласила: «Силою Вечного Неба имя хана да будет свято! Кто не уважит, [тот] погибнет, умрет» [3, с. 143-145]. Вторая пайдза была обнаружена на территории Мариинского округа, в долине среднего Чулыма. Она, вероятно, принадлежала чиновнику ниже рангом, чем первая, ибо оказалась отлитой из чугуна и инкрустирована серебром. Надпись на ней также была сделана квадратным монгольским письмом, которое гласило: «Силою Вечного Неба кто ханского повеления не послушает, пусть будет убит». Найденные две пайдзы, относящиеся к периоду династии Юань, ныне хранятся в Государственном Эрмитаже [4]. Квадратное письмо, использованное при написании текстов на серебряной и чугунной пайдзах, было утверждено, как известно, в 1269 г. Хубилаем в качестве языка для официального делопроизводства. Но, несмотря на это «высокое повеление», оно не вошло — в дальнейшем — в народное «употребление», что и предопределило его существование: оно просуществовало около десятилетия. Однако данные находки нам интересны тем, что они подтверждают, что кыргызские земли при Хубилай-хане были преобразованы в «тумен», во главе которого стояли темник, тысячники и другие чиновники.

В тюрко-монгольских языках слово «тумен» (по-хакасски «тубен») обозначает, как известно, число «десять тысяч», а также область, выставившую десять тысяч воинов. Кроме того, под «туменом» понимается дивизия или вооруженные силы, общая численность которых составляет примерно 10 тыс. чел. Не лишне здесь также отметить, что в настоящее время это слово используется в хакасском шаманизме, для обозначения армии «служебных духов». При камланиях шаманы, облаченные в свои латы, считаются их полководцами.

В монгольскую эпоху кыргызы сохранили, как известно, свою власть над пятью областями, ранее входившими в состав их государства: Кяньчжоу, Иланьчжоу, Ханьхэна (Капканас), Усы и Анкэла

(Ангара). Область Анкэла находилась на северо-востоке от кыргызов и включала бассейн Ангары. «Ангарцы (племена, которые проживали по берегам р. Ангары — В. Б.) получили свое имя от этой реки и находятся в вассальной зависимости от цзилицзисы» — отмечалось в летописи Юань-ши. [1, с. 54]. Область Усы (т. е. Усинский край — В. Б.) располагалась в долине реки Ус (правый приток верхнего Енисея). «[Народ] усы также получил свое имя от названия реки и проживает к востоку от цзилицзисы...» [1, с. 54]. Область Ханьхэна («Капканас») находилась на территории Тоджи, в Восточных Саянах. «Капканасы» жили «на восток от Усы, у истоков реки Цяньхэ». Название этой территории исследователи (дореволюционные и современные) неизменно связывают с кыргызским словом «кап» — мешок. «Говорят, что (это слово) похоже на название мешка из холста, у которого «рот» маленький, а «живот» большой. Форма такого мешка походит на рельеф местности, в которой живут ханьхэна» [1, с. 55]. Область Кяньхэна (т. е. Енисейский округ) находилась в долине р. Кемчик, к юго-востоку от кыргызов и к «юго-западу от реки Цяньхэ, к северу от хребта Танмулин [т. е. Танну-Ола — В. Б.]». Эта местность также получила свое название от имени реки Кем [1, с. 55]. Область Иланьчжоу (т. е. Змеиный округ) располагалась в степных районах южной Тувы. [1, с. 55]. Необходимо отметить, что в XIII в. Алтай, вероятно, не считался вассальной областью кыргызов, хотя на северном Алтае обитали племена «кестеми», т. е. киштымы.

Владения «Тумена Кыргыз» простирались в длину на «1400 ли [т. е. 800 км. — В. Б.], а ширина их составляла «половину этого» [т. е. 400 км. — В. Б.] сообщает нам летопись Юань-ши (XIII в. н. э.). «Река Цяньхэ» [т. е. Кем — Енисей — В. Б.], свидетельствует она, как раз протекала через центр их владений, а текла она на северо-запад. Кроме этого, на юго-западе летопись называет реку «Апу» [т. е. Абыган — Абакан — В. Б.], а на северо-востоке — реку Юсюй [т. е. Ёпсү — р. Туба — В. Б.]. У всех этих рек бесчисленное количество притоков. Все они собираются в «Цянь» и стекают в реку «Анкэла, а на севере — впадают в море» [1, с. 54]. Спустя 500 лет, в XVII веке, аналогичные сведения находим мы и в русских документах. «...А Енисей река, — свидетельствуют они, — прошла сквозь Кыргызскую землю, а по сию сторону Енисея, по рекам Абакану и по Уйбату, живут и подле Енисея многие кыргызские люди, ..., а по другую сторону Енисея и по Упсе (т. е. Тубе) реке, живут кыргызы ж, имя им тубинцы» [5, с. 212].

Исходя из вышесказанного, общую площадь территории «Тумена Кыргыз» в XIII в. можно приблизительно определить 320 тыс. кв. км. Видимо, это обстоятельство и послужило арабскому писателю XIII в. Закарийя ал-Казвини главным аргументом в определении (правда, по-своему — В. Б.) территории «Тумена Кыргыз». «Протяженность страны, — сообщал он о землях кыргызов, — месяц пути» [5, с. 212].

После 1264 г. кыргызы, как явствуют источники, попали в систему постоянного административного управления при Хубилае, с назначением мон-

гольских наместников. В 1269 году юаньский император назначил правителем «Тумена Кыргыз» и его областей на Саяно-Алтае (Ханьхэна, Кяньчжоу, Иланьчжоу) китайца Лю Хао-ли, который был послан «в отдаленный край непременно для умиротворения его» [1, с. 55.] Через несколько лет кыргызская знать решила перейти на сторону чингизида Хайду (внука Угедея — В. Б.), объявившего себя монгольским великим ханом. Он являлся, как известно, бывшим союзником Ариг-Буки в борьбе против Хубилай-хана. В 1273 году кыргызы восстали против юаньского наместника [6, с. 100]. Лю Хао-ли, ощущая угрозу от неподвластного населения, отступил в 1280 году «за Алтайские горные хребты». Оказавшись в безвыходном положении, Лю Хао-ли «тогда одеждой подкупил тысячника мятежного князя, который пропустил наместника с тысячью человек тропинками в горах Теби-Шань», и смог добраться до Китая. Вероятно, одной из причин перехода кыргызской знати на сторону Хайду были, с одной стороны, мобилизация мужского населения в монгольскую армию, а с другой, — размещение кыргызов в качестве военных поселенцев в различных районах империи, что грозило растворением этноса.

В 1286 году Хайду-хан организовал большой поход в Монголию и кыргызы выступили вместе с ним. Успехи Хайду способствовали развитию центробежных тенденций в империи Юань. В 1287 году против Хубилая, как явствуют источники, восстал наместник Маньчжурии Наян, ставший союзником Хайду. Против него была направлена из Центральной Монголии армия, которую возглавлял полководец, кыпчак Тутуха. После подавления мятежа Наяна, в 1292 году монгольская армия была послана на Саяно-Алтай против сподвижников Хайду. Полководец Тутуха получил приказ из Каракарума овладеть кыргызами («цзилицзисы»). Весной 1293 года его войска встали лагерем у реки Цяньхэ (Кем). Затем они «по льду шли несколько дней и только тогда дошли до границ владений кыргызов. После этого армия Тутуха полностью овладела народом пяти их (кыргызских — В. Б.) племен и [монголы] разместили (в киргизских владениях — В. Б.) войска, чтобы охранять их. Выполнив поставленную перед ним задачу, Тутуха доложил об этом своему «начальству». Последнее, оценив его заслуги, повысило «победителя» в чине... Хайду же, получив известие о захвате киргизов, послал (им на выручку — В. Б.) на реку Цяньхэ (Енисей) войска. Тутуха снова разбил их и взял в плен полководца Хайду Болоча». В результате этого, кыргызские земли были снова подчинены империи Юань. Но, несмотря на это, война с Хайду продолжалась еще долго, вплоть до его смерти в 1301 году [1, с. 57].

После захвата земель на реке Цяньхэ, часть кыргызского населения была переселена из Минусинской котловины в Маньчжурию, в бывшие владения мятежного нойона Наяна. В 1293 году в эти «опустевшие» районы были переселены представители трех племен: «усухань» («юаньсухань»), «ханасы» и «цзилицзисы» (кыргызы). Последние, по повелению императора Хубилая, были доставлены в качестве военных поселенцев в специально построенный для них город — Чжаочжоу. Другая груп-

па кыргызов была поселена «на землях Хэсыхэ». В 1293 году «Ши-цзу (императорской имя Хубилая — В. Б.) разместил на землях Хэсыхэ, в качестве военных поселенцев, 700 семей чжирхэхусотай (ских) цирцзисы (кыргызов)». Согласно уточненным сведениям, после того, как монгольская армия Тутухи оккупировала кыргызские земли пяти их областей, «в 1292 г. 700 семей кыргызов ежирхаху (джирхаху) разместили в качестве военных поселенцев на землях Хэсыхэ» [7, с. 61, 64]. Местность «Чжирхэхусотай» или «Джирхах», по всей видимости, располагалась в долине р. Кемчик, по р. Джиргак, на территории Тувы [8, с. 234]. Земли «Хэсыхэ», возможно, находились в центральной Монголии. Отдельные памятники кыргызов обнаружены в местах их выселения. В частности, отдельные погребения кыргызов, совершенные по обряду трупопожжения, обнаружены в Центральной Монголии, в окрестностях Каракорума.

Таким образом, переселению подверглись не только кыргызы Минусинской котловины, но и те, кто жил за Саянами, в Туве по р. Джиргак. Эти меры преследовали своей целью «замирить» мятежные племена, распылив их в иноэтнической среде, и установив, таким образом, за ними контроль в районе их поселения.

Переселения народов, проводимые в русле политики династии Юань, нанесли большой урон кыргызскому этносу на Енисее. Его численность на «родной» этнической территории заметно сократилась. На «запустевшие» земли были водворены монгольские роды «керитов», «туматов», «ордутов», «меркитов», а также туркестанские «сартагулы» («сартах»). Согласно сведениям хивинского историка Абуль-Гази, «монголы и другие племена, истребив кыргызов в огне и воде, вступили в землю их и, оставшись тут жить, приняли имя кыргызов. Но сами они знают, какого они рода» [9, с. 41].

В правление юаньского императора Тэмюра (1295-1307 гг.) тумен Кыргыз продолжал входить в состав провинции Лин-бэй, которой управлял наместник Камала. «Областями Каракорум, Онон, Керулен, Кем-Кемджиут, Селенга, Баялык, до границ кыргызов и великого заповедника Чингизхана, называемого Бурхан-Халдун, — читаем у Рашид-ад-дина, — всем он (наместник Камала — В. Б.) ведает» [6, с. 205].

Свои военные поселения (из представителей других этнических групп — В. Б.) создали монголы и на территории Саяно-Алтая, откуда была выселена часть кыргызского населения. В течение XIII века такие поселения были образованы на территории Тувы и, вероятно, Минусинской котловины. В них селили монголов, уйгуров и даже китайцев. В местности Кяньчжоу, свидетельствует документ, «живет несколько тысяч семей, главным образом, монголов и уйгур. Есть несколько ремесленных мастерских, поскольку при основании династии были переселены туда китайцы» [1, с. 55]. Монгольская администрация, видимо, пыталась опереться на них в своей борьбе с кыргызами.

Несмотря на большое влияние монгольского государства, кыргызское общество на протяжении XIII—XIV вв. все же сохранило свой уклад жизни и культуру. «Обычай цзилицзисы — гласит на этот

счет источник, — отличаются от обычаев всех других владений. Их язык похож на язык уйгур. Живут цзилицзисы в хижинах и юртах. Занимаются скотоводством и кочуют в зависимости от наличия воды и пастбищ. Имеют значительные сведения об обработке земли. Как выпадает снег, верхом на деревянных конях (лыжах — В. Б.) выезжают на охоту. В их землях есть породистые лошади, а также белые и черные охотничьи соколы» [1, с. 54].

Соколиная же охота была издавна распространена среди кыргызской знати. В 1207 г. правящие «иналы» преподнесли, к примеру, Чингис-хану в качестве даров белых кречетов. Княжеская охота с соколами сохранялась у кыргызов и во времена Хубилай-хана. «Во времена везирства Санке, — свидетельствует Рашид-ад-дин, — в столицу каана (Хубилая — В. Б.) прибыли [купцы — мусульмане] из областей Кури, Бурку (Баргу) и кыргызов. Они преподнесли (хану — Хубилаю — В. Б.) белоногого, красноклювого кречета и белого орла» [6, с. 190]. Рядовым кыргызам было не до соколиной охоты. Они занимались таежной охотой на промысловых и пушных зверей, чтобы обеспечить себя пропитанием и добыть шкурки на уплату податей. Так, Г. Рубрук, посетивший в 1245 г. дворец Гуюк-хана, сообщал, что «...из Керкиса (все эти страны лежат к северу и полны лесов — В. Б.) и из многих других с северной стороны, которые им повинуются, им привозят дорогие меха разного рода, которых я никогда не видел в наших странах и в которые они одеваются зимою» [10, с. 98].

И в заключение, несколько слов о социальных отношениях в тумене, у хакасов того времени в целом. Сведения о них можно почерпнуть из героического эпоса хакасов. Он же свидетельствует, что во главе тумена стояли беги, т. е. князья. В их руках была сосредоточена как военная, так и судебная власть. Суд у хакасов носит название «чаргы» (буквально — «разделении» — В. Б.). В хакасском фольклоре герои, подчеркивая государственность скотоводов Среднего Енисея, говорят в назидание своим подданным: «Не становитесь одеждой без воротника, не будьте народом без суда!». Кстати, таким же образом поучали своих нукеров и монгольские вожди. Например, Бодончар, предок Чингис-хана, рожденный от святой Алангоа и от ее кыргызского работника, говорил: «Хорошо, когда на теле у человека есть голова, а на одежде воротник» [11, с. 38]. Если у человека не было головы, которая управляет им, то таких «безголовых» подчиняют себе монголы. Только так можно воспринимать сказанное Бодначаром.

Как же вершили судебные дела в те далекие времена кыргызские правители? Дошедшие до нас источники свидетельствуют, что за особо тяжкие преступления виновных карали смертной казнью. Для этого кочевники применяли различные виды умерщвления. Например, легендарный герой — князь Силиг-оол — предал своих советников — «агаларов» за неблагоразумный совет смерти, подвесив их за ноги за вершины двух согнутых деревьев. Указанная форма казни носила название «распят на дереве». В некоторых случаях, осужденного к смерти привязывали к хвосту необученной степной лошади, которую пускали в чистое поле.

Подобные способы расправы с преступниками существовали и в других кочевых обществах. У врагов вырезали хрящи лопаток, перерезали сухожилия большого пальца, чтобы они не были способными воевать и т. д.

Практиковали хакасы у себя и один из изощренных способов казни, известный кочевникам со времен Чингис-хана — это заливание расплавленным свинцом рта, глаз и ушей приговоренного к смерти. Именно таким способом казнил он после взятия Отрара «Гаир-хана, приказав расплавить серебро и влить ему в уши и глаза» [12, с. 142].

Если говорить о сословиях древнего хакасского общества, то оно, согласно источникам, подразделялось на несколько категорий. К числу его аристократов, в первую очередь, относились «золотые чайзаны» («алтын чазаң»), стоявшие во главе родоплеменных подразделений. Среди «чайзанов» имелись наиболее привилегированные особы, называвшиеся «тархан чазаң» (т. е. «освобожденные от уплаты налогов» — В. Б.). Они, по свидетельству источников, имели статное телосложение, обладали ястребиным взглядом, носили нательную одежду из чистого шелка, сверх которой одевали халаты из черного сукна и чистого шелка, подпоясывались черными шелковыми кушаками. Супруги «чайзанов» (назывались «абахай» — В. Б.), наряду с мужьями, активно участвовали в общественных мероприятиях. Во дворцах ханов на северной, т. е. женской, стороне восседали дамы — «абахай», на южной, т. е. мужской — «чайзаны». Слова «чайзан» и «абахай» — монгольского происхождения. Поэтому указанная титулатура, очевидно, появилась в Хонгорае в монгольскую эпоху.

Простые люди, не относившиеся к аристократическому сословию «чайзанов», назывались «хараачы» (от древнетюркского «карачы» — «нищий» — В. Б.). К ним относились слуги «нымысчы», служанки «сүмекчин» и пастухи «тастары». Женщины-служанки «сүмекчин» одевались в черные кожаные одежды. Они носили воду, выделяли шкуры кожемялками, перегоняли айран на араку и т. д.

Пастухи ханских стад рисуются, как правило, лысыми или с редкими волосами, головы которых покрыты коростами. Поэтому они назывались «тастар» (буквально — «плешивые» — В. Б.). «Тастары», в свою очередь, подразделялись на табунщиков, скотников и чабанов. Они одевались в грубые кожаные шубы с облезлым ворсом («ырна тон»), в черные полушерстяные зипуны («ара таар»). На своих «лысых» головах они носили головной убор («оо пöрик»), на котором не было ни одного шва, ни одной вставки. Такая шапка — «хоох» — изготавливалась из мошонки большого быка и натягивалась на бритую голову пастуха. Вероятно, поэтому «хозяева» таких головных уборов и получили название «плешивых». «Тастары» ездили на паршивых лошадях, в седлах из коры лиственницы, с уздечкой из лыка, с чепраками из бересты, с плетями из свитой коры акации или конопли. «Тастары» были выходцами из простого народа, а потому и относились они к нижнему слою хакасского общества. Перед хозяевами «тастары» стояли без головных уборов, зажав их под правые подмышки. При вхо-

де в юрту они обязаны были стоять у дверей, не доходя до очага.

Кроме вышеназванных слоев хакасского общества, сказания упоминают и о зависимых рабах («хулах»), которые именовались еще и «пилди» (т. е. «клеянный» — В. Б.). В средневековые времена, как гласят предания, поставленный знак собственности на лоб раба носил название «пiлдi». Каждый князь на своем перстне вырезал свою монограмму, которой и клеймил своих людей. Рабы носили верхнюю одежду из черного войлока, штаны и рубаху из черного полотнища, подпоясывались черным ремненным кушаком, а на голову одевали черную войлочную шляпу. «Хулы» использовались, как правило, в домашних работах.

Донесли до нас сказания и названия, которые «давались сильными древнего мира» подвластному им народу: «албаты чон» — «подданный народ», «ил чон» — «народ страны», «fhof xju» — трудовой народ, «тубен чон» — «народ тумена», «толай чоны» — «союз племен», «аймах чоны» — «народ аймака», «хамых чон» — «весь народ», «халых чон» — «народные массы» и т. д. [2, с. 65-66].

К своим правителям трудовой народ, традиционно у всех кочевников, был почителен («сгибался как молодой тростник, преклонялся как молодой камыш»). Подданные обращались к своему хану-богатырю не иначе как: «эбiс кўлиибiс» («наш славный господин» — буквально, — «наш хозяин» — «наш удалой вождь» — В. Б.), «анназа-ханыбыс, пигле-пигiбiс» — «наш повелитель» (буквально, — «если будете править, то Вы, — наш хан», «если будете княжить, то Вы, — наш бег» — В. Б.).

Сообщают сказания нам и о наказах, которые давали правители своему народу. «Мой народ с красивыми глазами! — гласит один из них, — блюдите свою честь и не носите одежду без ворота, соблюдайте порядок и не будьте народом без суда и закона. Не ходите пешими, ездите на лучших конях; не ходите раздетыми, одевайтесь в лучшие наряды» [2, с. 65-66].

Говоря об обычаях и традициях хакасского народа, нельзя не отметить и о бытовании у него института «побратимства» (по-хакасски «аатас» — буквально, — «зарекание», «клятвенное обещание» — В. Б.). Данный хакасский термин восходит к древнетюркской первооснове «ант» — «клятва», «присяга». Согласно закону «побратимства», двое мужчин, принадлежащих к разным родам, заключали между собой союз дружбы, произнося клятву: «Будем неразлучными братьями, как два рога коровы, будем едиными друзьями, как два уха лошади! Пусть пролитая наша кровь станет единым ручьем! Пусть погибшие наши останки станут одной горой!» [2, с. 65-66]. В качестве залога верности клятве они обменивались дарами: верхними конями и колчаном со стрелами. В силу этого, обряд «побратимства» по-хакасски часто назывался «ат алызып мўнерге» (буквально, — «ездить, обменявшись конями» или «ух орназарга» — буквально, — «обменяться стрелами» — В. Б.). После исполнения обряда, мужчины становились «названными братьями». Побратимы должны были поддерживать друг друга также, как кровные родственники одного сеока.

Подобный обычай (под названием «анда» — В. Б.) существовал, как известно, и у монголов, со времен Чингис-хана. Общеизвестно, что Темучин и Чжамуха став «названными братьями», обязались иметь одну жизнь, не покидать один другого и быть под охраной жизни друг друга». Произнеся такую клятву, Темучин опоясал побратима Чжамуху золотым поясом и подарил кобылу, а тот, в свою очередь, одарил его лошадью.

Донес героический эпос до нас и сведения о зависимом населении — «кистем чон», т. е. о «киштымах». В богатырских сказаниях Хонгорая каждый правитель обладал, как известно, определенным количеством скота и зависимым народом «кистем» («кизек маллыг, кистем чонныг полтыр»). Если «чайзан» не платил дань хану, то его вместе с «киштымами» угоняли в метрополию. И в этой связи, скажем пару слов об институте «киштымства». Его возникновение уходит в далекое прошлое и всецело связано с началом раннеклассовых отношений в Кыргызском государстве на Енисее. «Киштымы» представляли собой зависимое население, уплачивавшее владевшему ими кыргызскому правителю подать — «албан», преимущественно мехами. В XIII в., во времена завоевания монголами Саяно-Алтая, в пределах страны кыргызов проживали лесные народы — «кестем» («кесдиин», «кесутами», «кештеми», «куштеми»), «теленгут» и «урянкат». Лесные «урянкаты» располагались, вероятно, в Восточных Саянах, а местожительство племен «теленгут» и «кестем» находилось на западе, «по ту сторону кыргызов», по направлению к стране «Шибер» (т. е. таежным областям Западной Сибири — В. Б.). Спустя пять столетий, в XVII—XVIII вв., на этой же территории предгорий Северного Алтая продолжали кочевать потомки бывших кыргызских «киштымов», которых русские документы называют «аз-киштымы» («ач-кештем», «ач-искитим» — В. Б.).

Необходимо отметить, что названия «киштымов», «теленгутов» и «урянкайцев» применялось в тюрко-монгольских языках, как в значении этнонимов, так и в значении социально-экономического определения.

В целом институт «киштымства» как данничество представлял особую форму социально-этнической эксплуатации, первоначально выросший на базе подчинения завоеванных племен и народов. Он возник в недрах кыргызской государственности и вполне соотносится с раннефеодальным способом эксплуатации.

В XIII—XIV вв. чингизиды, в рамках усмирительной политики, переселили часть кыргызов на территорию Маньчжурии, а в степные просторы долины Среднего Енисея перебросили некоторые монгольские племенные группы. В результате этой насильственной «ротации», родовой состав кыргызов резко изменился в монгольскую эпоху и вполне справедливо отразил проникновение значительного количества монгольских элементов в среду тюрков Хонгорая. Например, роды «кереит», «урдут» («меркит») и «тумат» появились на Енисее только в XIII в., т. е. после разгрома Чингис-ханом своих монголоязычных вражеских племен, обитавших на просторах Центральной Азии. Согласно сведениям

Абул-Гази, монголы, истребив значительную часть кыргызов «в огне и воде, вступили в землю Кыргызов, и, оставшись тут жить, приняли имя кыргызов» [9, с. 41].

Во времена «Тумена Кыргыз» социально-классовые отношения подверглись большому влиянию со стороны Монгольского государства. Для обозначения понятия «народ» в современном хакасском языке применяется монголизм «чон». Высшие слои хонгорского общества — «чайзаны», «тайджи», «миргены», дамы — «абахай», а также женская прислуга «сmvrhxwу» обозначались терминами, заимствованными во времена монгольского владыче-

ства. Все это свидетельствует о значительном влиянии на общественные отношения скотоводов Хонгорая Монгольского государства. С падением юаньской империи в конце XIV века, ее административная система и военные поселения на территории Саяно-Алтая должны были прекратить свое существование. Кыргызские земли, управлявшиеся своими князьями, попав в это время в зависимость от ойратов, стали в дальнейшем ареной борьбы между ойратскими и халхасскими ханами, привнесшей свою «палитру» в картину жизни Центральной Азии не одного столетия.

Библиографический список

1. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана (Извлечения из китайских источников II в. до н. э. — XVII в.). т. 2. — Бишкек, 2003.
2. Подробнее об этом. См.: Бутанаев В. Я. Бутанаева И. И. Мир хонгорского (хакасского) фольклора. — Абакан, 2008.
3. Банзаров Д. Пайзе, или металлические дощечки с повелениями монгольских ханов // Собрание сочинений. — М., 1955.
4. Государственный Эрмитаж. Инв. №№ БМ-1134, МР-3061.
5. Бутанаев В. Я. История вхождения Хакасии (Хонгорая) в состав России. — Абакан, 2007.
6. Рашид Ад-Дин. Сборник летописей. т. 1. кн. 1—2. — М.—Л., 1952.
7. Кычанов И. И. Сведения в «Юань-ши» о переселениях киргизов в XIII веке // Известия АН Кирг. ССР. Серия общ. Наук. Т. 5. вып. 1. — Фрунзе, 1963. С. 59—64.
8. Ондар Б. К. Топонимический словарь Тувы. — Абакан, 2004.
9. Абул-Гази. Родословная тюркского племени. — Казань, 1854.
10. Рубрук Г. Путешествие в восточные страны. — М., 1957.
11. Козьмин Н. Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме. — М. — Иркутск, 1934.
12. Султанов Т. И. Чингиз-хан и чингизиды. Судьба и власть. — М., 2006.

Хакасский государственный университет им. Н. Ф. Катанова.
Получено 25.08.08.

V. Y. Butanaev

The tumen of Kirgises in the structure of Mongolian empire Yuan

In article, the paper written on the basis of analyzed publish of sources, light up the history stay othe tumen of kirghizs in structure of Mongolian empire Yuan.

Mongolian state, China, Karakorum, Mongolian administration, Middle the Yenisei, mongolian and chinese annals, legends, khakas and Mongolian rhans

УДК 902

В. Я. Бутанаев, И. И. Бутанаева

ПРОЦЕСС ВОЗВРАЩЕНИЯ КЫРГЫЗОВ, УГНАННЫХ В 1703 Г. В ДЖУНГАРИЮ, НА ИСТОРИЧЕСКУЮ РОДИНУ — ХОНГОРАЙ

В статье, на основе впервые вводимых в научный оборот документальных источников, анализируется процесс возвращения кыргызов, угнанных в Джунгарию в 1703 году, на историческую родину — Хонгорай.

«Кыргызская земля», хакасский язык, Хакассия, Саяно-Алтай, Кузнецк, род, племя, насильственный угон, Джунгария, Китай, народный фольклор, исторические сказания

Проблема возвращения хакасов («хонгорцев») на историческую родину до сих пор не получила должного внимания в научной литературе. Между тем, исследование процесса возвращения и осмысление его значения могли бы открыть новые грани истории формирования хакасского этноса.

Прежде чем перейти непосредственно к теме статьи, необходимо, на наш взгляд, пояснить некоторые термины, которыми мы будем пользоваться. «Хонгорай» — это историческое название территории современной Хакасии и государственного обра-

зования хакасов периода позднего средневековья. Названия «Кыргызская земля», «кыргызы» русских документов тождественны названиям «Хонгорай», «Хоорай» в хакасском языке. Поэтому мы будем пользоваться в данной статье терминами «Хонгорай» и «Кыргызская земля» как синонимами.

При угоне жителей «Хонгорая» (Хакасии), некоторая часть кыргызов сумела избежать его и скрылась от джунгарских войск. Ясачные книги Красноярской воеводской канцелярии за 1704 г. свидетельствуют, что «в ясачном платеже [осталось

всего] кыргызы 19 человек, а с них... [взято] ясаку собольми и другими зверьми по четыре, и по два, и одному соболу с человека». К этому сообщению приложен и список этих, 19 ясакоплатежников [1, л. 77]. Кроме них, красноярскими казаками было выявлено еще 7 «остальцев» тубинцев по р. Туба. Немногим «хонгорцам» удалось сбежать при конвоировании. В вершинах рр. Таштып и Матур, свидетельствует документ, были выявлены «двести человек матар, да сто человек Саян [которые] к контайше идти не захотели и от черных калмык отсиделись... в камене» (т. е. в горах — авт.) [2, л. 108]. Полагаем, что указанные «матары» относились к родам «модар» Тубинского и сайын Алтырского улусов Кыргызской земли (Хонгорая). Согласно письменным документам, в долине Абакана избежало угона 300 кибиток «кыргызских урянхайцев», которые в XVIII веке вошли в состав Сагайской, Бельтирской и Бирюсинской землиц. Неслучайно русские документы констатировали, что «в прошлых де годах на сей стороне Саянского камня жили кыргызы контайшина владения, а с ними жили Кузнецкого ведомства ясашные иноземцы Бельтирской и Сагайской волости смежно, и оные ясашные иноземцы с выше помянутых волостей в тех годах платили в Кузнецк ясаку по соболу в год, а помянутые кыргызы, которые жили по сию сторону Саянского камня, на Абакане реке, в прошлом, 1703 году, взяты к контайше, а в той земле ныне живут помянутой волости кузнецкие ясашные иноземцы. А помянутых волостей Бельтирской и Сагайской ясашные иноземцы в тех годах промысел имели вообще с показанными кыргызы в Саянском камению» [1, л. 79 об].

После угона 1703 г., в Кузнецке удерживались 8 человек кыргызских аманатов, а также кузнецкими казаками несколько тысяч «кыргызских урянхаев и бирюсов [было] взято силою». В Кузнецком уезде, в результате войны 1704 г., находилось в качестве «ясыря» (пленников — авт.) 300 кибиток кыргызов [3, л. 77, 83]. Некоторое представление об «остальцах» дают сообщения тубинцев: «Да койбалские же, тубинские, моторские ясачные люди, которые с кыргызы к измене не приставали и от калмыцкого нашествия откочевали за Саянский камень, в каменные моторы, и живуче де в тех моторах, ясак платили в Красноярск... А как де означенные тубинцы, кайбалы и прочих землиц остальцы... утвердились в ясашном платеже... в Красноярске, и они...ясачные люди, упоминая прежние свои присяги, прикочевали на прежние свои урочища и ныне... ясак платят по окладам» [1, л. 77].

В связи с событиями 1703 г., некоторая часть кыргызов, избегая угона ойратами, перекочевала за Саяны. Так, в 1708 г. в бывший Тубинский улус пришли за ясаком сборщики монгольского феодала Гун Бубэя и «при них де были кыргызские татары, кои бежали с Абаканской земли» [4, л. 247]. Жители различных аймаков Хонгорая, перекочевавшие в начале XVIII в. в Туву, вероятно, составили «свою» племенную группу (кыргызов — авт.) среди предков современных тувинцев. По всей видимости, небольшая часть кыргызов Тубинского улуса, скрываясь от джунгар, переселилась и за Восточные Саяны, оказавшись таким образом сре-

ди иркутских бурят. От них, надо полагать, пошел и род «хан-кыргыс» (т. е. «царских кыргызов» — авт.), который административно был приписан к Ашебагатскому роду [5, с. 349]. Но, говоря об этом, следует отметить, что есть сведения и о более раннем проникновении кыргызов в Прибайкалье. Оно было связано с эпохой «великодержавия» Кыргызского государства IX—X вв. Об этом в преданиях бурят до сих пор сохранились сказания о древних жителях «кыргытах», которые оставили после себя в Прибайкалье остатки пашен и оросительных канав. Вполне возможно, что род «хурхуд», обитающий ныне по рр. Ангара и Иркут, и представляет потомков енисейских кыргызов («кыргыт») IX-X вв.

Но житье на чужбине, похоже, не устраивало «хонгорцев» и они стали, при первой же возможности, покидать Прибайкалье. Этот процесс их возвращения на родину получил название «хасхын-тискин» (буквально, — «бегство из неволи» — авт.) и начался он почти сразу после переселения «кыргызов». Согласно историческим преданиям, во время угона мудро старейшины учили молодежь: «Пусть наше владение Хонгорай не останется сиротой, пусть наша земля не останется пустой, пусть не прервется наш род! Запоминайте дорогу и родные горы, придет время, и вы вернетесь на нашу дорогу отчизну Хонгорай» [6, с. 20].

И этот завет стариков молодежь не забыла. В скором времени угнанные кыргызы, не выдержав жизни на чужбине, стали возвращаться (группами и в одиночку) на свою историческую родину. Однако «кыргызских возвращенцев» русские часто принимали за «контайшинных людей» (т. е. за джунгаров — авт.) и «побивали» их. Так, в мае 1704 г., на «Калмыцкой дороге», по свидетельству источника, произошла в районе рр. Мрассу и Кондома перестрелка с кузнецкими казаками, в ходе которой было убито 133 и взято в плен 120 хонгорцев, бежавших из джунгарской неволи в Кыргызскую землю. А джунгары, действительно, «набежали на русские уезды и ясашные волости». Вот как говорил об этом ясашный татарин Кондомских волостей Казычак Учаков: «Пришли де контайшины кыргызы из-за Би реки в Кондомские волости и ясашных людей бьют и мучают и разорения чинят, и потому извету были из Кузнецка на них кыргыз сын боярский Дмитрий Федоров...в 250 человек и тех кыргызов меж Мрассою и Кондомою реками ... разбили» [1, л. 50 об.] В том же году на р. Пызас (приток р. Мрассу — авт.) кузнецкие казаки достигли тех кыргызов «и учинили бой», в котором они побили 78 кыргызов и «в полон взяли 95 человек, 15 пшталей, 84 лука, отбили 150 лошадей и 110 [голов] рогатого скота» [7, л.119].

4 сентября 1704 г. в Караульный острог прибыл кызыльский ясачный и передал сообщение томского служилого человека, что «де шли из калмыков кыргызы Курченова улуса, триста тридцать восемь юрт мимо Кузнецкого острогу и кузнецкие служилые люди двести человек побили всех до единого, а сказывали еще идут кыргызы на свою землю... 50 юрт, а навстречу поехали из Кузнецкого острогу служилые люди 300 человек супротив их...» [8, л. 190]. Наряду с «побитием», многих «возвра-

щенцев», надо полагать, пленили. К такому выводу приводит тот факт, что к 1731 г. в Томском и Кузнецком уездах накопилось 300 кибиток плененных кыргызов. Не зная как поступать с ними, Кузнецкий воевода Б. Синявин вынужден был даже обратиться по этому поводу к царю. В августе 1704 года, докладывая, пришли в Азкыштымскую волость кыргызы, которые потребовали, чтобы азкыштымцы их проводили из Кузнецкой черни «в степь промеж городов Томского и Кузнецкого, до Томи реки, чтоб им пройти в свою Кыргызскую землю». Однако воевода не внял просьбе «возвращенцев» и отправил из Кузнецка 167 служилых людей в степь, на перерез, «чтоб оных кыргызов в свою землю не пропустить». Кузнецкие казаки, как явствует из документа, «сошлись» с кыргызами «промеж Бачатом и Уроп речками [притоки р. Иня, впадающей в Обь — авт.] и дали...им... бой», в котором побили 19 кыргызов и взяли в плен 7 чел. Согласно показанию плененных, «было кыргызов 30 человек». После угона из Хонгорая, поселены «они были... за Иртышом рекою, на Кокоре озере с кыргызским князем Кулегеном в улусе. И напали де на них кыргыз буруты и разбили Кулегенов улус, а жен и детей в полон взяли, а они... кыргызы (т. е. пленники — авт.)... ушли от бурутов и отсиделись в крепких местах на том же вышеписанном озере, а как... буруты... отступили и они... пошли с Иртыша реки в свою Кыргызскую землю» [2, л. 710-711].

Как уже отмечалось выше, вместе с кыргызскими князьями джунгары увели и их улусных людей. В битве на р. Ине были разбиты, как нами выяснено, не кыргызские князья, а шуйские татары, которые вместе с кыргызами были угнаны в 1703 г. в Джунгарию. В верховьях же Иртыша на них напали буруты (казахи — авт.). Воспользовавшись той стычкой, 30 шуйских татар бежали. Согласно показаниям Канзачака Оханкина, захваченного томскими казаками, «приезжали де из Урги от контайши калмыки две тысячи человек и кыргызских людей и их шустских татар всех с женами и с детьми взяли в Ургу, и идучи де дорогою, будучи в Иртышских вершинах, напали на них Казачьей орды люди, ...и многих кыргызских людей побили до смерти, а жен и детей у многих побили в полон, а он, Канзачак с товарищи, в тридцати человеках от кыргыз в то время бежали назад в Кыргызскую землю, покинув жен и детей. И, будучи де в вершинах реки Иня [т.е. около Кузнецка — авт.], набежали на них, Канзачака с товарищи, кузнецкие служилые люди человек с двести и учинили с ними бой и на том бою побили их, шустских татар, двадцать человек, да в то ж время от них, Канзачака с товарищи,.. Сураска Игерекоев побегал с виною в Томской, а они,.. Канзачака с товарищи, в девяти человеках прошли в Кыргызскую землю и в Кыргызской земле кыргыз никого не нашли и пошли на речку Чулым и, пришед в Кызыльскую волость, женились у томских ясачных людей». После своего возвращения, как свидетельствует документ, Канзачак и Кучелай выезжали служить в г. Томск, где прожили год. А до Хакасии дошло только 9 «возвращенцев» [9, с. 5-6].

В 1705 г. Канзачак Уханаков вместе с Кучелаем Тайбукиным и кыргызом Шерлучаком Кучелаем

вым бежали из Томска в Кыргызскую землю. «И после... того они,..Канзачака и Кучелайко с товарищи, приходили войною на реку Чулым и томских служилых людей, которые посланы были из Томска в Ачинский острог для ясачного сбора И. Ларионова с товарищи, четырех человек, побили до смерти, и груди им вспарывали, и ругались, а пожитки их русских людей они взяли» [9, с. 5-6].

Спустя год, Канзачак и Кучелай, «с товарищи и с кыргызскими людьми в пятидесяти человеках, под Томской уезд, на р. Юю войною, в д. Бурнашеву приходили, где побили до смерти 12 человек русских и иноземцев» [9, с. 2]. В этом же, 1706 г., году Канзачак с «кыргызскими людьми в восьмидесяти человеках приходил войною на реку Чулым и в том приходе русских людей, которые посланы были на годовую службу в Ачинский острог трех человек побили до смерти и груди им вспарывали, а ясачных людей многих вязали к деревьям, а иных побивали до смерти и жен, и детей у них отнимали и всячески надругались, а всякие пожитки у них грабили и скота отогнали многое число. Да он же Канзачак с кыргызскими людьми в ста человеках приходил войною на реку Юю и в том приходе казачья сына Саву Завьялова с женою и с детьми до смерти побили и дом его сожгли» [9, с.5]. Летом 1707 года приказчик П. Петров, согласно государеву указу, посылал «из Ачинского острогу в Аргу служилых людей 10 человек войною на воров и изменников шустских татар Кучелайку да Канзачаку с товарищи». Спустя пять дней, Канзачак был схвачен и доставлен в Ачинск. Вместе с ними служилые люди «взяли [в плен] киргизятину Шурлучака да кыргызских робят 5 человек». 24 июня 1707 г. пленники были доставлены в Томск, а 3 сентября 1707 г. «Кучелайка и Канзачака и киргизетин Шерлучака» были «по... государеву указу и... челобитью всех томских волостей ясачных людей» казнены и повешены «за ребра, на страх иным таким же ворами и изменникам» по твоему государеву указу и по челобитью всех томских волостей ясачных людей» [9, с. 3, 19].

Опираясь на вышеприведенные архивные документы и свидетельства хакасского фольклора о легендарном герое Ханза-бега, нами предпринята была попытка идентифицировать все это с именем Канзачака Уханакова. В русских документах его имя «Канза» употреблено с уменьшительно-ласкательным аффиксом «чак», характерным для стиля письма того времени. Канзачак, как нам известно, происходил из рода «шустар» («шуйский»), входящего в состав «кызыльцев». Один из его соратников — Кучелай, — по всей видимости, являлся родоначальником хакасской фамилии «Кучелаяевых» (представителей рода «шустар» («Шуйский»). Столкновения хонгорцев во главе с Канзачаком и казаками имели место в долине Чулыма, т.е. на Июсской земле. Кстати, имеющиеся здесь (по рр. Урюп, Парная и около оз. Божьего (Тигиркель — авт.) горы и по сей день носят названия «Каиш» («Хайыс-таг»), «Ласкан» («Атхыласхантаг»), «Свалик» («Свеелиг», «Чирилген», которые связаны с боевыми действиями Ханза-бега. Канзачак был захвачен в местности «Арга». По-хакасски так называется горный хребет в верховьях Июсов,

где проживают «кызыльцы». Его казнь в полной мере соответствует хакасской фольклорной версии казни Ханза-бега, которого воевода (боярин) приказал казнить в Томске, подвесив за ребра на железные крючья [10, с. 100-101].

В марте 1704 г. и октябре 1705 г. из Томска на Июсы были посланы отряды русских служилых людей с разведывательными целями. В марте и декабре 1704 г. из Кузнецка казаки организовали два похода в Кыргызскую землю, чтобы «замирить» и привести к покорности воинственных степняков. В результате этих походов, в Кыргызской земле было убито около 400 мужчин и почти 900 женщин и детей взято в плен [11, с. 150].

Говоря о «полоняниках», следует подчеркнуть, что в начале XVIII в. на «невольничьи» рынки Сибири попали сотни кыргызских детей и женщин, ставших потом слугами у богатых атаманов и воевод. К примеру, в этом качестве проживала в Кузнецке «ясырка» — пленница — авт.) «дворовая девка Анна» уроженка «Кыргызской земли из коей она была полонена двух лет... кузнецким бывшим атаманом Федором Сорокиным» [8, л. 497-498]. В 1731 г. в Кузнецке было выявлено более 20 «дворовых девок и мужиков кыргызской породы», которые в «малые лета были взяты в полон из Кыргызской земли и проданы. Дворовые девки жили, как правило, «в холостячестве» и все они были крещены в малолетстве» [7, л. 497-498]. Происхождение одного из хакасских родов «том» (представителей фамилии Мойнагашевых и Орешковых — авт.) фольклор связывает с плененной кыргызской девушкой, которая в неволе родила от воеводы Б. Синявина двух мальчиков и в последствии вернулась с ними в долину Аскиза.

Факты «побития и полонения киргизов» не отрицал и сам кузнецкий воевода. В декабре 1706 г. он доносил царю, что посланные им из Кузнецка в «Кыргызы, в Бельтырские и Сагайские волости, для сбора ясачной соболинной казны кузнецкие казаки», а придя оттуда, извещали, что «бежали от контайши кыргызы и ныне де [они] живут в Бертельских ясачных волостях... в четырех юртах и их де ясачных людей бьют и мучат и всякое разорение чинят и на него, ... Ипата с товарищи, те кыргызы напали и хотели у них ... соболиную ясачную казну отбить и их служилых людей побить, и служилые люди, собрав ясачных иноземцев 25 человек дали им, кыргызам бой и ... их кыргыз побили 9 человек» [12, л. 1179 об].

По свидетельству К.Г. Копкоева, за 1703—1706 гг. русскими служилыми людьми было задержано и убито более 1500 кыргызов, возвращавшихся из Джунгарии, что составляет почти половину угнанного населения [13, с. 79]. Однако по нашим подсчетам, число угнанных джунгарами кыргызов составляет менее 10 %, а не половину, как считал в свое время К. Г. Копкоев.

В 1733 г. джунгарский правитель решил вернуть отоки телеутов и кыргызов на их прежнее местожительство — «в кузнецкие ясачные в ялтидскую [Бельтырскую — авт.] и сагайскую волости» [14, с. 2]. Это решение Цэван-Рабдана очень обеспокоило русское правительство, особенно после того, как оно получило в 1736 г. известие от юж-

ных алтайцев о том, что контайшею «кыргызы отпущены в свою Кыргызскую землю все без остатку, а в провожатые... с ними послано.. две тысячи человек, а велено им, кыргызам и калмыкам, идти промеж Томских и Кузнецких городов...» [8, л. 226]. Однако намерение Галдан-Церена, вероятно, оказались (по неизвестным причинам — авт.) невыполненным, в силу чего, оток «кыргыз» остался в составе Джунгарии вплоть до ее гибели в 1757 г.

И все же в русских документах имеется немало свидетельств о побегах «кыргыз — калмыков» (именно так именуются в них угнанные хонгорцы — авт.), на свою историческую родину. Так, весной 1741 г. возвратился в Кыргызскую землю, в Сагайскую волость, кыргыз-калмык Кычик Чеганов. Согласно его сообщению, он бежал из Джунгарии летом 1740 г., угнав трех лошадей. «До зимы, — говорил он, — пробрался на Кемчик реку... Зимовал у соетского князя Ангапа. Весной явился в Сагайскую волость к башлыку Токмашу Наирову, который отправил его с новокрещеным Орешковым в Кузнецк» [7, л. 50].

В 1746 г. около Усть-Каменогорской крепости были задержаны семь кыргыз-калмыков, в т.ч. Хотон, Тургеней, Цой и Баян, бежавшие из Джунгарии [7, л. 2]. Согласно их показаниям, «жили они [вместе] с прочими кыргыз-калмыками... во владении хана Тангын-Батыря-Датжи, в здешнем Сибирском крае, между Томским и Енисейским городами, против города Красноярска, в степи, на речке, называемой Белом Июсе, от которого до их жилища до... Красноярского города расстоянием тихой ездой дня с три, а платили ясак в казну Ея Императорского Величества зверями с прочими калмыками, и ныне слышно... им, что из родственников и прочих кыргыз-калмыков.. в том же ясаке [они и поныне] состоят». 21 марта 1747 г. задержанные были отпущены. Но в июне 1747 г., на р. Чарыше, снова были пойманы «кыргыз-калмыки» Тургей и Цой Хотонов, вновь заявившие, что они «ныне владения Зенгорского владельца, а в прошлых летах отцы их кочевали на Сагайской степи, между Кузнецкого и Красноярского городов, и тогда, ясак платили Их Императорским Величеством, а владельцу Зенгорскому платили, или нет, того не знают. А ныне в помянутой Сагайской волости кочуют их два дяди родные [Харта и Дом, а также родной брат Емген-Мерген — авт.], кои находятся в подданстве Ея Императорского Величества и ясак платят» [15, с. 285]. «А когда отец их, — рассказывали Тургей и Цой, — сошел в Зенгорскую землю, не знают,.. а жили они в том владении, вниз по реке Или, на урочище Шарабе у ноёна зенго(рского) Бутуя в холопстве. В 1746 году отец их Хотон (который, сюда едуци, умер в Алейской станице), видя себе от онаго ноёна Бутуя многия обиды, пошел вместе с ними, в зимнее время [чтобы] явиться в Российския места, дабы быть принятым по прежнему в подданство Ея Императорского Величества. Кочевали они близ крайних зенгорских улусов в горах, а летом явились в Усть-Каменогорскую крепость, к секунд-майору Беклемишеву, где и содержаны были 8 месяцев под караулом, а потом отпущены в степь. И по отпуску жили они втроем по реке Ульбе [впадающей в р. Иртыш в 2 км ниже

Усть-Каменогорска — авт.] в горах, два месяца, и... приезжали в Усть-Каменогорскую крепость, и просились, [чтобы разрешили им] кочевать близ той крепости, только сказано им было, чтоб обратно шли в степь. И после того, месяца два жили они ... по реке Ульбе, и оттоль пошли степью, чтоб перейти к Кузнецку или Красноярску, кочевать с прочими иноверцами, но между крепостями Бикатунской и Кольванским заводом отец их умер, и жили [они] тут с неделю, и русские, наехав, их поймали». Полагаем, что сеоки «аара» и «модор», проживающие ныне среди алтайцев по р. Чарыш являются потомками упомянутого выше Хотона и его детей.

В 1746 г. в Усть-Каменогорск прибыло 12 «кыргыз-калмыков», с женами и детьми и показали, что первоначально они проживали около Красного Яру, «своею Кыргыз-калмыцкою землицею, под ведением Танбын-Батыря -Датжи». А бежали они из урги джунгарского хана потому, что были разорены алманом и войной, которую вел Галдан-Церен с Абдакарымом (правителем Кокандского ханства — авт.), в 1743 г. К сожалению, известий о том, дошли ли они до родного Хонгорая — у нас пока нет.

Массовое возвращение хонгорцев на родину началось с 1756 г., после нападения цинских войск на Джунгарию. Именно тогда оток кыргызов, собравшись вместе с телеутами и мингатами, решил вернуться на Саяно-Алтай и принять подданство России. Согласно данным русской разведки, к границам России двигалось в 1757—1758 гг. «четыре теленгутцких и четыре кыргызских зайсана», в ведении которых находилось «10 тысяч кибиток» [16, л. 63-70].

Но путь их возвращения «домой» был не из легких: в верховьях Иртыша, недалеко от Усть-Каменогорска, на них обрушилась цинская армия во главе с улясуйтайским генералом Цэбдэнджабом, который отправился, чтобы возвратить беглецов. Последние заняли для обороны высокий холм. Боевое армейское подразделение подвергло его сначала мощному артиллерийскому обстрелу, после чего последовал «штурм» холма, превратившийся в уничтожение «беглецов». Так, после сражения от 1000 кибиток, имевшихся в подчинении у кыргызского чайзана Курбан-Кашка, в живых осталось только 168 чел. Словом, избежать печальной участи и выйти к российским рубежам удалось лишь незначительной группе кыргызов, телеутов и мингатов. Многие из оставшихся в живых были взяты победителями в плен, ноен Дундук с 100 кибиток, которого держали сначала при урочище, на р. Нарыне, а оттуда его перевели в урочище Хемыцык (т.е. Кемчик — Авт.), где пленники зимовали вместе с «мунгалским войском». И лишь весной 1757 г. им (37 чел. — авт.) удалось бежать с Хемыцыка, расположенного от Усть-Каменогорска в «месяц езды». И бежали они до урочища Башкуша (т.е. Башкауса — авт.), где и кочевали до первого осеннего месяца, а в сентябре (т.е. после того как телеуты и кыргызы уже вступили в российское подданство — авт.) беглецы пошли в Россию».

Их примеру последовали и другие «кыргызцы»: в 1757 г. на Кузнецкую и Кольванскую пограничные линии вышло «93 человека мужского полу и

92 — женского». Всего же в районе Бийска сосредоточилось в 1757 г. 4322 «двоеданца», в т. ч. 796 «кыргызов» (398 мужчин и 398 женщин), 2100 урянхайцев (1109 и 991) и 1426 телеутов (735 мужчин и 691 женщина) [17, л. 3].

Разгром Джунгарского ханства ознаменовался для России наплывом на ее территорию значительного числа беженцев. Часть их (около 7 тыс. чел. — авт.) была расселена в Красноярском и Кузнецком уездах, где они вошли в состав местных родов, что резко увеличило их численность, в частности, качинцев, приросших численно в 23,5 раза. Именно в это время среди хакасов распространились и легенды о правителях Джунгарии Шуну батыре и Амур-Сане, появились также сеоки с этнонимом «ойрат» (т.е. джунгар) — «ойрат хыргыс», «ойрат хасха» и т.д.

Но не все «хонгоры», угнанные джунгарами в 1703 г. вернулись, как мы уже отмечали выше, на родину. В силу обстоятельств, какая-то их часть могла осесть среди алтайцев, тувинцев и других племен Саяно-Алтая, а также среди казахов верхьев Иртыша. Этим, вероятно, и объясняется наличие среди них сеоков «кыргыз», «бурут», «модор», «аара», «табан» и др. Небольшая группа кыргызов, вместе с другими «зенгорцами», прикочевав в 1758 г. к границам России, попала и на Волгу. В Калмыкии, среди различных улусов зафиксированы в дальнейшем аймаки и подразделения «хонгорахин», «кэргуд», «дувахин», «хашханар», «зод» и другие, названия которых соответствуют хакасским этнонимам «хонгорай», «хыргыс», «туба», «хашха», «чода» и др.

Завершая разговор о насильственном угоне значительной массы жителей Хонгорая, следует подчеркнуть, что она не «запустела», как часто бывает в таких случаях. Ее сыновья, невзирая на трудности, не теряли надежды вернуться родные кочевья. И они, как мы старались показать, возвращались в свою, несколько опустевшую страну — «Толы-Хоорай». И этот процесс их возвращения на родину длился не одно десятилетие. Начальным его этапом стали 1703-1706 гг. Его участники — хонгорцы, — бросившие вызов судьбе и джунгарам, были, в большинстве своем, уничтожены последними, как враги, и лишь единицам удалось добраться до родной земли. Более удачливыми оказались те, кыргызы, которые, использовав военное противостояние ойратов и китайцев, бежали «из неволи» домой. Эти «счастливики», вернувшиеся к середине XVIII в. и позже на родину и пополнили состав новообразованных административных родов и земель. В эпосе хакасов есть немало преданий о выходе части качинцев с Иртыша, о враждебном народе «казах пурут» (т.е. казахах — авт.), о переселении сагайцев со стороны Кузнецкой черни и т.д. Все это, несомненно, свидетельствуют о том, что процесс возвращения «хонгорцев» был поэтапным, т.е. они добивались вначале до Иртыша, Кузнецкой черни, Кемчика и оседали там на какое-то время. После этого, часть беженцев (в силу обстоятельств) оставалась здесь, а другая — продолжала свой путь до «Толы-Хоорая». Это подтверждают как фольклорные данные, так и письменные источники. Из числа последних, можно сослаться на уже приводимый

нами документ о «кыргыз-калмаке Кычаке Чеганове», который перезимовал на Кемчике у соетского князца, а потом продолжил свой путь и весне появился в родных местах [7, л. 50].

Говоря о трудностях, стоявших перед хонгорцами, которые решились на побег «из неволи», можно предположить, что некоторым из них, видимо, приходилось, в целях конспирации, менять свою «родовую принадлежность» на местные роды. На этот счет есть немало свидетельств того, что многие, оказавшись в кузнецких землях, меняли названия своих родов на шорские. Вполне возможно, что именно так появились в Кузнецкой черни общие (для хакасов и шорцев — авт.) роды. Иначе говоря, носителями этих хакасских сеоков, якобы вышедших из Кузнецкой земли, были, полагаем, те хонгорцы, которые приняли на себя шорскую родовую принадлежность, ибо и в родной степи было, в известной степени, безопаснее принадлежать к киштымским родам.

После вхождения Хакасии в состав России, сеок «кыргыз» оказался рассеянным среди различных родов качинцев, сагайцев, кызыльцев, койбалов и чулымцев. Численность населения Хонгорая, благодаря возвращению во второй половине XVIII в. угнанных в 1703 г. джунгарами «кыргызов», резко возросла. К концу XVIII в. демографическая ситуация в Хакасии достигла уровня, который она имела накануне 1703 г. Ко времени образования хакасских степных дум Енисейской губернии, т. е. в 1822 г. минусинских татар, так именовали принявших российское подданство хонгорцев, насчитывалось 22 тыс. душ обоего пола. В пределах Минусинского округа они составили более 50% всех жителей. Руководствуясь этими данными, можно утверждать, что количество возвратившихся кыргызов на историческую родину было значительным. По нашим подсчетам, «домой» вернулось около 30% от общего числа угнанных.

Анализ письменных документов по «оставшимся» и возвращению хонгорцев «домой» позволяет сделать вывод, что данные в них фрагментарны и не в полной мере освещают эти процессы. И это неудивительно, поскольку специальный статистический учет по оставшимся и вернувшимся не велся. Да он, скорее всего, был невозможен в тот трагический момент в жизни и истории хакасского народа. Совершенно очевидно, что попасть в списки оставшихся или вернувшихся, население, по вполне понятным причинам, не стремилось, а напротив, старалось скрыться, «отсидеться» в надежных местах. Поэтому, надо полагать, и оставшихся, и возвратившихся из Джунгарии было несколько больше, чем это значится в официальных документах. Эти наши предположения подтверждаются отдельными косвенными свидетельствами. Например, военные походы кузнецких казаков 1704 г. с целью «замирения» населения Кыргызской земли, оставшегося после угона. Во-первых, сам военный поход говорит о наличии среди оставшегося населения значительного числа боеспособных кыргызов, готовых оказать серьезное сопротивление. Во-вторых, число убитых и взятых в плен во время походов кыргызов заметно превышает, судя по документам, число оставшихся.

И, наконец, заключительным «аккордом» в процессе возвращения хонгорцев на родину, можно считать их массовый побег после разгрома Цинами Джунгарского ханства. Резкий прирост населения Хонгорая за столь короткий период, это безусловное свидетельство того, что данное увеличение явилось не результатом естественного прироста, а было достигнуто путем «вливания» большого числа беженцев из Джунгарии. Вернувшись на свою историческую родину, они, соединившись с теми, кто сумел здесь остаться, и возродили в долине Енисея и Абакана историко-культурные традиции своего народа и родины — «Толы-Хоорая».

Библиографический список

1. Архив внешней политики Российской империи (АВП-РИ). Ф. 113. Оп. 1. Д. 2.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 214. стб. 1400.
3. АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 3.
4. Архив Российской Академии наук (РАН). Ф. 21. Оп. 4. Д. 19.
5. Балдаев С.П. Родословные предания и легенды бурят Булагат и Эхирит. Ч.1. — Улан-Удэ. 1960.
6. Чирим тамырлары. — Абакан, 1982.
7. АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 1.
8. РАН. Ф. 21. Оп.4. д. 20.
9. Центральный государственный архив Республики Хакассия (ЦГАРХ). Ф. Р-675. Оп. 1. Д. 15.
10. Бутанаев В. Я., Бутанаева И. И. Хакасский исторический фольклор. — Абакан, 2001.
11. Копкоев К. Г. Некоторые данные о происхождении хакасов // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 8. — Абакан, 1969.
12. РГАДА. Ф. 214. Стб. 1442.
13. Копкоев К. Г. Об уgone «енисейских киргизов» в Джунгарию в нач. XVIII века // Ученые записки ХакНИИЯЛИ. Вып. 11. — Абакан, 1965.
14. РГАДА. Ф. 214. Оп. 1. Ч. 7. Д. 5008.
15. Валиханов Ч. Очерки Джунгарии. Избранные произведения. — М., 1986.
16. РГАДА. Ф. 16. Оп. 1. Д. 619. Ч. 1.
17. АВПРИ. Ф. 113. Оп. 1. Д. 8.

Хакасский государственный университет.
Получено 19.08.08.

V. Y. Butanaev, I. I. Butanaeva

THE PROCESS RETURN OF KIRGHIZS, DRIVE AWAY IN 1703 YEAR TO DJUNGARIA, TO THE HISTORIC NATIVE LAND — HONGARAY

In the article, on the basis of documentary sources for the first time introduced into scientific turn, is analysed the process return of kirghizs, drive away in 1703 year to Djungaria, to the historic native land — Hongaray.

«Kirghiz land», khakass tongue, Khakassia, Sayan-Altai, Kuznetsk, kin, tribe, drive away, Djungaria, China, peoples folk-lore, historic stories

УДК 902

*О. М. Ганболд, Н. С. Модоров***ИЗ ИСТОРИИ ЗАВОЕВАНИЯ МАНЬЧЖУРАМИ СЕВЕРНОЙ МОНГОЛИИ (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XVII В.)¹**

В статье, на основе документальных источников, анализируется процесс завоевания маньчжурами Северной Монголии в первой половине XVII в.

Северная Монголия, маньчжурские завоеватели, Китай, князь, хан, посольство, дань, дар, принятие подданства

Рубеж XVI—XVII вв. стал для Северной Монголии временем не только особых «внутренних забот», но и «внешних беспокойств». Именно в этот период она лишилась, в результате агрессивных устремлений маньчжурских завоевателей, своего «живого щита» от них — Чахарского ханства, прикрывавшего от них ее рубежи с юга.

Но, прежде, чем начать разговор об этом, скажем пару слов о внешней политике маньчжурских завоевателей, позаимствованной ими у китайских императоров, именуемой сегодня исследователями «китаецентризмом», которая появилась у них еще в глубокой древности и находилась в тесной связи с древним религиозным учением, превратившемся в политическую доктрину о «Сыне Неба» и его роли в общественной жизни [1]. Суть же ее была с давних пор направлена на захват и подчинение — различными методами — соседних народов «Сыну Неба» — Богу на земле, поставленному Небом для управления всей Вселенной. Так представляли себе древние китайцы фигуру императора и такое представление о нем внедрялось китайскими философами древности в сознание народа, политиками и учеными поддерживалось на протяжении всего средневековья. Иначе говоря, китаецентристская доктрина рассматривала Китай как центр всей Вселенной или Поднебесной (так называли в древности ученые и политики свою страну), а все остальные народы, согласно вышеупомянутой доктрине) являли собой периферию этого центра и неотъемлемую часть единого комплекса, именуемого Поднебесной. В силу этого, все некитайские народы должны были подчиняться этому центру, принимать и следовать установленным им порядкам, а его мироустройство считать обязательным для всех народов. И это при том, что последние имели свои национальные особенности, обычаи, традиции, религиозные, социальные и этнические отличия от китайской нации. Однако все это китаецентризм отвергал и обязывал все народы безоговорочно принять китайскую цивилизацию со всеми ее морально-этическими и общественными институтами как нечто идеальное и совершенное. Наконец, Китай, согласно вышеназванной доктрине, являл собой наилучший образец мироустройства и цивилизации, а его император, как «Сын Неба» — это земной бог, самый мудрый, щедрый и великодушный, самый могущественный правитель всех народов на земле и заботливый отец. А посему

все народы — близкие и далекие — обязаны были быть послушными детьми императора, почитать его и подчиняться ему, и чтить его.

Данная концепция о «Сыне Неба», которая легла в основу китайской внешней политики, привела с естественной закономерностью к осознанию ею, что все некитайские народы являются вассалами Китая. И коль они не пожелают стать таковыми добровольно, то их надо силой заставить сделать это. Такими путями и зародилась политика агрессии по отношению к некитайским народам. Эту политику всецело восприняли и цинские императоры, поскольку она их устраивала во всех отношениях. Из нее и «выросли» у них в дальнейшем вассалы — «данники», где бы они ни находились. В действительности же, это было далеко не так. Многие народы, которых китайские источники зачислили в разряд вассалов, таковыми не были. Это были независимые от Цинской империи народы, жившие, руководствуясь своими законами, обычаями и традициями, и не желавшие становиться чьими-либо вассалами. На этой почве неизменно зарождались войны, инициаторами которых неизменно становилась Цинская империя. С такого рода внешней политикой маньчжурского государства и столкнулись народы Северной Монголии во второй половине XVII в. О чем и пойдет речь ниже.

К началу XVII в. Северная Монголия (или Халха) делилась, как известно, на семь самостоятельных княжеств, а потому и носившая название «Халхаин долон хошун» («Семь халхаских хошунов») [2, с. 172-173]. Среди их владетелей особенно выделялись три феодала — Тешуту-хан, Дзасакту-хан и Цэцэн-хан. Владения первого (аймак — Авт.) простирались по берегам р. Толы, верховьям Орхона и далее на запад, вдоль р. Тамир, аймак Дзасакту-хана находился в районе Хангая, а аймак Цэцэн-хана располагался по р. Керулен [3, с. 97]. К началу века эти феодалы подчинили своему влиянию всех остальных владетельных князей и стали играть первостепенную роль в истории Северной Монголии [2, с. 173].

На первых порах ханы Северной Монголии мало обращали внимания на события, происходившие за пределами Халхи. Однако падение Чахарского ханства и переход Южной Монголии под власть маньчжурского правителя заставили их задуматься: как жить дальше. Осознавая угрозу, нависшую

¹ Работа выполнена по гранту РГНФ-МиОК Монголии №08-01-92002а/G

над ними, и пытаясь отвести ее от себя, ханы Северной Монголии тут же выступили с инициативой об установлении мирных отношений с цинским² Китаем. Первые шаги в этом направлении были предприняты Цэцэн-ханом, чьи владения находились в непосредственной близости от маньчжурской территории. Памятуя об этом, он тут же отправил ко двору цинского императора свое посольство (4 посла и 132 сопровождающих — авт.), которое и прибыло в Пекин 14 января 1636 г. В доставленном послами «Сыну Неба» письме выражалось желание Цэцэн-хана жить «с Ним в мире и согласии» [4, с. 143]. «Почтение признательного варвара» с «удовольствием» было встречено правителем маньчжурского государства и он весьма щедро вознаградил первых халхаских послов [5, гл. 27, с. 17а].

Благополучный исход первого посольства к цинскому императору подвиг Цэцэн-хана на отправку новой миссии, чтобы завоевать у него еще большее доверие. В сентябре 1637 г. в Пекин прибыло его очередное посольство. Выражая от имени своего «досточтимого Цэцэн-хана» высокие пожелания и благодарности «солнцеликому Абахая», халхаские послы передали в дар последнему 40 лошадей и «множество шкурок соболя и выдры» [6, гл.38, с. 56].

Пример Цэцэн-хана увлек и других владетельных правителей Халхи. В октябре 1637 г. в столицу Цинской империи прибыли послы Тушету-хана и «изумили» ее правителя — Абахая — своими дарами, в числе которых значились «два золотых лука и три коня» [6, гл. 38, с. 9а]. С еще более богатыми дарами прибыло Тушуту-ханово посольство (совместно с феодалами аймака Тумэт — авт.) в Пекин в сентябре 1638 г. В их числе были лошади, верблюды, собольи шкурки, меха выдры, дикого кота, перья орла, дробовики и прочие предметы [5, гл. 43, с. 15а]. Как и в случае с предыдущими посольствами, цинский правитель в «долгу» не остался: в очередной раз он щедро одарил и халхаских послов, и отправивших их правителей.

Однако, прежде, чем продолжить разговор по существу затронутой нами проблемы, сделаем некоторые отступления относительно «даров», посылавшихся цинскому императору владетельными феодалами, и «наград», которыми удостоивал маньчжурский правитель послов и владетельных «варваров». Первые, как ни странно, китайские источники называют «данью». Хотя пестрый состав и эпизодичность приезда — в нашем случае — халхаских послов дают все основания рассматривать вручаемые ими подношения не как дань, а как обычное для норм феодальной дипломатии подарки от одного правителя другому при установлении меж ними дипломатических контактов. Эту норму маньчжурские правители тоже взяли на «вооружение» в отношениях с «варварами», в частности, южными монголами. Стараясь привлечь их правителей на свою сторону, Цины щедро одаривали и награждали последних. Так именно поступил Абахай и по отношению к халхаским князьям, в частности, Цэцэн-хану и другим

владельцам, направляя к ним свои посольства с подарками в марте 1636 г. и в январе 1637 г. [5, гл. 32, с. 7а].

Подобная практика посольских связей между владетельными феодалами Халхи и Пекином имела место и в последующие годы. Так, в октябре 1643 г. подданный Тушету-хана преподнес цинскому императору «оседланных коней, серебро, деньги, чай, благовония и другие вещи», которые с «благодарностью были приняты» [6, гл. 2, с. 116]. Подобного рода «дары» (согласно, китайской терминологии) преподносились им «Сыну Неба» и в дальнейшем, — в частности, в декабре 1644 г. (мулы, лошади и др. [6, гл. 20, с. 15а]), в 1645 г. (только — лошади, но сколько, источник умалчивает — авт.). И это «умолчание» уже отнюдь не халатность чиновника-делопроизводителя, а уже политика. Наряду с этим, нет в этих записях и сведений относительно одаривания (согласно установленным дипломатическим этикетом нормам) бывших монгольских послов, что было характерно для дипломатических отношений между Цинской империей и халхаскими владетелями прошлых лет.

Теперь, когда положение маньчжуров в Южной Монголии окрепло, а императором стал внук Нурхаци — Фулинь (храмовое имя — Шицзу — авт.), характер маньчжуро-халхаских отношений резко изменился. Отныне в дипломатии пекинского двора все отчетливее стали проявляться стремления добиться от халхаских феодалов признания их зависимости от Пекина. Чтобы добиться этого, маньчжурское правительство стало прибегать к использованию военной силы. Так, летом 1646 г. из-под «руки Сына Неба» бежал со своими людьми глава южно-монгольского аймака суннитов Тингис и укрылся он (на беду халхасцев) во владениях Цэцэн-хана. Используя это обстоятельство, маньчжуры решили нанести удар не только по беглецу, но и по халхаскому владетелю [6, гл. 26, с. 26]. 14 июня 1646 г. в Южной Монголии был обнародован императорский указ о мобилизации всех южно-монгольских войск для похода на Халху. Спустя несколько дней, войска уже выступили в поход. В ходе нескольких сражений «бунтовщики» были разбиты. Но их «главарю» (Тингису) удалось спастись. 27 августа населению Южной Монголии было объявлено об «усмирении» суннитов [6, гл. 27, с. 106].

Преследуя Тингиса, маньчжуры начали продвигаться все дальше на запад от р. Толы. Тушету-хан и Цэцэн-хан пытались «оружно» остановить их продвижение. 23 августа, у урочища Чжацзибулак, на пути маньчжуров стала двадцатитысячная армия во главе с двумя сыновьями Тушету-хана. Однако устоять ей против маньчжуров не удалось. Такая же участь постигла, спустя день, и тридцатитысячное войско Цэцэн-хана, пытавшегося закрыть маньчжурам выход из Чжацзибулака [6, гл. 27, с. 196]. Главная причина неудачи монгольских войск заключалась в разобщенности халхаских феодалов и в разрозненности их действий.

² Государством Цин (или Дай Цин — Великое Цин) маньчжуры стали называть свое государство с 1636 г. До этого, с 1616 г. оно называлось Цзинь или Хоу Цзинь (Позднее Цзинь). После захвата в 1644 г. столицы Минов Пекина, название Дай Цин стало применяться как для маньчжурской династии, управлявшей Китаем, так и для обозначения всей империи.

Однако одержав две важных для себя победы, маньчжурская армия не пошла дальше на запад. Она была измотана и нуждалась в отдыхе. Поэтому уже 26 августа она двинулась в обратный путь. Ее командующий (Додо — авт.) был в «сильном волнении». Несмотря на разгром войск Тушету-хана и Цэцэн-хана, главную задачу похода (пленить Тингиса и Цэцэн-хана): выполнить ему не удалось. Это и страшило возвращавшегося домой Додо [6, гл. 27, с. 196].

«Обкатав» идею подчинения себе Халхи военным путем, Пекин нашел нецесообразным прибегать к услугам армии. Причины такого отказа были налицо: тут и отдаленность этой области, и сложности в обеспечении войск всем необходимым, связанных с этим. Однако вопрос с Халхой (и это было очевидно) Пекину надо было решать, поскольку он был связан с обеспечением безопасности северных границ империи, что имело особое значение в условиях непрекращающейся войны в Китае. В силу всех этих обстоятельств, было решено подчинить халхаских ханов своему влиянию мирным путем.

Решение этой важной для себя задачи Пекин начал с конкретных требований, связанных с событиями 1646 г. Осенью (12 октября — авт.) того же года владетельные правители Халхи получили императорский указ с требованием разыскать, схватить и передать маньчжурам «бунтовщика» Тингиса и его брата Тэнгитэя. Невыполнение ханами указа грозило вторжением маньчжуров в Халху [6, гл. 28, с. 6а].

Указ аналогичного содержания получил в мае 1647 г. Цэцэн-хан в ответ на свою просьбу восстановить мирные отношения с Пекином. В нем же, от лица «Сына Неба», ему предлагалось сделать выбор: либо схватить Тингиса и его людей и выдать «бунтовщиков» маньчжурам, либо «оружно» уничтожить их. В случае «неповиновения», проситель и все северо-монгольские феодалы обязаны были прислать в Пекин «своих близких и доверенных сановников в качестве заложников», гарантируя их жизнями свое невмешательство в «судьбу» нового карательного похода против суннитов [6, гл. 31, с. 14а-14б].

Однако излюбленный прием маньчжуров — награвливать своих противников друг на друга (в нашем случае — одних монголов на других) дал осечку: халхасцы ответили молчанием на все их требования. Это обстоятельство послужило главной причиной «охлаждения» их дипломатических контактов с Пекином. Лишь сдача в 1646 г. Тингиса маньчжурам сделала возможной их реанимацию. Первопроходцами в этом, вновь стали Тушету-хан и Цэцэн-хан, пославшие послов с подарками и, как явствует источник, «доклады с просьбой о прощении» и «выкупы за совершенные проступки». Последний, посланный Цэцэн-ханом Шуньчжи (императорское имя Фулиня — авт.), состоял из 100 верблюдов и 1000 лошадей [6, цз. 3, с. 3б]. Но это «не размягчило» императорское сердце: он потребовал (от Тушету-хана и Цэцэн-хана) прислать ему в качестве заложников своих сыновей, на что последние ответили молчанием [7, гл. 3, с. 3б].

В те годы в отношениях халхаских ханов и Пекина сложилась весьма занятая ситуация: последний продолжал принимать их послов и подар-

ки — «дань» — и в то же время стремился усилить зависимость Халхи от Цинской империи. Воспользовавшись вооруженным нападением подвластного Дзасакту-хану феодала — Омбо-эрдэни — на Гуйхуачэн, император Фулинь предъявил халхаским владетельным правителям (большим и малым — авт.) требование — ультиматум: «принести клятву перед Небом и Землей», что они «заключат дружественный союз с Цинской империей» [6, гл. 48, с. 5а]. Главной его особенностью являлось то, что договаривающиеся между собой стороны не были равноправными: слабый должен был уступить сильному и подчиниться ему, т. е. халхаские ханы должны были признать свою зависимость от маньчжурского государства. Ее они обязаны были подтверждать регулярным представлением «Сыну Неба дани из одного [белого] верблюда и восьми [белых лошадей] (так называемая «дань из девяти белых» — авт.), за что император благосклонно соизволял ханам присылать к нему своих сановников [6, гл. 51, с. 8б].

Однако, вопреки такому толкованию указа о союзе, халхаские владетели восприняли его как согласие Пекина продолжать дипломатические и торговые отношения с Халхой. Исходя из такого понимания «союза», они стали посылать в Пекин своих послов с дарами, не принося «Сыну Неба» вышеуказанную клятву. Такое их отношение к «высочайшему наставлению», естественно, не устроило императора, что породило с его стороны новое «требование». Поводом к нему стало нападение халхаских ханов на подчинившееся Пекину южно-монгольское княжество Барин. В посланном им в октябре 1651 г. указе, император потребовал от них возвращения всех уведенных ими баринцев. В противном случае он грозил им отказом принимать от халхасцев «дань» и разрывом дипломатических отношений [6, гл. 60, с. 12а-12б].

Но халхасцы вновь не оправдали надежд «Сына Неба». Мало того, что они отказались поставлять ему в дальнейшем навязанную им «дань из девяти белых», ссылаясь на «слишком скудное вознаграждение за нее», но и потребовали от Пекина (в ответ на возврат уведенных из княжества Барин людей — авт.) «не принимать и не награждать беглецов из Халхи» [6, гл. 70, с. 7б]. Как и следовало ожидать, все заявления халхаских владетелей были отвергнуты императором, причем в оскорбительном для монголов тоне. Открыто угрожая, он вновь потребовал от халхасцев присылки ими в Пекин заложников и принесения клятвы о заключении союза с Цинской империей [6, гл. 70, с. 7-8а]. Однако и это не урезонило халхасцев: они продолжали стоять на своем. И лишь острый дефицит в китайских и иных товарах, которые, степняки получали, благодаря монголо-китайской торговле, понудила халхасцев уступить маньчжурскому ультиматуму.

Первыми сдались правители Западной Халхи. 6 марта 1655 г. «Дзасакту-хан (Биширэлту-хан) и Омбо-эрдэни», виновные в нападении на южно-монгольский аймак Барин, представили в Пекин доклад и повинились перед императором за свое преступление. Прося «мира и дружбы», они принесли ему «дань» — верблюдов и лошадей [6, гл. 88, с. 31а]. Вслед за ними последовали и правители Восточной Халхи. В марте и апреле они «повинились»

перед «Сыном Неба», направив ему «богатую дань», которая им была «благосклонно принята и ответно одарена» [6, гл. 91, с. 3а—9б]. Словом, в течение весны 1655 г. все владетельные правители Халхи (за исключением Тушету-хана) склонили перед Пекином свои головы. Пользуясь ситуацией, он тут же повторил условия, на которых будут возобновлены посольские и иные связи с Халхой.

Однако «покорность» халхасцев была не полной и это не удовлетворяло императора. Ему особенно хотелось поставить на «колени» Тушету-хана. Поэтому, посылая 8 июня 1655 г. ему свой указ, Фулинь вновь подчеркнул, что он может «принести клятву о союзе и каждый год представлять дань, в установленном размере, а также вести торговлю. Мы, со своей стороны, будем награждать Вас подарками и не станем принимать [у себя] Ваших беглецов... будем отсылать их обратно. Если же не установим дружбу и не закрепим союз, а Вы будете присылать [нам] дань, [то] мы не примем ее, отдадим приказ принимать и щедро одаривать прибывающих к нам [Ваших] беглецов. Обдумайте это» [6, гл. 91, с. 13б—14а].

Исходя из вышесказанного, можно утверждать, что перед Тушету-ханом и другими «гордецами» Пекином был поставлен самый настоящий ультиматум, ставя продолжение своих отношений с ними в прямую зависимость от дачи ими клятвы императору о дружбе и союзе. Но, несмотря на тон указа, халхаские «гордецы» вновь промолчали. Это породило очередной указ «Сына Неба» им с той же самой мотивацией, но более резкого по тону [6, гл. 91, с. 17б—20а]. После его выхода молчать восточнохалхаским феодалам было сложно, ибо их владения располагались вблизи от Цинской империи. Поэтому в начале июля 1655 г. Тушету-хан прислал в Пекин «дань», а в ноябре того же года — вместе с Даньцзин-ламой, Цэцэн-ханом и Мэргэн-нойоном — он представил «извинительный доклад», в котором была выражена готовность принести необходимую клятву [6, гл. 94, с. 7а]. Ее ритуал был исполнен их посланцами, прибывшими в Пекин в январе 1656 г. [6, гл. 96, с. 13а].

Приняв ее и закрепляя достигнутые успехи, а также демонстрируя «силу властителя Поднебной», Фулинь пожаловал звание «дзасака» («чжасак», «цзасак» — родовой хошунный князь-правитель племени, клана) 8 халхаским правителям (4 восточнохалхаским — Тушету-хану, Цэцэн-хану, Даньцзин-леме и Мэргэн-нойону и 4 западнохалхаским — Биширэлту-хану, Лубсан-гайдже, Цэцэн-нойону и Кундулин-нойону). Согласно положению, новоявленные «дзасаки» (это звание не было наследственным, а потому оно каждый раз жаловалось императором — авт.) обязаны были ежегодно приносить ко двору императора дань «из девяти белых» и получить за это «вознаграждение от Сына Неба» (серебряный сосуд для чая весом в 30 лянов (1 лян — мера веса, равная 30, 30,1 г), серебряное блюдо, 30 кусков шелка и 70 кусков простой синей материи). Наряду с этим, «дзасаки» и члены посольства, прибывшие с данью, удостоивались банкета [6, гл. 95, с. 10а].

Заполучив необходимую «клятву», Пекин повел себя в Восточной Халхе так, как ему и хотелось.

Но такого осуществить ему в Западной Халхе не удалось. Ее правители, даже получив от императора «высокие титулы», либо не дали клятву о союзе с ним, либо не присылали своих послов с данью. Поэтому маньчжурское правительство, не раздумывая долго, сразу же вмешалось во внутреннюю смуту, возникшую в Западной Халхе после смерти Дзасаку-хана в 1661 г. Не вникая в суть причин ее вызвавших (они совершенно не беспокоило Пекин), оно занялось укреплением своего влияния в Северной Монголии. В этом Цинская империя особенно нуждалась в условиях борьбы с Русским государством за Приамурье. Для этого, ей необходимо было прекратить междоусобицу в Халхе и использовать ее феодалов в своем противостоянии с Россией. Поэтому маньчжурский император Сюань (императорское имя Канси, храмовое — Шэньцзу — авт.), примиряя халхасцев, старался заручиться поддержкой Далай-ламы. С этой целью он направил к нему посла с «указом», в котором предлагал главе Тибетской церкви послать в Халху влиятельного ламу, который бы совместно с Пекином содействовал примирению между Дзасаку-ханом и Тушету-ханом [8, гл. 114, с. 10б—12а]. И Далай-лама пошел навстречу «Сыну Неба» — послал ему просимого человека [4, с. 152].

Получив это известие, Канси выслал навстречу посланцу Тибета военный отряд, а 10 крупнейшим халхаским феодалам отправил свой указ, в котором объяснил причины, побудившие его — «правителя Вселенной», — вмешаться в дела Халхи и помочь установить там «мир и спокойствие» [6, гл. 125, с. 12б]. Ознакомившись с ним, первым выразил желание участвовать в княжеском съезде глава ламаистской церкви в Халхе Джебдзун-Дамба-хутухта [6, гл. 127, с. 27а]. Его примеру последовали и остальные крупные северомонгольские феодалы. Донесение о состоявшемся их съезде Канси получил в ноябре 1686 г. Из него явствовало, что на съезде был оглашен указ «Сына Неба», в котором содержался его «высочайший призыв ко всем — помириться», нашедший отклик у всех халхасцев. И они помирились, дав клятву перед «образом Будды», не только вернуть захваченных людей, но и жить с этого времени в «вечном мире и согласии» [6, гл. 127, с. 27а].

Но, несмотря на очевидный успех съезда, практических результатов он так и не принес. Более того, обстановка в Халхе продолжала оставаться весьма сложной. Она еще более усугубилась, когда в стране начались военные действия между ойратским ханом Галданом и халхаским Тушету-ханом. В этой ситуации Пекин продолжал играть роль бескорыстного и беспристрастного миротворца, чего на самом деле никогда не было. В действительности же, Канси руководствовался в своих действиях только соображениями политической выгоды и преследовал далеко идущие планы в отношении Халхи. Эта позиция цинского императора особенно наглядно проявилась летом 1687 г., когда Тушету-хан представил ему свой доклад, в котором сообщал о полученном им от хана Галдана письме, содержащем обвинения в адрес Джебдзун-Дамба-хутухты, оскорбившего Далай-ламу. В нем он также сообщал и о готовности ойратского правителя оказать военную поддерж-

ку Дзасакту-хану и о военных приготовлениях первого против Восточной Халхи [9, с. 177].

Однако сообщению своего «дзасака», цинский император явно не поверил. В его ответе подданному присутствует не только «высокое» сомнение, но и опасение, что к возникновению возможного конфликта между ойратским ханом и халхаскими феодалами его империя, занятая подготовкой военной агрессии в Приморье, может оказаться неготовой. Но, презрев это, Канси сосредоточил все свое внимание на «добровольном» присоединении Халхи к Цинской империи. Об этом он не преминул «известить» и халхаским феодалов. «Ныне, — писал им маньчжурский «мироворец», — если вы, действительно находясь в безвыходном положении, перейдете к нам, [то, мы], конечно, примем вас и обеспечим пропитанием» [4, с. 155]. Иначе говоря, Канси открыто заявил халхаским феодалам о своих намерениях использовать их тяжелое положение в своих политических интересах. А оно в стране, действительно, было не простым: внутренние междоусобицы усугубившись военными столкновениями с ойратами, породили в стране политическую нестабильность, хозяйственную разруху, хаос и панику. Охваченное ею население, стало уходить, в большинстве своем, к линии маньчжурских караулов [9, с. 180].

Это бегство халхасцев к границам Цинской империи поставило ее правительство перед необходимостью четко определить свое отношение к данному событию, а через него — и ко всем участникам событий в Халхе. Собрав своих сановников, Канси предложил им как поступить в этой ситуации: или пропустить беженцев за линию «своих караулов», или, усилив караульные войска, отдать им приказ начать продвижение на север, в местность, где собралось бежавшее от войны халхаское население. При этом, «Сын Неба» подчеркнул, что от того, как он будет решен, во многом будет зависеть: будет ли империя втянута в халхаско-ойратскую войну или она найдет возможность избежать этой участи, не оттолкнув при этом от себя халхасцев [4, с. 156].

Понимая сложность вопроса, который им следует решить, сановники посоветовали отложить на месяц его обсуждение, а это время использовать для понуждения халхасцев принять маньчжурское подданство. Канси согласился с предложенным. А тем временем к нему поступило очередное послание Тушету-хана. «...А хотя у меня войско... не столько соберется, — писал тот 30 августа 1688 г., — однако я против... Галдана генеральный бой дать намерен. Но... опасаясь, что мне... не устоять. Того ради, всеижайшее прошу...ваше величество, из своего небесного государства вспомогательного войска мне послать» [10, с. 221-222].

Библиографический список

1. Подробнее об этом. См.: Думан Л. И. Внешнеполитические связи древнего Китая и истоки даннической системы / Л. И. Думан // Китай и соседи. — М., 1970.
2. История Монгольской Народной Республики. — М., 1967.
3. Позднеев А. М. Монгольская летопись «Эдэнийн эрх». Подлинный текст с переводом и пояснениями, заключающем в себе материалы для истории Халхи с 1636 по 1736 г. / А. М. Позднеев. — СПб., 1883.
4. Внешняя политика государства Цин в XVII в. — М., 1977.

Но напрасно ждал проситель помощи. «Сын Неба» не собирался ему ее оказывать. Он всецело согласился с решением советников, гласившим, что «прежде [чем посылать войска на помощь], нужно заставить Тушету-хана, подобно тому как [это сделали] 49 внутренних знамен [Южной Монголии], перейти в подданство нашей династии. [Тогда] Галдан ни в коем случае не посмеет напасть, а если...-нападет, то наша династия не будет бездействовать» [3, с.157]. И, надо сказать, маньчжурские сановники не ошиблись в своих расчетах. Халхаские феодалы очень скоро оказались в безвыходной для себя ситуации. Потерпев поражение в августовских сражениях у оз. Олохой-нор, они вынуждены были просить Канси о принятии их в свое подданство [10, с. 231-232].

Составленный Лифаньюанем (Палатой по делам вассальных территорий — авт.) на основании обращений халхаских владетелей доклад был по приказу императора обсужден на Государственном совете, который вынес однозначное решение: «...Принять [халхасов, выразивших просьбу — авт.] в нашей династии подданство, дать пропитание и устроить их» [6, цз. 137, с. 46].

Так, наступивший сентябрь 1688 г. стал для большинства халхаских феодалов последним месяцем их независимости. Правда, оставались отдельные из них (совсем незначительная часть), которые надеялись «на чудо», но его не произошло. В силу этого, они порознь, редко вместе, направляли в Пекин свои просьбы о принятии их в «полное подданство империи» и о предоставлении им территории для кочевания, об оказании также вооруженной защиты и т. д.

Так, феодальная раздробленность Северной Монголии, следствием которой стали раздоры и междоусобная борьба между ее владетельными феодалами, значительно облегчили Цинам решение своей задачи: лишить Хахху политической самостоятельности и включить ее в состав своей империи. Принятие ею последних монгольских «просителей» в свое подданство означало, что отныне Халха стала частью маньчжурского государства, а также то, что время халхаско-ойратских войн закончилось. Отныне хан Джунгарии имел перед собой не слабых и разрозненных владетельных князей Северной Монголии, а мощную Цинскую империю. Однако Галдан-Бошекету-хан был непреклонен в деле объединения всех монгольских земель в единое целое. В силу этого, война между Цинской династией и Джунгарским ханством становилась неизбежной. И она вспыхнет в скором времени. Но это — уже тема другого разговора.

5. Да Цин Тайцзун Вэньхуанди шилу (Хроника правления императора Тайцзуна великой династии Цин). — Токио, 1937. Здесь и далее использованы переводы В. А. Моисеева.
6. Да Цин Шичзу Чжанхуанди шилу (Хроника правления императора Шичзу великой династии Цин). — Токио, 1937.
7. Хаунчао Фань бу яо люе (Краткий свод основных данных о вассальных племенах при царствующей династии). Сост. Шоу Ян и Ци Юнь-ши.[б.м.]. 1884.

8. Да Цинн Шэнцзу Жэньхуанди шилу (Хроника правления императора Шэнцзу великой династии Цин). — Токио, 1937.
9. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства (1635—1758) / И. Я. Златкин. — М., 1983.
10. История завоевания китайским ханом Канхиейм калкаского и элетского народа, кочующего в Великой Татари, состоящая в пяти частях. Пер. И. Россихин. — СПб., 1750.

Горно-Алтайский государственный университет, Ховдский университет (Монголия)
Получено 19.05.08.

O. M. Ganbold, N. S. Modorov

FROM HISTORY OF CONQUEST THE MANGURS NORDIEN MONDOLIA (FIRST HALF XVII S.)

In the article, on the basis of documentary sources analysis the process of conquest the mangurs of Nordien Mondolia (first half XVII s.).

Nordien Mondolia, mangurian conquerors, China, Halha, prince, khan, embassy, tribute, gift, take out citizenship

УДК 39.05.31.

Н. В. Екеев

К ВОПРОСУ ОБ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ ОЙРОТОВ-ЧОРОСОВ

В статье, на основе анализа опубликованных источников (отечественных и зарубежных), высказана авторская точка зрения на одну из дискуссионных тем — о генезисе «ойротов-чоросов».

Центральная Азия, Южная Сибирь, Джунгария, Западная Монголия, Г.Н.Потанин, монгольские и китайские летописи, легенды, генеалогия

В истории Центральной Азии и Южной Сибири периода средневековья и нового времени, главным образом, после падения Юаньской династии в Китае (конец XIV в.) и до середины XVIII в., заметную роль играли ойраты («ойроты»)¹. По поводу их происхождения и этническом составе существуют разные гипотезы. Преобладающая часть исследователей относит их к монгольским народам. В данной статье автор предпринимает попытку высказать свои суждения по проблеме происхождения чоросов («чоросов») — одного из главных ойротских племен.

Как известно, в период существования Джунгарского ханства (1635—1758 гг.) в состав «ойротов» или «дёрбен-ойротов» входили крупные этнические (племенные) группы: «дёрбеты», «чоросы (джунгары)», «хойты», а также «торгоуты» и «хошоуты». В первой трети XVII в., основная масса «торгоутов» и значительная часть «дёрбетов» откочевала в междуречье Урала и Волги и образовала там Калмыцкое ханство во главе с Хо-Урлюком. А большинство хошоутов, возглавляемых Туру-Байху (Гуши-ханом) — младшим братом Байбагасхана, переселилось на Куку-нор и создало здесь Хошоутское ханство [1, с. 60-62].

Согласно свидетельствам монгольских и китайских летописей, князья («нойоны») «хошоутов» происходили от Хабуту-Хасара — младшего брата Чингисхана. А торгоутские князья вели свою родословную от керейтского ван-хана Тогорила (современника Чингисхана) и, наконец, хойтские князья, согласно летописи «Шара-Туджи», были потомка-

ми Кутука-бека. О дёрбетских и джунгарских нойонах достоверно известно следующее. Во-первых, они принадлежали к роду («омок», «отток») «чорос». А во-вторых, первым исторически достоверным лицом в их генеалогии был Хутхай-тафу — сановник (тысячник) монгольского Эльбек-хана, правившего в 1392—1399 гг. [1, с. 24-25].

По поводу основателя рода «чорос» также существуют различные предания. Первое из них сообщает, что основатель рода был найден в люльке, подвешенной на дереве. С его ветки, похожей на носик чайника («цорго» — «чорго»), стекала дождевая влага в рот ребенка [2, с. 6]. Согласно второй легенде, похожей на первую, найденышу дали имя «Чорос» потому, что возле него стояла чашка (вероятно, «чара» — «чоро» — большая деревянная чашка). Нашедшие его люди сказали: «Имеющий отцом урун дерево и матерью ули птицу [должен называться] Одун-Бодын тайши». Его вырастили, воспитали и сделали своим царем [3, с. 326]. Третья легенда сообщает, что матерью найденного малыша была дочь дракона («Лу») в облике утки, а отцом — сын божества («тенгри») [4, с. 143]. Попытки связать имя рода «чорос» с созвучным названием деревянной трубки («чорго» — «цорго») или чашки («чоро» — «чара»), очевидно, является поздней народной этимологией. Однако в указанных ойратских легендах, упоминаются названия, которые встречаются в мифологии других народов. Так, в древнеогузском эпосе «Китаб-и дэдэм Коркут» царские «огузы», к которым принадлежал, напри-

¹ В настоящей статье этнонимы «ойрат» — «ойрот» («ойрод»), «чоро» («чурас», «чарас») — «чорос» используются как равнозначные, ибо в разных источниках используются те и другие формы их написания (См.: Авляев Г. О. Происхождение калмыцкого народа. Середина IX—I четверть XVIII вв. — М.—Элиста, 1994. — с. 1, 4, 7, 8, 10; Губаева С. С. «Бабур-наме» как источник для изучения этнонимии Средней Азии // Ономастика Востока. — М., 1980. — с. 20, 22-24, 26, 30, 31, 35-38).

мер, принц Кюль-тегин, считались потомками мифической птицы «тулу» («дулу» (от ср. перс. «duli» — «ворон») [5, с. 25]. Слово же «урун» созвучно с современным монгольским и алтайским названием нароста на дереве — «уур» [6, с. 143]. До недавнего времени из таких наростов (на березе или лиственнице) вырезали большие чашки, называемые «чара («чоро») айак».

Немалую информацию по интересующей нас проблеме дает генеалогия джунгарских князей — «чоросов» (она приведена в конце статьи — Н. Е.), зафиксированная в китайских, монголо-ойратских и русских письменных источниках. В ней имеются прямые указания на то, что их родоначальником, от которого повели свое происхождение джунгарские князья, был «Био-хан» или «Бохань» [7]. В связи с этим, возникает закономерный вопрос: «Мог ли быть у легендарного Био-хана реальный исторический прототип?» В поисках ответа на него, пришлось обратиться к разрозненным письменным источникам. И вот что они дали. К примеру, в сборнике летописей Рашид-ад-дина о родоначальнике государей «найманов» приводятся следующие сведения: «Царя найманов, бывшего у них до вражды Чингисхана с найманами, называли Инанч-Билгэ Буку-хан... В древние времена Буку-хан был великим государем, (к памяти) которого уйгуры и много других племен относятся с полным уважением и рассказывают, что он родился от одного дерева». Словом, этот «Инанч-Билгэ Буку-хан» был почтенным государем и имел сыновей. У его старшего сына основное имя было «Бай-Бука, хитайские же (киданьские — Н. Е.) государи прозвали его Ай-ван», что значит «сын хана». Поскольку «хитайские» термины никому не были известны, то «Бай-Буку» называли «Таян-хан» [8, с. 150–151]. Здесь, кстати, нельзя не обратить внимание на одинаковый сюжет о рождении героя «от дерева» как в ойратской, так и в найманской (точнее, уйгурской) легендах.

Для большего понимания лаконичных сюжетов в вышеприведенных легендах приведем еще один отрывок из мифа, запечатленного в хронике персидского летописца Джувейни, который служил, как известно, при дворе «Хулагитов» и лично побывал на развалинах Орду-балыка. Вот что он писал: «...Уйгуры полагают, что начало порождения и размножения уйгуров было на берегу реки Оркон, истоки которой в горе, которую называют Каракорум, и город, который в это время изволил построить каан, также по той горе называют. И тридцать рек из нея вытекают, на каждой реке было другое племя, а на Орконе были уйгуры двух разделений. Когда скопище их сделалось многочисленным, по образу других племен из среды своей поставили они начальника, и выказывали ему повиновение, и пятьсот лет в таком порядке проживали до того времени, как появился Буку Хан и так говорит молва, что Буку Хан — Афрасиаб, повествование о котором приводится в историях. И есть следы места и также большой камень на берегу Каракорума в горе, и говорят, что это был колодец Бижен'а, и следы города есть и дворца на берегу реки, имя которых Урду-Балык; теперь называют Мару-Балык. Наружи развалин дворца насупротив ворот лежат исписанные обтесанные камни, которые мы осмот-

рели. Во время правления каана под камнями вскрыли и нашли яму и в яме большую каменную обтесанную плиту. Приказано было кого либо найти для разбора этих письмен; никто их не мог прочесть. Из Хатая собрали людей, которых называют кам, и письменами этих людей на том обтесанном камне значилось: В то время из всех рек Каракору-ма две реки, — одну называли Тогла, а другую Селенга, — в месте, которое называют Кумланджу, сливались вместе, и между ними было два дерева, одно подле другаго; одно... дерево по виду сосна и зимою листья его подобны листьям кипариса, а плод имеет вид и вкус еловой шишки; другое (дерево) было сосна. Посреди обоих появилась большая гора, с неба на средину той горы ниспадал свет, и день ко дню гора становилась больше. Когда уйгуры узрели это диковинное обстоятельство, удивлялись, и приближались к ней с благопристойностью и смирением, и слышали из нея приятные веселящие голоса, подобные мелодии, и каждую ночь на тридцать шагов в окружности ея блистал свет, пока не отверзлась дверь, как бывает это с беременными во время родов; внутри ея (горы) было пять домов, на подобие палаток, отдельных, и в каждом сидел мальчик, против рта каждого висела трубка, дававшая по степени надобности молоко; и под палатками была растянута сеть из серебра. Начальники племен в созерцании того удивлялись и, почитая для себя, обязательным и благопристойным, склоняли колена, свидетельствовавшие почтения. Когда на малюток пахнул ветер, они почувствовали некоторую силу, и в них проявилось движение; они вышли оттуда наружу и их передали кормилицам и исполнили правила почтения и уважения; они переступили запрет кормления грудью и начали говорить. Спросили об отце и матери. Им указали на те деревья; они пошли туда и выказали почтительное служение, какое достойныя дети оказывают родителям, и воздали должное уважение и честь месту, где росли деревья. Деревья заговорили: «достойныя дети, изукрашенныя благородными доблестями! Вы стали на этот путь добродетели и соблюли обязанности к родителям: жизнь ваша да будет долга и имя вечно!» Все те люди, которые были в тех пределах, созерцая, выражали (мальчикам) почтение, приличествующее царским сыновьям. Ко времени возвращения, каждому мальчику дали имя: старшему сыну — Сункур-тэкин, второму — Котур-тэкин, третьему — Тёкеле-тэкин, четвертому — Ор-тэкин, пятому — Буку-тэкин. После обсуждения этих удивительных обстоятельств, согласились они на том, что одного из них надобно сделать начальником и государем, потому что они посланы Богом, — да возвеличится состояние его и укрепитя доказательство его. Они нашли, что Буку-хан превосходил других мальчиков красотою внешнею вида и силою ума и разсудительности, и знал все языки и письмена (различных) народов. Все в одно слово согласились на избрание его в ханы и собрались, и устроили пиршество и посадили его на трон ханствования, и он разостлал ковер справедливости и свернул листы угнетения, и слуги его и челядинцы, всадники и приспешники стали многочисленны. Всевышняя Истина послала ему трех воронов, которые знали все языки; всюду, где бы

он не имел какое либо дело, вороны ходили на разведки того и оповещали его об обстоятельствах» [9, с. 56-58].

В унисон этим легендарным рассказам вторит и китайская летопись «Ляо-ши». Она сообщает, что столица Уйгурского каганата — «Орду-балык» была основана «Буку-ханом» [10, с. 73, 141]. Присутствует это имя и в рунической надписи на каменной стеле, но он назван здесь «Бёгю-каганом». До принятия титула уйгурского кагана он был известен под именем «Моюн-чур» или «Баян-чор» [11, с. 19-37]. Можно с большой долей вероятности допустить, что уйгурский «Буку-каган» («Бёгю-каган») и найманский «Буку-хан» — это одно и то же историческое лицо, ибо «уйгуры» («он-уйгур»; «хуй-хэ»), «тогуз-огузы» («девять фамилий»), «секиз-огузы» (позднее — «найманы»), «йети-огузы» (позднее — «долоны») и другие племена задолго до образования Уйгурского каганата, с центром на Орхоне, составляли конфедерацию племен, известную под китайскими названиями «гао-гюй» и «теле». Первое название они получили после перекочевки их в конце IV столетия на территорию восточного Тянь-Шаня и Прииртышья (Тарбагатай) [12, с. 28]. А вот в летописи династии Суй племена «гао-гюй», после их подчинения тюркским (тукюеским) каганом «Бумыном» («Тумыном»), стали называться под общим названием «теле» («тулэ») [13, с. 218-219, 228]. Они жили рассеяно на обширной территории от Каспия до Байкала. По свидетельству китайских летописей, главным и сильным среди них признавалось племя «теле» («тулэ»). А в период правления в Китае династии Тан среди племен «теле» возвысились «уйгуры» («хой-хэ», «хуй-хэ») [14, с. 19].

В целом, анализ материалов разных источников дает основание предположить, что имя уйгурского «Бёгю («Буку») кагана» со временем трансформировалось в «Био-хана» генеалогических преданий джунгарских князей. В пользу данной версии говорит и то, что само имя «чоросов» генетически связано с древними «уйгурами» («ойгорами»).

Среди научных (лингвистических) гипотез о происхождении этнонима «чорос» наиболее аргументированными представляются нам взгляды Г.И. Рамstedта, считавшего, что этот этноним происходит от киргизского этнонима «чоро» [15, с. 550-553]. Автор настоящей статьи уже приводил свои доводы в пользу того, что в основе этнонимов «чоро» — «чорос» имеется древнетюркское слово «чор» — «чуур», означающее название титула (звания) главы племени. Так, в Западно-Тюркском каганате во главе племен восточной части — «дулу» стояли пять великих «чоров». А в Восточно-Тюркском каганате (восстановленном в 80-х гг. VII в.) племена западного крыла — «тардуш» возглавляли шесть «чуров». Эта система с титулатурой существовала и в Уйгурском каганате (с центром на Орхоне). «Чоры» («чуры») были главами и у племен, занимавших территории Южного Алтая и северной части Джунгарии. В рунических эпитафиях VII—IX вв. имеются имена многих тюркских и уйгурских аристократов — «чуров» («чоров»): «Бннани-чур», «Кюль-чур», «Моюн-чур» («Баян-чор»), «Кутлуг-чор-тегин» и т.д. (11, с. 126-127).

Обращаясь к семантике термина «чор» («чуур»), следует сказать, что он означал «выдающийся, возвышающийся». Подтверждение тому, можно найти в словах, встречающихся в фольклоре и современных тюркских и монгольских языках. В их числе киргизское слово «чоро», означавшее «витязь, гвардеец»; якутское «чорон» (алтайский аналог — «чурум» — «шурум») — большой деревянный сосуд для хранения кумыса (чегеня); алтайское «чоро» — возвышающаяся в округе гора; алтайское и ногайское «чара («чора») айак» — большая деревянная чаша для питья айрана (чегеня) и мясного бульона; алтайское «чоро кангза» — большая курительная трубка. Наконец, в алтайском и монгольском языках имеются глагольные формы «чоройыл» («чоройлоп») и «цоройх», означающие «возвышаться», «подниматься» (о струе дыма очага в юрте), «вздыбиться» (о лошади) и т.п. [6, с. 311].

В послеюаньское время, по мере усиления ойротских князей — потомков «чоров» («чуров»), их клан, очевидно, стал называться «чорос» («чурас»), «цорос» («чор» — «чур»), «цор + «ос» («ас»), аффикс множественности). Монгольские и китайские источники свидетельствуют о том, что к концу XIV в. этот термин приобрел этническое значение, т.е. стал этнонимом. Для сравнения следует сказать, точно такую же эволюцию претерпели названия некоторых древнетюркских и древнемонгольских этнополитических образований: «тёлэс» («тёлис»), «тёлёс», «тардуш», «тодош», «тургак», «торгоут», «минг» «мингат», «хошо» («коше»), «хошоут» («кошеут»). К тому же, многие этнонимы параллельно использовались в тюркских и монгольских языках, например, «дурмен» («дурбен») — «дурбет», «торгак» — «торгаут», «коше» — «хошоут», «минг» — «мингат».

Носители этнонима «чорос» («чурас», «цорос») были среди монголоязычных и тюркоязычных народов Центральной Азии. О роли чоросских князей в государстве восточномонгольских ханов-чингизитов и в собственном государстве «дёрбен-ойратов» времен правления Тогон-тайши и Эсен-тайши хорошо известно. Однако об их, не менее выдающейся роли при дворах правителей — потомков Джучи и Чагатая — известно меньше [16, с. 53-55;]. Так, беки племени «чорос» («чурас») занимали высокие военные и административные должности при дворе ханов-чагатаитов в государстве Моголистан (XV—XVII вв.) [16, с. 53-55;]. Так, одним из них, во второй половине XVII в., был Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чураc — потомственный политический деятель и автор известной «Хроники» [17].

Нельзя обойти вниманием и тот факт, что в алтайских исторических преданиях достаточно часто упоминается о родстве между родом (сёоком) «тодош» и «чоросами». Например, в предании об Алаганчыке (рода «тодош») говорится, что в одном из сражений он совершил неслыханный поступок — убил старшего богатыря своего сёока по имени Пойдо. Историческим прототипом Пойдо мог, по нашему мнению, быть Пойдон (Бойдон) Сахылов. Его отец Сахыл Кулин и дед Кула-тайши относились к боковой линии правящей чоросской династии джунгарских ханов. У Бойдона Сахылова, погибшего в

1709 г., остался сын Манзу Бойдонов, также известный в истории Сибири. Реальность вышеназванных лиц подтверждается русскими источниками, в частности, калмыцкими летописями [4, с. 25, 144]. В одном из преданий, зафиксированных ими, повествуется о свадьбе сына ойротского хана, проходившей в верховьях Иртыша. Право открыть торжество (занавес — «кёжёге» невесты) было предоставлено певцу и острослову Кёйё из сёока «тодош». Хронологически это предание относится, скорее всего, ко времени правления хана Цеван-Рабтана. Для нас важно то, что в нем есть упоминание о роде «тодош», название которого, в частности, название его подразделения — «манди-тодош», — по рассказам стариков, произошло от имени человека. Вполне допустимо, что «манди-тодоши» были потомками подданных Манзу (Манди) Бойдонова. В некоторых алтайских преданиях нами выявлен и такой факт: в числе дружин, сражавшихся на стороне последнего джунгарского хана Даваца, были воины из родов «манди-тодош» и «котон-кыпчак» [18, с. 124-131]. Наконец, примечательно и то, что до недавнего времени среди алтайцев встречались созвучные вышеназванному роду имена: Чоро, Чур, Чорбон, Чуркан [19, с. 111-112].

Как уже упоминалось выше, в китайских и монгольских летописях послеюаньского времени «чоросы» («цоросы») — одновременно или параллельно — назывались «джунгарами» («дзунгар», «чжунгар», «зюнгар», «зонгар»). Согласно свидетельствам Г. Н. Потанина, «дюрбюты» («дёрбэты») Западной Монголии считали своего «Далай-хана» потомком ханов народа «ойрод», имевшего два отдела: «дюрбен-ойрод» и «дзун-ойрод» или «дзунгар» [20, с. 30]. Принятие частью ойратов названия «чжунгар» («джунгар») некоторые китайские источники приписывают к заслугам Тогона-тайши из рода «чорос» [2, с. 437]. Исследователи же семантику этнонима «джунгар» выводят, как известно, из одноименного монгольского термина «дзун-гар», означающего «левая рука». К древним тюркам и монголам традиция такого деления государства (войска) на «центр», «правое» и «левое крыло» или восточную и западную части перешла от хуннов [6, с. 11]. Однако применительно к ойратам, значение термина «дзунгар» («джунгар»), и это, вне всякого сомнения, требует еще своей проработки. Во-первых, наличие этого термина (в значении «левая рука») предполагает использование и противоположного термина — «правая рука (сторона)». А он, как ни парадоксально, практически не употреблялся, если не считать нескольких эпизодов в истории ойратов. Во-вторых, в китайской хронике X в. «Цзю удай ши» имеется один примечательный

факт. Примерно в 809—810 гг. новый уйгурский каган Тун Бага обратился к танскому императору Китая за разрешением изменить в официальных документах старое название народа «хой-хэ» или «хуй-хэ» (означавшего «союзники») на новое. Это предложение было принято и по-китайски уйгуров стали именовать «хуй-ху» («хуйхур», «гоуигор»), что в переводе означало «стремительные соколы» [21, с. 182]. Кстати, слово «сокол» в тюркских и монгольских языках звучит как «шонкор» («шунгар»), «сонкор» («сункур»). Косвенно объяснение такому названию мы находим в легенде об Огуз-хане, где говорится, что тотемом («онгоном») левого крыла древних уйгуров был сокол — «сункур» [8, с. 89-90]. Отсюда напрашивается вопрос: А не с этой ли традицией связано происхождение этнонима джунгар?

Таким образом, суммируя все вышесказанное относительно этнической истории «ойратов-чоросов», можно констатировать, что все имеющиеся на сегодняшний день гипотезы по этой проблеме аргументированы недостаточно полно. Причина этого обусловлена объективными условиями — трудностями в обеспечении ее историческими источниками. И, тем не менее, на конкретном примере племени «чорос» («цорос») нами предпринята была попытка по-иному взглянуть на старую, но все еще актуальную и сложную проблему этногенеза «ойратов-чоросов». Их этническая история, несомненно, стоит в ряду истории других известных племен («байат», «барлас», «джалаир», «дурбен», «кераит», «мерки»т, «минг» («мингат»), «найман», «тумат», «хатакин» и др.), которые приняли участие в формировании многих современных тюркских и монгольских народов. Очевидно, изучение такой сложной проблемы как этногенез и этническая история ойратов и других народов Центральной Азии и Южной Сибири требует комплексного историко-этнологического и фольклорно-лингвистического подхода.

И в заключение предлагаем схему генеалогического древа ойратских князей — «чоросов», составленную нами на основе данных, выявленных автором из китайских, монголо-ойратских и русских источников². Итак,

Джунгарские нойоны:

Био-хан / Бохань (Бёгю-хан, Буку-хан) — [...] — его потомок Улантай-Бадан тайши — его сын Гоухай-даут (Гохай-дае, Хоохой-Табу, Хутхай-тафу) — его сын Батула-чинсан (Махаму, Махмуд) — его сын Тогон-тайши (Бахаму) — его сын Эсен-тайши — его сыновья Хорхудан и Юштёмёр (Юштюмюй, Ештеме, Эстуми) или Эсмет-дархан (?).

Сыновья Юштёмёра (или Эсмет-дархана): Хишиг-Ерлэг, Бюрэн-айалгу, Хамаг-тайши и Боронагул (Боро-Нахыл).

² При составлении генеалогического древа использованы: Бичурин Н.Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. — СПб., 1834; Златкин И.Я. История Джунгарского ханства. — М., 1983; Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. А. В. Бадмаев. — Элиста, 1969; Моисеев В. А. Материалы к родословной джунгарских ханов (Из показаний в России нойона Норбу-Данжина) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. — Барнаул, 1999. — С. 197-200; Мэн-гу-ю-му-цзи: Записки о монгольских кочевьях / пер. П. С. Попова. — СПб., 1895; Санчиров В. П. «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. — М., 1990; Чернышев А. И. Общественное и государственное развитие ойратов в XVIII в. — М.: Наука, 1990; Шара Туджи: Монгольская летопись XVII века / пер. Шастиной Н. П. — М.—Л., 1957; Сухбаатар Н. Баруун хязгаарын ни йгэм-улус төрийн хөгжлийн туухэн тайм (XX зууны эхэн үеэс 1930-аад он). — Улаанбаатар, 2000; Моисеев В. А. Материалы к родословной джунгарских ханов (Из показаний в России нойона Норбу-Данжина) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. — Барнаул, 1999. — С. 197-200.

Сын Хишиг-Ёрлёга Архан-чинзан — его сын Онгоча (Онгочу, Онгоцо) — его сын Болот-тайши (Болох, Булат, Була, Абидай-Була) — его сын Хара-Хула (имел 10 сыновей) — его сын Эрдэнэ Баатур (имел 11 сыновей, в том числе Сэнгэ, Галдан Бошокту и Бюм).

Сын Сэнгэ Цэвэн-Равдан (имел 5 сыновей) — его сын Галдан-Цэрэн — его сын Лама-Даржа.

Последний джунгарский хан Давачи был правнуком Бюма.

Дёрбетские нойоны
Боронагул (Боро-Нахыл) — его сын Эсигей-тайши — Янаш-тайши — Тэргэт-тайши — его сыновья Далай-тайши (имел 13 сыновей), Мангит и Бу-Илден (Ирки-Илден).

Байатские нойоны
Бу-Ильден (Ирки-Илден) — его сыновья Орлус, Бадамдорж, Эрдэнэбаатар и Бабуш.

Библиографический список

1. Златкин, И. Я. История Джунгарского ханства. — М., 1983.
2. Мэн-гу-ю-му-цзи: Записки о монгольских кочевьях / пер. П. С. Попова. — СПб., 1895.
3. Потанин, Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1883. — Вып. 4.
4. Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе / сост. А. В. Бадмаев. — Элиста, 1969.
5. Зуев, Ю. А. Ранние тюрки: очерки истории и идеологии. — Алматы, 2002.
6. Монгольско-русский словарь / ред. Лувсандэндэв. — М., 1957.
7. Сухбаатар Н. Баруун хязгаарын ни йгэм-улус төрийн хөгжлийн туухэн тайм (XX зууны эхэн үеэс 1930-аад он). — Улаанбаатар, 2000; Моисеев В. А. Материалы к родословной джунгарских ханов (Из показаний в России нойона Норбу-Данжина) // Вопросы археологии и истории Южной Сибири. — Барнаул, 1999. — С. 197–200; Бичурин Н. Я. Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени. — СПб., 1834.
8. Рашид-ад-дин. Сборник летописей. — М.-Л., 1952. — Т. 1. — Кн. 1.
9. Радлов В. В. К вопросу об уйгурах // Записки АН. — СПб., 1893. — Т. 72. — Кн. 1.
10. Малявкин А. Г. Материалы по истории уйгуров в IX-XII веках. — Новосибирск: Наука, 1974.
11. Кляшторный С. Г. Надпись уйгурского Бёю-кагана в Северо-Западной Монголии // Центральная Азия: новые памятники письменности и искусства. — М.: Наука, 1987.
12. Бичурин Н. Я. Записки о Монголии. — СПб., 1828. — Т. 1, 2.
13. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена. — М.-Л., 1950. — Т. 1.
14. Кюннер Н. В. Китайские известия о народах Южной Сибири, Центральной Азии и Дальнего Востока. — М., 1961.
15. Рамстедт Г. И. Этимология имени ойрат // Сборник в честь 70-летия Г. Н. Потанина. — СПб., 1909.
16. Юдин В. П. О родоплеменном составе могулов Могулистана и Могулии и их этнических связях с казахским и другими соседними народами // Известия АН Казахской ССР. Серия общественных наук. — Алма-Ата, 1965. — Вып. 1.
17. Шах-Махмуд ибн мирза Фазил Чурас. Хроника / крит. текст, пер., коммент. О. Ф. Акимовича. — М.: Наука, 1976.
18. Екеев Н. В. Дёрбен-ойраты (к проблеме этимологии и этнической идентификации) // Мир Центральной Азии. — Улан-Удэ, 2002. — Т. 1.
19. Алтайские личные имена / сост. В. Н. Муйтуева. — Горно-Алтайск, 1993.
20. Потанин Г. Н. Очерки Северо-Западной Монголии. — СПб., 1881. — Вып. 2.
21. Паркер Э. Х. Тысяча лет из истории татар; 2-е изд. / пер. и коммент. В. С. Мизаянова. — Казань, 2003.

Горно-Алтайский институт алтаистики им. С. С. Суразакова.
Получено 17.08.08.

N. V. Ekeev

For the question of ethnical history of oyrats — choross

In article, the paper written on the basis of analyzed publish of sources (native and foreign), express autor the point on the one from discuss of subjct — oh genesis of oyrats — choross.

Central Asia, South Siberia, Djungaria, West Mongolia, G.N.Potantin, Mongolian and Chinese annals, legends

УДК 902

А. С. Клинов

К ВОПРОСУ О МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОМ СТАТУСЕ ТИБЕТА

В статье, на основе опубликованных источников (отечественных и зарубежных), рассмотрен международно-правовой статус Тибета.

Китай, Тибет, правительство Тибета, Далай-Лама, международный Суд, международная комиссия юристов, Декларация независимости Соединенных Штатов Америки

Тибет — это одна из самых высоких частей земного шара. Это обширный [1, с. 156] и богатый природными ресурсами район. В силу этого, он занимает

исключительно важное для Китая географическое и стратегическое положение [2, с. 82] и является самым сложным районом для КНР в плане сохранения един-

С точки зрения правительства Тибета в изгнании основой взаимоотношений между маньчжурской династией Цин (1644—1912 гг.) и Тибетом был принцип «чой-йон» («наставник-патрон»), в соответствии с которым наставником цинского императора выступал Далай-лама (высший духовный и светский глава Тибета), а патроном и защитником его был китайский император. Этого не отрицали и Цины.

Нужно отметить, что сам по себе принцип «чой-йон» не был основанием для реального подчинения Далай-ламы маньчжурскому императору и Тибета Китаю. Этот принцип функционировал еще в XVII в., когда цинский император и Далай-лама оставались независимыми друг от друга [3, с. 23—24]. Вхождение Тибета в состав Китая произошло в результате принятия Лхасой в 1793 г. «Высочайше утвержденного устава по приведению в порядок дел в Тибете», состоявшего из 29 статей и разграничившего полномочия Лхасы и Пекина. Это событие конкретизировало и уточнило принцип «чой-йон» и придало ему новый смысл, ознаменовав подчиненность Далай-ламы цинскому императору (духовный наставник, являющийся жителем данной страны, занимает более низкое положение по сравнению с ее монархом), что стало основой статуса Тибета как вассального государства в составе Китая, как государства сюзеренного. Отныне Центральное правительство Китая отвечало за внешние связи Тибета, контролировало его внутреннюю политику, военную сферу, налоги, финансы, а также являлось высшей инстанцией при возведении в сан Далай-ламы и Панчен-ламы (второй по значимости иерарх после Далай-ламы). Полномочным представителем Центрального правительства Китая был амбань (или резидент), который обязан был непосредственно осуществлять контроль за внутренними делами Тибета и его внешними связями [9, с. 34].

Обнародовав «Высочайше утвержденный устав по приведению в порядок дел в Тибете», император позволил Далай-ламе принять или отвергнуть этот документ. В случае согласия Далай-ламы, цинский двор гарантировал ему свое покровительство и военную защиту, при отказе же — глава Китая не давал подобную гарантию Далай-ламе и намеревался вывести из Тибета амбаней и свои войска, введенные туда по просьбе руководства Тибета для защиты Тибета от гуркхов [3, с. 25]. Не будучи уверенным, что ему одному удастся справиться с конфликтами, могущими произойти в будущем, Далай-лама по своей воле (хотя и под давлением обстоятельств, но никак не Китая), принял «Высочайше утвержденный устав по приведению в порядок дел в Тибете», согласившись на сюзеренитет Китая над Тибетом и на его положение в составе империи Цин как ее внутреннего вассала.

Хотя «Высочайше утвержденный устав по приведению в порядок дел в Тибете» зафиксировал положение Тибета как внутреннего вассала Китая, руководство старого (то есть до проведения там реформ в 50—60-е гг. XX в.) Тибета и нынешней тибетской оппозиции оставило за собой право расширительно толковать принцип «чой-йон» и на этой основе юридически обосновать законность права Тибета по собственной воле выйти из состава Китая, тем более, что после крушения власти династии Цин Китайская

Республика попыталась силой (вопреки воле тибетцев) преобразовать Тибет из внутреннего вассала в обычную китайскую провинцию [3, с. 26—27].

Аналогичные взгляды высказала созданная вскоре после подавления китайскими властями Мартовского 1959 г. восстания в Тибете Международная комиссия юристов [10, с. 161—162]. Развивая данную точку зрения, видный ученый М. ван Уолт ван Праг писал, что статус Тибета в цинский период нельзя определить, исходя из терминологии, принятой на Западе [11, с. XIV]. Падение монархии в Китае в 1911 г. означало крах исторически и традиционно сложившихся в духе «чой-йон» взаимоотношений китайского императора с Далай-ламой и влекло за собой автоматический выход Тибета из состава Китая, что выглядело вполне законно [11, с. XIV].

Бряд ли есть смысл при решении тибетской проблемы отдавать приоритет принципу «чой-йон» перед принципами традиционного китайского права. Напротив, у последнего гораздо больше оснований рассматриваться в качестве приоритетного перед принципом «чой-йон» при решении тибетской проблемы. Для такого суждения имеются следующие основания.

Во-первых, по сравнению с принципом «чой-йон», «Высочайше утвержденный устав по приведению в порядок дел в Тибете» является более конкретным нормативным актом. При коллизии (противоречии) же общей и конкретной нормы действует конкретная норма.

Во-вторых, согласившись войти в состав Китая, правительство Тибета автоматически признало верховенство китайского права над тибетским. Ведь Китай всегда был и является ныне унитарным государством с приоритетом нормативных актов центра над местными нормативными актами.

В-третьих, сфера действия принципа «чой-йон» (территория, где признавалась власть Далай-ламы как светского главы) была намного уже территории действия традиционного китайского права (Восточная и в значительной степени Центральная Азия).

Но в современных условиях как принцип «чой-йон», так и традиционное китайское право не могут быть основой для разрешения тибетской проблемы. Такой базой могут быть только нормы современного международного публичного права, в основу которых положены нормы права западных государств. Такое суждение основывается на следующем.

Во-первых, на Западе давно уже утвердилась точка зрения о несовершенстве норм традиционного китайского (и вообще традиционного восточного) права и о неприменимости его при решении спорных юридических вопросов. Обычно китайское законодательство в западных странах воспринимается постольку, поскольку оно вобрало в себя нормы западного права и поскольку соответствует международно принятым стандартам.

Во-вторых, принцип «чой-йон» и нормы китайского традиционного права имели ограниченную сферу деятельности, нормы же современного международного публичного права признаны подавляющим большинством государств и имеют универсальный характер. Они признаны и Китаем, являющимся одним из постоянных членом Совета Безопасности ООН.

Пункт 1 статьи 38 Статута Международного Суда гласит следующее:

«Суд — который обязан решать переданные ему споры на основании международного права, — применяет:

а) международные конвенции, как общие, так и специальные, устанавливающие правила, определенно признанные спорящими государствами;

б) международный обычай, как доказательство всеобщей практики, признанной в качестве правовой нормы;

с) общие принципы права, признанные цивилизованными нациями;

д) с оговоркой, указанной в статье 59, судебные решения и доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву различных наций, в качестве вспомогательного средства для определения правовых норм» [8, с. 447].

Из статьи 38 Статута Международного Суда видно, что основным источником при разрешении тибетской проблемы следует признать международные конвенции по Тибету, которые разрешают вопрос о территориальной принадлежности этого района и о его политическом статусе. Таких конвенций две: Конвенция между Великобританией и Тибетом, заключенная на британо-китайско-тибетской конференции в Симле 3 июля 1914 г. (больше известная как Симлская конвенция 1914 г.) и Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индии о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией от 29 апреля 1954 г. (известное также как Соглашение 1954 г.). Обе они (Симлская конвенция 1914 г. статьей 2, Соглашение 1954 г. преамбулой) определили, что Тибет является частью территории Китая [12, с. 157].

Есть и иные суждения. Так, например, Международная комиссия юристов, признав Симлскую конвенцию 1914 г. и отметив формальный характер утвержденного ею сюзеренитета Китая над Тибетом, указала, что Тибет, входивший в состав империи Цин на основе личных отношений Далай-ламы и маньчжурского императора [10, с. 139], в 1911—1950 гг. был независимым государством де-факто [13, с. 161—162]. Одновременно Комиссия, отметив сложность определения политического статуса Тибета в 1911—1950 гг., сделала вывод о том, что окончательный вердикт по этому вопросу компетентна вынести только лишь ООН [10, с. 162].

Генеральная Ассамблея ООН своими резолюциями 1723, принятой 20 декабря 1961 г. XVI-й сессией ГА ООН [13, с. 311], и 2079, принятой 18 декабря 1965 г. XX-й сессией ГА ООН [14, с. 4], потребовала от КНР предоставить тибетцам право на самоопределение, по сути придав этому праву расширительное толкование вплоть до права Тибета выйти из состава КНР с последующим образованием независимого Тибетского государства.

Резолюции ГА ООН во многом базировались на выводах Международной комиссии юристов, а та основывала свое заключение прежде всего исходя из анализа политического статуса Тибета в период 1911—1950 гг.

Поэтому следует остановиться на этом периоде, когда Тибет вышел из подчинения Китая, фактически самостоятельно решал все свои дела и вел ожесточенную (в т. ч. вооруженную) борьбу с Китаем за независимость.

Правительство старого (т. е. до 1959 г.) Тибета восприняло уже сам факт участия Тибета в Симлской конференции 1913—1914 гг. как реальное признание независимости своей страны и большую победу в тяжелой борьбе за отделение от Китая [15, с. 251—252]. Тибетская оппозиция исходит из того же, считая, что в этот период Тибет был независимым суверенным государством как де-факто, так и де-юре [3, с. 7, 9—11].

В связи с этим, хотелось бы сказать, что согласно общим доктринальным положениям международного публичного права, независимое государство должно обладать тремя основными элементами правосубъектности: во-первых, правом самостоятельного участия в международных договорах политического характера, во-вторых, правом самостоятельного участия в международных организациях, в-третьих, правом осуществлять международные контакты с субъектами международного права на дипломатической основе.

Как Симлская конвенция 1914 г., так и Соглашение 1954 г. не наделяли Тибет указанными выше элементами правосубъектности, а сам он не мог реализовывать на деле эти элементы. Фактическая самостоятельность Тибета в 1911—1950 гг. с международно-правовой точки не получила ни достаточного практического выражения, ни официального признания как де-факто, так и де-юре.

Поддержание Тибетом в 1911—1950 гг. официальных отношений с Непалом, Внешней Монголией, Бутаном, Китаем и Индией в этом отношении ничего не меняло. В то время другие отдельные части Китая (например, Синьцзян, провинции Северо-Востока), не становясь независимыми и не выходя из состава Китая, также нередко поддерживали официальные политические связи с другими государствами. Хотя Непал в 1949 г. при вступлении в ООН и заявил в этой международной организации, что в 1911—1950 гг. он поддерживал «независимые дипломатические отношения с Тибетом» [3, с. 11], это действие Непала скорее явилось показателем желания ряда кругов западных стран ослабить Китай (где в 1949 г. победила КПК) путем отделения от него Тибета, чем отражало реальное положение дел применительно к периоду с 1911 до 1949 гг. Тогда Непал не предпринял каких-либо действий или заявлений, свидетельствовавших о том, что его отношения с Тибетом означают признание последнего независимым государством. Ведь и после официального достижения Непалом независимости в 1923 г. он фактически во многом продолжал зависеть от Великобритании (строившей свои отношения с Китаем и Тибетом на основе Симлской конвенции 1914 г.). Хотя Внешняя Монголия в 1913 г. официально признала независимость Тибета, однако с международно-правовой точки зрения она не имела права этого делать, поскольку в то время сама официально была частью Китая (признание Китаем результатов проведенного в 1945 г. плебисцита населения Внешней Монголии (высказавшегося за ее независимость) означало придание МНР статуса независимого государства). Бутан в 1911—1950 гг. был зависимой от Великобритании страной, его отношения с Тибетом не могут свидетельствовать о независимости последнего. Китай никогда (в т. ч. в 1911—1950 гг.) не признавал независимость Тибета.

Из анализа статьи 38 Статута Международного Суда очевидно, что доктрины наиболее квалифицированных специалистов по публичному праву могут выступать лишь в качестве вспомогательного средства по отношению к международным конвенциям. Что касается резолюций ГА ООН, то они (в отличие от международных договоров) имеют рекомендательный, а не обязательный характер для суверенных государств, коим в данном случае является КНР, которая, к тому же, в 60-х гг. XX в. еще не была представлена в ООН (ее место там занимал представитель режима Китайской Республики, руководимой Чан Кайши). Поэтому основным источником права при разрешении тибетской проблемы следует считать Симлскую конвенцию 1914 г. и индийско-китайское Соглашение 1954 г.

Причем это относится не только к вопросу о территориальной принадлежности Тибета, но также и при решении вопроса о политическом статусе Тибета. Статья 2 Симлской конвенции подтвердила установленный «Высочайше утвержденным уставом по приведению в порядок дел в Тибете» сюзеренитет Китая над Тибетом и преобразовала Тибет из внутреннего вассала

империи Цин в автономное государство в составе Китайской Республики [16, с. 265]. Но в отличие от сюзеренитета маньчжурской династии, который имел вполне реальный характер, Симлская конвенция 1914 г. придала сюзеренитету Китайской Республики над Тибетом формальное содержание, лишив Китай возможности реально контролировать тибетские дела и предоставив Великобритании права вмешиваться в тибетскую проблему и эффективно (по крайней мере, не в меньшей степени, чем Китай) влиять на положение дел в этом районе. Индия, после обретения ею независимости в 1947 г. унаследовавшая права Англии в Тибете, по заключенному ею с Китаем Соглашению 1954 г. отказалась от своих привилегий в этом районе и признала суверенитет Китая над Тибетом [12, с. 157].

Говоря о международно-правовой стороне тибетской проблемы, нельзя не отметить вопрос о правах человека в этом районе. Тибетская оппозиция исходит из того, что они постоянно и грубо нарушаются со стороны КНР [3, с. 55], а Международная комиссия юристов сделала вывод о том, что власти КНР осуществляли в Тибете политику геноцида против тибетцев как этнической и религиозной группы [10, с. 23]. Начиная с 80-х гг. XX в. положение с правами человека как в КНР в целом, так и в Тибете в частности, значительно улучшилось. Но эта сфера все еще остается объектом острой критики международных правозащитных организаций.

Согласно нормам современного международного права само по себе нарушение прав человека не может стать основанием для ослабления власти Китая в Тибете и, тем более, для выхода Тибета из состава Китая. Но следует учитывать все возрастающую доминирующую роль США на международной арене и их желание придать международному праву нужное Вашингтону содержание, во многом сходное с содержанием внутригосударственного права США, признающим и широко использующим принцип аналогии. В связи с этим, следует указать, что одним из важнейших источников американского права является Декларация независимости Соединенных Штатов Америки, обосновавшая законность борьбы североамериканских колоний Англии за независимость в XVIII в. (завершившуюся образованием США) постоянным и грубым нарушением со стороны Англии прав человека в вышеуказанных колониях [17, с. 183].

Таким образом, исходя из норм современного международного публичного права, а также из лежащих в его основе норм западного права, можно прийти к следующим выводам:

Первый. С конца XVIII века и вплоть до настоящего времени Тибет всегда (в частности с 1911 по 1950 гг.) был и оставался законной частью территории Китая.

Второй. С 1793 г. и вплоть до 1954 г. Китай обладал законными сюзеренными правами над Тибетом (Симлская конвенция 1914 г., как было показано выше, придала этим правам во многом формальный характер).

И, наконец, третий. С 1954 г. Китай снова приобрел законные суверенные права над Тибетом.

Библиографический список

1. Рампа Т. Третий глаз. — Л.: Лениздат, 1991. 199 с.
2. Ренкур А. де. Крыша Мира Тибет — ключ к Азии. — М.: Изд-во иностранной литературы, 1950. — 100 с.
3. Тибет: Правда, основанная на фактах. — М.: Галарт, 1994. — 120 с.

4. Новейший атлас Китая для практического использования. — Пекин: Китайское издательство географических карт, 1992. — 105 с. (на кит. яз.).
5. Кому принадлежит суверенитет над Тибетом и как в Тибете обстоит дело с правами человека. — Пекин: Пресс-канцелярия Госсовета КНР, 1992. — 104 с.
6. 56 национальностей Китая. — Пекин: Синьсин, 1992. — 28 с.
7. Численность лиц тибетской национальности в Китае на современном этапе // Общественные науки Китая. 1993. №5. — С. 173–194 (на китайском языке).
8. Устав Организации Объединенных Наций // Внешняя политика Советского Союза в период Отечественной войны. Том III. — М.: Государственное издательство политической литературы, 1947.
9. Сувилов Н. И. Тибет: Описание страны и отношение к ней Англии и Китая. Санкт-Петербург: В. Березовский, 1905. — 137 с.
10. Tibet and the Chinese People's Republic: A Report to the the International Commission of Jurists by its Legal Inquiry Committee on Tibet. — Geneva: International Commission of Jurists, 1960. — 346 p.
11. Walt van Praag van M. C. The Status of Tibet. History, Rights and Prospects in International Law. Boulder, Colorado: Westview Press, 1987. — 382 p.
12. Соглашение между Китайской Народной Республикой и Республикой Индии о торговле и связях между Тибетским районом Китая и Индией от 29.04.1954 // Международная жизнь. 1954. №1. — С. 157–158.
13. Question of Tibet. Resolution of the General Assembly. 16-th Session (1961) // Tibet in the United Nations. 1950–1961. New Delhi: Bureau of His Holiness the Dalai Lama, 1962.
14. Пленарное заседание №1403. Тибетский вопрос. Резолюция №2079 (XX). 18.12.1965 // ООН. Генеральная Ассамблея. Двадцатая сессия. Резолюции. Дополнение №14 (A/6014). Нью-Йорк, 1966.
15. Shakabpa T. W. D. Tibet: A Political History. New Haven and London: Yale University Press, 1967. — 369 p.
16. Конвенция между Великобританией и Тибетом от 3 июля 1914 года // Кулешов Н. С. Россия и Тибет в начале XX века. Приложение. — М.: Наука, 1992.
17. Декларация независимости Соединенных Штатов Америки (4 июля 1776 г.) // Конституции зарубежных стран. Сборник — М.: Юрлитинформ, 2000.

Краснодарский государственный университет.
Получено 19.07.08

A. S. Klinov

FOR QUESTION OF INTERNATIONAL AND LEGAL THE CLAUSE OF TIBET

In article, on the basis paper written publications and archive materials of analyzed the question of international and legal the clause of Tibet.

**China, Tibet, Dalay-Lama, international court, international commission of lawyers,
Declaration of independence of United States of America**

УДК 902

Н. С. Модоров

ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ОЙРАТОВ С СОСЕДЯМИ В 1745—1751 гг.*

В статье, на основе анализа опубликованных и архивных источников рассмотрены взаимоотношения ойратов с соседями в 1745—1751 гг.

**Монголия, маньчжурские завоеватели, Китай, император, казахи, князь, хан, посольство,
дань, дар, принятие подданства, мятеж, переворот, убийство, ясак**

Военное противостояние с Цинской империей, казахами, а также с народами Семиречья и Туркестана существенно подорвало силы Джунгарского ханства. Особенно зримо это стало просматриваться к середине 40-х гг. XVIII в. Это, и без того тяжелое экономическое положение степной империи, еще более усугубили трагические события, последовавшие после смерти ее правителя — Галдана — Цэрэна (он умер 13 сентября 1745 г. — Н.М.). Предчувствуя свою близкую кончину, он завещал ханский престол среднему сыну — Цэван-Доржи, — которому шел в 1745 г. четырнадцатый год. Однако выбор джунгарского правителя с наследником, не всем пришелся по душе. Значительная часть ойратов — знати и простого народа — хотела видеть своим правителем старшего сына Галдана — Цэрэна, девятнадцатилетнего Ламу-Доржи, уже закаленного в битвах и походах, а главное — имевшего «смысл

в делах правления». Но все эти его «достоинства», как претендента на «ханово место», разбивались об одно, достаточно весомое по степным законам обстоятельство: Лама — Доржи был рожден не законною женою Галдана — Цэрэна, а «наложницею», что ставило под сомнение право такого ребенка на право наследования трона [1, с. 145–152].

О возникшей «сумятице» в Джунгарии стало известно и в ближних, и в дальних «землях», в т. ч. и в России. В частности, первыми о «несогласии, идущем в Галдановой земле» известили русских прибывшие в январе 1746 г. в Ямышевскую крепость ойратские и уйгурские торговцы. Встречаясь с ее командованием, они говорили, что «одни люди желают [видеть] наследником и владельцем большего сына [Галдана-Цэрэна] Ламу-Доржу, коей смысл и острогу к управлению...владением имеет», но он рожден наложницею, а другие желают насто-

* Работа выполнена по гранту РГНФ — МиОК Монголии №08-01-92002a/G

ящего сына Бичаган-Цаган (жены Галдана-Цэрэна — Н.М.), коей назван ныне — Цебек-Доржи-Намжил» [2, л. 175].

Но, несмотря на «несогласия», выступить открыто против завещания, оставленного Галданом-Цэрэном, естественно, никто не посмел. И состоявшийся летом 1746 г. (в родовых кочевьях ойратских ханов — на р. Текес, левом притоке р. Или) Курултай провозгласил Цэван-Доржи ханом Джунгарии, ставшего отныне именоваться «Аджа-ханом» [3, с. 281].

Став после смерти отца правителем Джунгарии, Цэван-Доржи известил (как и положено в таких случаях) своих ближних и дальних соседей о кончине прежнего хана и своем восхождении на ойратский престол. С таковым известием прибыл 28 ноября 1745 г. в Ямышевскую крепость его представитель Курен-Кучук, направленный ханом в Тобольск. Сообщив положенную информацию ее командованию, посол также добавил, что «новый владетель Джунгарии намерен пребывать» по отношению «к России... в склонности и тишине, как и при предках его было» [4, л. 123].

Выслушав официального представителя нового хана Джунгарии, командование крепости, не мешкая, отправило его в Тобольск, к главе сибирской администрации А. М. Сухареву. Хотя посольству и было приказано двигаться «с поспешанием», однако «зимнее время» — с его метелями и морозами — сильно задержало послов в дороге: в силу этого, путь от Ямышевской крепости до Тобольска они преодолели «с немалою нуждою» за 35 дней [4, л. 123].

Отправляя джунгарского посла домой, сибирский губернатор направил с ним свое послание Цэван-Доржи, в котором он, выразив соболезнование по поводу кончины Галдан-Цэрэна, одновременно поздравил Цэван-Доржи со вступлением на «родительский престол» и заверил нового хана в том, что с российской стороны к Джунгарии «к всему ...зюнгорскому народу дружба и доброе согласие содержание имеет» [4, д. 10, л. 334]. Больше, кроме вышеназванной посольской миссии Курен-Кучука, официальных обменов послами между Россией и Джунгарией в период правления Цэван-Доржи не было. Сибирские власти (военные и гражданские), решая задачи местного значения, то и дело прибегали к «услугам» направляемых ими в Джунгарию разведчиков и своих представителей. Именно таким образом им стало известно, что перед своей кончиной Галдан-Цэрэн собрал своих «знатных ноенов и зайсанов и всем [им]... приказал, чтоб с Россиею и китайцами войны... не держать и жить в тишине и с прочими ордами... И хотя... русские люди серебряные и прочие руды... найдут близ наших границ, за то б не спорится... только смотреть... чтоб далее Усть-Каменогорской крепости не строили и нас не... утесняли...» [2, д. 1607, л. 174-175].

А поиск новых рудных месторождений русскими и их разработка ими в Южной Сибири, действительно, имела тогда место, в т. ч. и на Алтае. Это, а также строительство новых крепостей, увеличение численности русских войск на границе с Джунгарией вызывали у ойратов естественное беспокойство. Об этом сообщил, к примеру, местным влас-

тям, работник сибирского купца П. Твердышева — И. Конураев, — возвратившийся в декабре 1745 г. из Джунгарии в Омск. «Онне зенгорцы, — говорил он, — имеют к российской стороне великое опасение... особливо стали [опасаться]... с нынешнего лета, ибо возвратившиеся весною из России зенгорские бухарцы, бывшие с торгом, говорили, что по Иртышу... ныне русских военных людей весьма доволно прибыло и крепостей... много... и надо до бережья» [4, д. 10, л. 39-40]. О подобном беспокойстве и тревоге «зенгорцев» сообщал в конце 1745 г. — по инстанции — и поручик Ф.Аблязов. Проезжая по джунгарским кочевьям, ему довелось подслушать в одном месте разговор двух ойратских воинов, сетовавших на то, что им не стало житья на своей земле, ибо их владетель умер, а «ныне российское войско нас теснит. И куда нам... [от] ... него деватца?» [4, д.10, л.39-40].

Нежелательный ход развития событий в приграничной зоне понудил ойратов принять необходимые для защиты меры. Об этом доложил своему командованию прапорщик С. Соболев, направленный им в начале сентября 1746 г. в Джунгарию под видом купца. Возвратившись в Омск, он сообщил начальству о мерах предосторожности, принятых ойратами на границах своих владений с Россией [4, д.7, л. 113-114]. Но, выражая опасения, они, в то же время, не упускали случая, чтобы «взять алман» со своих данников и не только с них, в частности, с барабинских татар и алтайцев. Эти «незаконные алманские акции ойратов» предлагал в свое время (весной 1746 г. — Н.М.) «оружно» пресечь командующий Сибирскими военными линиями, генерал-майор Г. Х. Киндерман. Однако его предложения (разумные по духу — Н.М.) не были приняты Сенатом и Коллегией иностранных дел. Данным шагом, заявили они, можно «озлобить ойратов» и привести их тем самым «к давним их претензиям на ... крайние сибирские земли...» [5, с. 124].

Однако предосторожность, проявленная российским правительством к алманским акциям джунгаров, была воспринята последними как его «слабость», что подвигло их не только увеличить армию сборщиков алмана, но и расширить «перечень сибирских инородцев, с коих контайша обязан брать оный». Чтобы пресечь наезды алманщиков к аборигенам Южной Сибири, осенью 1748 г. из Ямышевской крепости был отправлен в Джунгарию прапорщик Подзоров. При вручении Цэван-Доржи письма сибирского губернатора, ему следовало «предъявить контайше два главных требования российской стороны: 1. Прекратить нападения на российские пограничные селения и 2. Выдать России мастеровых и приписных крестьян, бежавших к джунгарам с Колывано-Воскресенских заводов и рудников [6, с. 62-65]. Однако ойратская сторона, как показали дальнейшие события, не была расположена вести переговоры с русскими. Это офицер почувствовал сразу же по прибытию в ханскую ставку: встретили там его откровенно не только враждебно, но и сразу дали категорические отказы на все требования, предъявленные Подзоровым. Особенно раздосадовало придворную знать то, что посол прибыл к ней без традиционных подарков. Разозленные этим обстоятельством, зайсаны даже вознаме-

рились оставить русского посла в заложниках. «Нам, — раздраженно заявил один из членов ойратского правительства, зайсан Олдзо русскому прапорщику, — вольно держать [тебя] год и... более [и мы этого] не боимся, а отпустить захотим — отпустим [хоть] завтра, то в воле нашей.., а листы [что ты привез] из Тобольска [они] от генерала, а не от... государыни» [6, с. 62-65]. Столь «холодный» прием русского посланника в Джунгарии был обусловлен, по мнению известного отечественного востоковеда В.А.Моисеева, активной деятельностью российского правительства на Алтае, связанной с переходом в 1747 г. всех меде — и сереброплавильных заводов, принадлежавших ранее А.Н.Демидову, в собственность «Кабинета Ея Императорского Величества» [5, с. 125].

А вторая половина 40-х гг. XVIII в., действительно, ознаменовалась активным строительством военно-оборонительных линий в Южной Сибири, в частности, на Алтае. Это, в первую очередь, было связано со «взятием Колывано-Воскресенских заводов» в собственность Коронного ведомства. В соответствии с этим актом, последовал специальный указ императрицы (1-2 мая 1747 г.). В соответствии с ним, «командующему на Сибирских военных линиях генерал-майору Г. Х. Киндерману, командиру Колывано-Воскресенских заводов бригадиру (офицерский чин в русской армии XVIII в., промежуточный между чинами полковника и генерал-майора — Н.М.) А. Беэру», предписывалось увеличить численность войск, охраняющих новую собственность царской фамилии, с 2,8 до 6, 2 тыс. человек [7, л. 247-248]. Несмотря «на многие трудности» — нехватка финансовых средств и недостаток людских ресурсов в Южной Сибири, — высочайший приказ был выполнен: к 1749 г. численность «нерегулярных и регулярных войск, обретающихся на Иртышской и Колывано-Кузнецкой военных линиях, была доведена до 8,2 тыс. человек [8, л. 58].

Возросшая безопасность в пограничном районе, позволила русским активизировать поиски новых месторождений природных ископаемых в Рудном и Горном Алтае, а также производить топографическое изучение приграничных с Джунгарией районов. Однако этот «пристальный обзор» данных территорий «северным соседом», пришлось не по душе ойратскому правительству, которое раз за разом стало выражать свое «неудовольствие» деятельностью русских в верховьях Оби и Енисея [8, л. 58]. Так, в послании джунгарского владельца сибирскому губернатору, которое доставил А. М. Сухареву уже упоминавшийся выше прапорщик Подзоров, особо подчеркивалось, чтобы «господин губернатор» довел до сведения «ее величества наш протест» относительно продвижения России на юг, а также он «настаивал» на ликвидации вновь построенных на Алтае рудников и заводов, в особенности Шульбинского, якобы построенных на «его землях» [8, д. 1, л. 31].

Подобные претензии уже многократно высказывались ойратскими правителями, а потому российское правительство могло бы в очередной раз «не заметить неудовольствия» Цэван-Доржи. Но в ситуации, в какой поступило его послание не обратиться на него внимания было нельзя. Дело в том, что

Петербургу стало известно о намерении джунгарского правителя породниться с ханом Младшего жуза Абулхаиром, а после гибели последнего в 1748 г. — с его приемником — Нуралы [9, с. 195-197]. Реализация этого «плана» — женитьба Цэван-Доржи на «Абулхаировой дочери» — создавала серьезную угрозу безопасности Сибирской и Оренбургской губерний. На это Коллегия иностранных дел со всей определенностью указала И. И. Неплюеву. В силу возникновения такой опасности, она рекомендовала Оренбургскому губернатору принять самые «энергичные меры» для — сначала — нарушения «дружеской переписки» между желающими «породниться», а потом и к «развалу сватовства» [5, с. 126]. Для осуществления данного «проекта», И. И. Неплюеву предписывалось, «не мешкая», направить в ставку Нуралы «своего человека», который бы убедил его в «пагубности» заключения «родственного союза с заклятыми врагами» казахов, а также содействовать всем желаниям их хана, не жалея для этого денег на подкуп «нужных людей» [10, с. 786].

А тем временем внутривластная ситуация в Джунгарии обострилась до предела. Разгул насилия, порожденного в стране Цэван-Доржи и его людьми, дворцовые интриги переполнили чашу терпения ойратских владетельных князей и знати. И они «взбунтовались». Во главе заговорщиков встали родная сестра Ажда-хана, отправленная братом в ссылку — Лам-Бояр со своим мужем — Саин-Белеком, — а также зайсаны Олдзо, Олдзаришко и Боголдай, которых поддерживали уйгурские беки [11, с. 26-29]. В начале они низложили (в мае 1750 г.) Цэван-Доржи и, ослепив его, отправили «узника» в «малую Бухарию», подвластную ойратам в «ссылку», где он и был убит впоследствии [8, д. 5, л. 39].

Избавившись от «насильника, негодяя и узурпатора», организаторы переворота, опираясь на активную поддержку ламаистского духовенства возвели на «ханово место» старшего сына Галдана-Цэрэна — Ламу-Доржи, принявшего, в связи с этим, — по традиции — новое имя: «Лама-Эрдэни-Батур-хунтайджи» [8, д. 16, л. 16-20].

Но, утвердив на волне борьбы со «злом» на троне человека, уже проявившего себя в боях с врагами родины и к управлению страной «смысл и остроту имевшего», именитая знать вскоре «опомнилась» и стала проявлять недовольство тем, что ею командует не «природный владетель, а сын (пусть и Галдана-Цэрэна) наложницы», даже несмотря на то, что новый хан «ко всему...зенгорскому народу весьма милостив» [8, д. 1, л. 8].

Как известно, правителем страны, согласно монгольской традиции, мог стать только тот «нойон (князь — Н.М.)», родители которого (и отец, и мать — Н.М.) принадлежали к правящему роду или племени, в нашем случае — к «чоросам». Мать же Ламы-Доржи, как уже упоминалось выше, была «наложницей» (по некоторым данным ханской служанкой — Н.М.). Осознавая это, новый хан, потакающий — на первых порах — родовой знати, пошел на удовлетворение ее «запросов», в частности он отменил смертную казнь за воровство и заметно «остудил» межплеменные распри. Но, видя, что его «доброжелательство» не берет в внимание «знатны-

ми родовичами» и ойратской элитой, «Лама-Эрдэни-Батур-хунтайджи» стал постепенно «закручивать гайки» [8, д. 1, л. 8]. Это обстоятельство, естественно, «возбудило недовольных» и подняло их на вооруженную борьбу со своим новым ханом.

Лидером этого противостояния стал чороский нойон Даваца — прямой потомок Батура-хунтайджи. Он был внуком известного ойратского военачальника Цэрэн-Дондоба (Старшего), который приходился двоюродным братом джунгарского хана Цэван-Рабдана. Родовые кочевья нового претендента на ханский трон находились в Тарбагатае. В его подчинении находилось восемь тысяч ойратских семей, души не чаявших в своем молодом (в 1750 г. ему исполнилось 28 лет — Н.М.) «владельце», власть и влияние которого превосходили, по признанию многих знатных ойраитов, «нонешнего хана» [12, с. 506].

Возвышение «сына наложницы» сразу же ударило по самолюбию именитого чоросца и он тут же занял — по отношению к новому хану — враждебную позицию. Особую «нелюбовь» Даваца вызвало «погубление» Ламой-Доржой законных наследников ханского трона — «бывшего владельца Цебен — Намжи... и брата его семилетнего» [8, д. 1, л. 8]. Притязания Даваца на ханский трон и его «справедливый гнев на деяния сына наложницы» сразу же поддержал его сосед по Тарбагатаю — хойтский нойон Амурсана [13]. Последний, так же как и его именитый сосед, очень «не одобрял переведение Ламой-Доржи старых зайсангов» и окружение себя «молодыми зайсангами, коим воздал много чести», а также «изведение» детей известного ойратского военачальника Септеня. Но особенно «ожесточило сердца» тарбагатайских соседей убийство новым ханом своего младшего брата Миокуша, которого Даваца просил (он написал об этом письмо Ламе-Доржи — Н.М.) отпустить к нему в Тарбагатай. Однако Лама-Доржи не пошел навстречу просителю. Получив его письмо, он приказал 5 октября 1751 г. своим приближенным «взять Миокуша» и, выколов глаза, сослать его в Аксу, где он был тайно убит [8, д. 1, л. 43]. Узнав об этом, «подлом убийстве», а также выняв слухам о готовящемся расправе над князьями, имеющими «родовое право на занятие ханова места», Даваца и Амурсана (к последнему примкнул и его двоюродный брат Банчжур — Н.М.) срочно «откочевали в пределы Цинский империи» [8, д. 1, л. 43].

«Известившись о бегстве предателей», Лама-Доржи тут же бросил погоню за ними 6-тысячное войско, которое повели Саин-Белек и родной брат Амурсаны — Чавдар. Нагнав их, ойраты наголову разбили «беглецов». Однако Даваца и Амурсане удалось с небольшой группой приближенных бежать и скрыться в кочевьях казахов Среднего жуза,

в частности, у старшины Каип-батыра, которого они «настойчиво просили» помочь им уйти к волжским калмыкам [5, с. 134].

Упустив беглецов, «победители» приступили к дележу скота, имущества и «улусников» Даваца и Амурсаны. Большая часть их «кошта» досталась, естественно, победителям: Чавдару (брату Амурсаны) и Еманкулы (брату Даваца). «Облагодетельствованные» джунгарским правителем, они незадолго исполнили и его «высокое поручение»: подвергли мученической казни участников мятежа. Одни из них были закопаны палачами по шею в землю, другим были «наложены на руки и шею высокие колоды», третьим — зашиты кожами голова, глаза и рот. А те, кто избежал смерти, был сослан «в Аксу-город и... прочие места» [8, д. 1, л. 49].

А что же Даваца и Амурсана, как повели они себя в создавшейся ситуации? Воспользовавшись благожелательным (на первых порах) отношением к себе казахов, а также учитывая бегство многих своих соплеменников из Джунгарии в «киргизы» — к Даваца и Амурсане — побудили последних отказаться от ухода к собратьям на Волгу и начать вооруженную борьбу за ханский трон, делая в ней незначительный акцент на поддержку казахов. Но, как покажет в скором времени жизнь, расчет двух «знатных ойратов» на султана Аблая и других казахских предводителей не оправдывается, да и ойратский «тандем» тоже (буквально через год) не только распадется, но и более того, бывшие «союзники» начнут воевать друг против друга. Пока же эти печальные — для того и другого ойрата — последствия не были ведомы им и они деятельно готовились к борьбе с Ламой-Доржи за джунгарский трон.

Готовились к ней и казахи, но совершенно с другими, чем у Даваца и Амурсаны целями. Прикрывшись «помощью зенгорским зайсангам» в их борьбе с «узурпатором ханского трона», они, «соединившись с оными зайсангами», воевали с «оными», не упуская при этом любой возможности, чтобы пограбить ойратов и «обессилить тем самым своих древних врагов» [8, д. 5, л. 2]. Поддержка казахами «беглецов» озлобила джунгарского хана и он направил против них свои войска. В отражении их наступления активное участие приняли как казахские ополчения, так и боевые дружины Даваца, Амурсаны и Банчжура. Так из внутриойратской междоусобицы стал разгораться пожар глобального центрально-азиатского конфликта, втянувшего в него многие народы этого региона и опалившего их своим огнем. Для многих из них он завершится весьма печально. В частности, для ойратов этот конфликт закончится трагедией: в ходе его они утратят свою государственность и будут практически стерты с лица земли. Но освещение этой проблемы выходит за рамки настоящей статьи.

Библиографический список

1. Моисеев В. А. Русские архивные материалы о положении Джунгарского ханства в 1745—1749 гг. // XV научная конференция «Общество и государство в Китае». Тезисы докладов. Ч.2. — М., 1984.
2. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 248. Оп. 1. Д. 16.
3. Златкин И. Я. История Джунгарского ханства. — М., 1983.
4. Государственный архив Омской области (ГАОО). Ф. 1. Оп. 1. Д. 7.
5. Моисеев В. А. Россия и Джунгария в XVIII веке. — Барнаул, 1998.
6. Гуляев С. Заметки об Иртыше и странах им орошаемых // Вестник ИРГО за 1851 г. — СПб., 1851. Ч. 3. Отд. 4. Приложение.
7. ГАОО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 3.

8. Архив внешней политики Российской империи (АВПР). Ф. 113. Оп. 1. Д. 2.
9. Моисеев В. А. Джунгарское ханство и казахи в XVII-XVIII вв. — Алма-Ата, 1991.
10. Витевский В. Н. И. И. Неплюев и Оренбургский край. Т. 3. — Казань, 1897.
11. Моисеев В. А. Взаимоотношения ойратов Джунгарии и уйгуров Восточного Туркестана. XV-XVIII вв. // Восточноведные исследования на Алтае. — Барнаул, 1994.
12. Струве К., Потанин Г. Поездка по Восточному Тарбагатау летом 1864 года Карла Струве и Григория Потанина // ЗИРГО. 1867. Кн. 1.
13. Подробнее о нем. См.: Кузнецов В. С. Амурсана. — Новосибирск, 1980. — 176 с.

Горно-Алтайский государственный университет.
Получено 17.07.08

N. S. Modorov

From of history the interrelations of djungars with neighbours in 1745-1751 years
In article, the paper written on the basis of analized publications and archive materials examine the interrelations with neighbours in 1745—1751 years.

Mondolia, mangurian conguerors, China, emperor, Kazakhs, prince, khan, embassy, tribute, gift, take out citizenship, rebellion, revolution, murder, yasak

УДК 902

И. А. Новиков

РОЛЬ ЛУГАНСКОГО ЛИТЕЙНОГО ЗАВОДА В ЗАРОЖДЕНИИ ГОРНОЗАВОДСКОЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ЮГА РОССИИ НА РУБЕЖЕ XVIII—XIX вв.

В статье проанализированы причины строительства Луганского литейного завода, его роль в создании крупной горнозаводской промышленности на Юге России и деятельность руководителей завода в формировании разветвленной системы местного управления.

Россия, Украина, Османская империя, адмиралтейство, генерал-губернатор, портовый город, горнозаводская промышленность, литейный завод

Рост могущества Российской империи в XVIII веке привел к постоянно увеличивающейся потребности в металле, в том числе и для нужд армии. На необъятных просторах России возникали металлургические заводы, не только расположенные у залежей месторождений железных, медных и серебряноцинковых руд, но также и приближенные к месту сбыта, так как удаленность от них повышала себестоимость металла, а также затрудняла его своевременную доставку. Поэтому, когда к концу XVIII века, в результате успешных военных действий против Османской империи, Россия существенно сумела расширить свои границы на юге империи, присоединив территории вдоль побережья Черного и Азовского морей. Однако вновь присоединенные территории необходимо было защищать и осваивать. В малонаселенном крае строились новые крепости и портовые города, а на верфях строились корабли, которые нуждались в огромном количестве корабельных и крепостных артиллерийских орудий, в различного вида снарядах. Производить их необходимо было на месте.

Для реализации этих планов строится оружейный завод в Кременчуге и литейный двор в Херсоне. Однако они представляли собой небольшие предприятия, которые не могли удовлетворять возрастающие потребности Черноморского флота и крепостей. В тоже время, благодаря настойчивости Новороссийского генерал-губернатора Г. А. Потемкина, а затем сменившего его П. А. Зубова, организуются поисковые экспедиции. В степном крае были разведаны месторождения каменного угля, продолжался поиск других полезных ископаемых [1, л. 220].

После настоятельных просьб командира Черноморского адмиралтейства Н. С. Мордвинова, Новороссийского генерал-губернатора П. А. Зубова за промышленное освоение Донецкого уезда и строительство крупного завода взялся (Чарльз) Карл Карлович Гаскойн. Выходец из Шотландии, волею судьбы оказавшегося в 1786 г. в России и ставшего во главе Александровского пушечного завода в Карелии, а затем и директором Олонецких, Кронштадтского и Санкт-Петербургского заводов.

История строительства Луганского литейного завода и его деятельность в конце XVIII—XIX вв., вплоть до закрытия в 1887 г., за редким исключением, не нашла должного освещения в исторической литературе [2]. Связано это с целым рядом причин. Во-первых, его отец-основатель — К. К. Гаскойн, шотландец, а деятельность иностранцев начала замалчиваться еще в XIX веке. Во-вторых, Горными начальниками завода большей частью также были иностранцы: В. И. Бекман, Ф. П. Мевиус, Я. Х. Нилус, И. Ф. Фелькнер и др., что также не вписывалось в концепцию, что каждое инженерное достижение должно быть связано с русским автором. В-третьих, исследователи, если и обращались к истории завода, то большей частью уделяли внимание классово-борьбе, рабочему движению, тем более, что с Луганском связано немало страниц биографии К. Е. Ворошилова. В-четвертых, недостаточная архивная база исследования, т.к. архив Луганского литейного завода очень сильно пострадал в годы гражданской войны и немецких оккупаций: он расходовался на подтопку печей детских

домов и на базаре для обвертывания селедок [3, л. 1]. Поэтому его фонд в Государственном архиве Луганской области составляет всего 300 единиц хранения [3, л. 1]. В-пятых, сейчас это территория независимой Украины и вышедшие работы или написаны на украинском языке, или недоступны широкому кругу исследователей.

По сравнению с другими архивохранилищами, где содержатся материалы по истории горнозаводской промышленности (Екатеринбург, Петрозаводск, Челябинск, Чита) — это капля в море. Кроме того, в вышеперечисленных городах архивные материалы подразделяются по роду деятельности: горное управление, главная контора, канцелярия Главного начальника, канцелярия горного начальства, горная экспедиция и другие. Поэтому большая часть интересующего нас архивного материала по истории Луганского завода содержится в фондах: Берг-коллегии Российского государственного архива древних актов и Олонецкого горного правления Национального архива Республики Карелия. Все вышеперечисленное и обусловило обращение к одной из малоисследованных страниц истории Луганского литейного завода: к первоначальному этапу его строительства и функционирования, роли в этом деле К. К. Гаскойна, а также формированию структуры управления заводом.

На рубеже 80—90-е гг. XX в. произошло переосмысление и переоценка значения различных форм собственности, их взаимодействия, а также способов и методов управления ими, что усилило внимание исследователей к изучению теории и методов управления, как современной России и Украины, так и их исторического прошлого в пределах Российской империи. Исследователи обратились к различным аспектам истории государственного управления, в том числе и горнозаводских регионов [4]. Однако история создания и функционирования органов управления Луганского литейного завода в конце XVIII—начале XIX вв., не нашла должного освещения, в исторической литературе.

А это особенно актуально, т.к. черная и цветная металлургия всегда была основой промышленного комплекса России и Украины. В дореволюционный период истории уральский и южнорусский (украинский) экономические районы были ведущими горно-металлургическими районами Российской империи. В настоящий момент они продолжают занимать лидирующие позиции в мировом производстве металла. На территории современной России и Украины не найти аналогичных примеров столь мощного и во многом определяющего влияния этой отрасли на всё социально-экономическое развитие и территориальную организацию хозяйства.

Одновременно с образованием в 1717 г. Берг-коллегии стали создаваться и региональные органы горнозаводского управления. Они создавались в зависимости от распространения горнозаводской (металлургической) промышленности на огромном пространстве Российской империи. На Урале и в Сибири в XVIII—начале XIX — это были сначала бергамты, а затем горные начальства. В отличие от высшего органа управления — Берг-коллегии, горные начальства необходимо отнести к учреждениям среднего звена, которые обладали свойствами распо-

рядителей, координаторов, если не имели в подчинении нижних управленческих звеньев или координировали деятельность всей регионально-отраслевой системы. Территория, находившаяся в их подчинении, ограничивалась рамками заводов, слобод, приписанных к заводам, отводных лесов и рудников.

Горные начальства осуществляли сбор по оброчным статьям, рекрутские наборы и сборы лошадей для драгунских команд. К ним поступал также десятичный сбор и чрезвычайные подати с заводов. Именно они осуществляли контроль и за деятельностью частных заводов. Горные начальства также имели право освидетельствовать причины остановки домен и вододействующего оборудования на заводах. Они рассматривали земельные споры из-за месторождений и рудников, возникавших между казной и заводладельцами [5, л. 220-221]. Данная региональная структура просуществовала с небольшими изменениями до 1781 г. и с 1797 по 1802 гг. на Урале и до 1828 г. в Западной Сибири (на Кольвано-Воскресенских (Алтайских) заводах).

Весной 1794 г. К. К. Гаскойн, «вооруженный» отчетами поисковых партий, получил от П. А. Зубова предписание отправиться в трехмесячную командировку «для осмотра приисканных в Екатеринославской губернии... железной руды и каменного угля» [6, л. 18-19]. За короткое время он объехал известные месторождения каменного угля и железной руды, обследовал предполагаемое место строительства завода и выбрал оптимальное, по его мнению, место для него. На основании полученных результатов, К. К. Гаскойн в 1794 г. подготовил проект завода, который он решил строить у местечка Каменный брод, на правом берегу реки Лугань. С помощью системы каналов и плотин воду можно было подать на водяные колеса, по Северному Донцу доставлять каменный уголь из Лисичьего буерака, а, кроме того, рядом проходила дорога на Таганрог. 14 ноября 1795 г. Екатерина II подписала указ «Об устройении литейного завода в Донецком уезде при реке Лугани и об учреждении ломки найденного в той стране каменного угля» и определила сумму на его сооружение — 650 тыс. рублей за счет казны [7, л. 264]. Строительство и управление Луганского завода поручалось К. К. Гаскойну, на основании заключенного с ним контракта об управлении Олонецкими заводами [6, л. 18-19]. На Александровском заводе в Петрозаводске началось изготовление необходимой техники, а весной 1796 г. на место постройки выехали К. К. Гаскойн и его первый управитель — А. Пикарон, управлявший до этого Кронштадтским заводом, шотландские мастера и рабочие с Олонецких заводов. В 1796 г. началось строительство завода: были построены дома для директора, мастеровых, склады, шахта в Лисичьем буераке (первая угольная шахта в России).

Еще в период строительства начали создаваться органы управления будущего завода. В 1795 г. был учрежден его штат, а при Екатеринославской казенной палате создана Горная экспедиция для управления литейным заводом [5, л. 264]. Однако Горные экспедиции при казенных палатах не смогли (из-за невыполнения горных и заводских работ, по независимости их от заводской команды, воспоследовали немалые упущения и затруднения») справиться с возложенными на них функциями [8, л. 35].

Поэтому уже при Павле I, в 1797 г., (после восстановления Берг-коллегии) горные начальства были вновь восстановлены. Однако не везде. Так, на вновь строящемся Луганском заводе, таковым стало правление. Кроме того, после смерти Екатерины II Новороссийский генерал-губернатор П. А. Зубов был отправлен в отставку, а завод переименовали из Екатеринославского в Луганский. Куратором его строительства Павел I назначил президента воссозданной Берг-коллегии М. Ф. Соймонова. Именно через него К. К. Гаскойн решал все текущие вопросы по своевременному финансированию и снабжению стройки материалами. Согласно расписанию Берг-коллегии о разделении трудов между ее членами, Луганский литейный завод находился под ответственностью коллежского советника коллегии Н. Акинина [9, л. 115 об.].

Открытие правления Луганского завода состоялось 5 августа 1798 г. Во главе его стал титулярный советник А. Пикарон, управлявший до этого Кронштадтским заводом. В состав правления вошло четыре человека: три члена — надворные советники Я. Х. Нилус и Д. Бидберг, губернский секретарь Ф. Безруков и управляющий заводами, рудниками и каменной ломкою, титулярный советник А. Пикарон, с оплатой в 1500 руб. в год [10, л. 15-15 об.]. После смерти 30 августа 1799 г. Ф. Безрукова, на его место заступил пристав Луганского завода, маркшейдер М. Чернявский, служивший при К. К. Гаскойне более 5 лет и имевший «все познания горных офицеров и к службе рачительность» [11, л. 54-55 об.].

В обязанности правления Луганского литейного завода входило, «все, что до соблюдения хорошего хозяйства касаться может, что полезно Императорскому Величеству, общему добру и порядку». Оно должно было следить: за своевременной выдачей жалованья чиновникам, английским и русским мастерам, воинской команде; чтобы все заводские строения содержались в прочности; вести заводскую корреспонденцию; предупреждать все недостатки в действии и построении завода и в первый день каждого месяца — свидетельствовать заводскую казну по приходным и расходным книгам, а также заботиться о больнице и наблюдать за выполнением работ приписными крестьянами» [11, л. 41-41 об.].

Таким образом, в сферу ответственности правления входил весь спектр заводского производства и горнозаводской жизни Луганского завода. Кроме утвержденной 21 июня 1798 г. инструкции, устанавливавшей обязанности правления завода, аналогичный нормативный акт был принят и для управляющего Луганским литейным заводом. В его обязанности входило председательствование в правлении, объезд рудников, надзор за угольной ломкой, за порядком при производстве работ, а также за своевременным выполнением определенных нарядов по выпуску орудий и снарядов [11, л. 42-42 об.].

С самого начала строительства завода очень остро встал кадровый вопрос. Основную часть рабочих составили мастеровые закрытых (из-за безлесья) Липецких заводов, с которых перевели 575 семей, в том числе 1725 мужчин и 1778 женщин [12, л. 22]. Незначительная часть рабочих прибыла с Олонекских заводов и закрытого Херсонского литейного двора [5, л. 265]. Набирая рабочих, К. К. Гаскойн предъяв-

лял к ним строгие правила: он требовал неукоснительного соблюдения дисциплины, особенно был нетерпим к пьянству рабочих. С этой целью он запретил продавать вино и всякие крепкие напитки при рудниках и заводах, а также воспретил увеличивать число кабаков при них [5, л. 267-267 об.]. Словом, наблюдение за здоровьем своих мастеровых К. К. Гаскойн «почел для себя первейшим долгом». Выступил он и против «излишнего праздничества». С этой целью, он предписал отдыхать лишь в воскресенье и еще четыре дня в году, а все остальные праздничные дни он предложил «уничтожить». В целях наведения порядка он ввел особые правила. Так, рабочие, ведущие трезвый образ жизни, всячески поощрялись, а нарушавшие его — лишались вознаграждений. Кроме того, удостаивались наград те семьи, которые «блюдали чистоту в избах, также употребляли полпива вместо вина» [3, л. 15-16]. Говоря о рабочих Луганского завода, следует отметить, что на нем использовались и польские военнопленные: в 1797 г. их было 70 чел. Спустя пять лет, большая их часть (54 чел.) отправилась (после многочисленных просьб и ходатайств) на родину [13, л. 2].

Наряду с русскими, руководили работами на заводе и английские мастера и техники.

Для их удержания на российской службе им (кроме высоких оплат) давались и офицерские, и обер-офицерские чины [14, л. 1]. Спустя пять лет, под «управлением» К. К. Гаскойна состояло 2044 английских чиновника, смотрителя и мастеровых, из которых 1066 чел. трудились на Луганском заводе [15, л. 11 об-12]. Для увеличения численности высококвалифицированных специалистов, Берг-коллегия командировала в 1799 г. на Луганский завод трех студентов Горного училища: И. Ильина, И. Соколова и В. Пиленко «для научения практическому заводопроизводству». Они были уравнены в правах с горными офицерами. Спустя год, в июле 1800 г., за успехи в работах эти студенты получили очередной чин — «шихтмейстера XIII класса» [3, л. 17].

Благодаря усилиям К.К.Гаскойна и руководимой им «команды», в 1798 г. Луганский завод вошел в число действующих. Однако окончательная его «доводка до совершенства» и «оснастка оного полным оборудованием» продолжалась до 1805 г. (т. е. она продолжалась почти 10 лет) и обошлась казне в 839176 руб. 22 коп. [3, л. 6]. После пуска завод остался на особом положении (в подчинении К. К. Гаскойна, что подтверждается указом Павлом от 19 ноября 1800 г.) [8, л. 35].

Вступив в строй действующих, Луганский завод отливал пушки малых калибров, гранаты и ядра, снабжая ими Черноморский флот и крепости Азовского и Черноморского побережий. Помимо этого, он принимал заказы на отливку различных чугуновых изделий: решеток для печей винокуренных заводов, памятник, крестов для церквей и т. п. [16, л. 15-17]. Для данного производства им использовался привозной, уральский чугун, который доставлялся на завод по высокой весенней воде (т. е. один раз в году). Все же попытки организовать плавку необходимого металла у себя, на основе местных руд, успеха не имели. В октябре 1800 г. строительство завода, как уже упоминалось выше, было закончено: была задута доменная печь — первая на Украи-

не. На ней впервые в истории России и Украины чугуны выплавлялись с помощью каменноугольного кокса, правда, низкого качества. В дальнейшем попытки выплавки чугуна на коксе продолжались, но — неудачно. В силу этого, правительство приняло решение закрыть Луганский (или Александровский) завод. И хотя он не был закрыт, все происшедшее — очень сильно подорвало здоровье К. К. Гаскойна и 20 июля 1806 г., «по утру, в 9-ом часу, после десятидневной болезни, он скончался» [17, л. 32]. За 20 лет службы в России К. К. Гаскойн достиг немалых вершин на административном поприще: он стал действительным статским советником и кавалером Орденов Святого Владимира (III и IV степеней), Святой Анны (II степени); крупным помещиком (ему принадлежало более 2300 крестьян в Новгородской и Подольской губерниях) [18, л. 41 об-42].

После смерти К. К. Гаскойна, новым начальником завода стал Я. Х. Нилус, возглавлявший его до 1822 г. [3, л. 4]. Однако руководил он им уже в других условиях, так как в соответствии с реформой горнозаводского управления и принятием «Проекта горного положения 1806 г.», в горно-металлургическом производстве Российской империи произошла реорганизация его центрального и регионального управления.

Таким образом, структура управления Луганского литейного завода в конце XVIII—начале XIX вв. сочетала в себе территориальное и экономическое управление, с четко выраженной хозяйственной ориентацией, что позволяет определить его структуру и ее элементы как на центральные (Берг-коллегия), так и на региональные (правление завода), как управленческие структуры мезо- и микроуровня, каждый из которых характеризовался наличием многофункциональных распорядителей, которые были независимыми от других административных структур, принцип построения и механизм действия

которых был основан на двухуровневом делении: Берг-коллегия — правление завода. Каждый из них характеризовался также и наличием многофункциональных распорядителей, имевших право самостоятельного контакта с иерархически равными ниже — и вышестоящими не горнозаводскими органами.

Говоря о горнозаводском управлении (центральном и региональном) следует подчеркнуть, что России и Украине очень повезло в этом плане, ибо на рубеже XVIII-XIX вв. на службе в Российской империи находился высококвалифицированный специалист и администратор — К. К. Гаскойн, практическая деятельность которого во многом содействовала тому, что Россия в течение первых десятилетий XIX века смогла оставаться на уровне передовых стран Европы, ибо шотландец сочетал в себе разносторонние технические знания и редкий организаторский талант. Создание крупной металлургической и машиностроительной промышленности, строительство первых российских паровых машин, преобразования в области мер и весов, организация монетного дела с помощью паровых двигателей — вот только часть заслуг К. К. Гаскойна. Благодаря его усилиям, в России появилась плеяда воспитанных им учеников, как шотландцев, так русских, практическая деятельность которых определила в дальнейшем успешное развитие Олонецких и Луганского заводов, особенно в первой половине XIX века. Карл Карлович Гаскойн, несомненно, являлся одной из наиболее значительных фигур среди горнозаводских руководителей второй половины XVIII—первой половины XIX вв. Благодаря его знаниям, практическому опыту и организаторскому таланту, была заложена база для развития металлургической, горнодобывающей и машиностроительной промышленности Украины, которая во второй половине XIX века вышла на передовые позиции в Российской империи и оставалась таковой до крушения Советского Союза.

Библиографический список

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 271. Оп. 1/3. Д. 2199.
2. Фесенко В. О. 130 років Луганського ливарного заводу. — Луганськ, 1930; Подов В. И., Курило В. С. Первенец металлургии Украины. — Луганск, 1998; История Луганского края. — Луганск, 2003.
3. Государственный архив Луганской области (ГАЛО). Ф. П-2. Оп. 1. Д. 487.
4. Кричевцев М. В. Кабинетная система центрального управления горнозаводским хозяйством Урала и Сибири во второй половине XVIII в. Автореф. ... дис. кин. Екатеринбург, 1995; Тороп В. В. Система управления частными горнозаводскими хозяйствами Среднего Урала в первой половине XIX в. Автореф. ... дис. кин. Екатеринбург, 1999; Тулисов Е. С. Управление горнозаводской промышленностью Урала на рубеже XVIII и XIX веков: Структура и функции. Автореф. ... дис. кин. Екатеринбург, 1999; Соболева Т. Н., Разгон В. Н. Очерки истории кабинетского хозяйства на Алтае: (вторая половина XVIII — первая половина XIX вв.): управление и обслуживание. Барнаул, 1997 и др.
5. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/3. Д. 2203.
6. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
7. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 2988.
8. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 2973.
9. РГАДА. Д. 3081.
10. Отдел письменных источников Государственного исторического музея России (ОПИ ГИМ). Ф. 395. Оп. 1. Д. 18.
11. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 1.
1. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/3. Д. 2224.
2. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 2.
3. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 97. Л. 2.
4. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 144.
5. РГАДА. Ф. 271. Оп. 1/6. Д. 2988.
6. ГАЛО. Ф. 1. Оп. 1. Д. 69.
7. Национальный архив Республики Карелия (НА РК). Ф. 37. Оп. 5. Д. 50/261. Л. 32.

Челябинский государственный педагогический университет.
Получено 17.07.08

I. A. Novikov

THE ROLE OF THE LUGANSK FOUNDRY IN CREATION LARGE METALLURGICAL THE INDUSTRIES IN THE SOUTH OF RUSSIA ON THE BOUNDARY XVIII—XIX CENTURIES

In clause the reasons of construction of the Lugansk foundry, its role in creation large metallurgical the industries in the south of Russia and activity of heads of a factory in formation of the branched out system of local management are analysed.

Russia, Ukraine, Osman empire, Admiralty, general-governor, seaport, mining and metallurgical industry, foundry

УДК 902

Л. Нямсүрэн

БИОГРАФИЯ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ЖАЛХАНЗ ХУТУГТ ДАМДИНБАЗАРА

В статье, на основе анализа опубликованных и архивных источников, рассмотрена биография и общественно-политическая деятельность Жалханз хутугт Дамдинбазара.

Монголия, Китай, Россия, новейшая история, государство, монгольская культура и религия, биография, возрождение, независимость

История любого государства, будь оно значительным по территории или малым, многолика и неповторима. И Монголия в этом плане — не исключение. В ее истории есть немало событий и явлений, которые до настоящего времени не стали еще предметом пристального изучения. Особенно это касается вопросов изучения, конкретизации биографий, деятельности и идейно-политических взглядов монгольских общественно-политических деятелей начала XX века. Сегодня общепризнанным фактом стало то, что биография и деятельность многих государственных и религиозных деятелей, исторических личностей, выполнявших в свое время определенную функцию, непосредственно участвовавших в «творении» истории Монголии того или иного периода, часто неверно истолковывались и оценивались. И как результат этого, допускались искажения, отрицалась их позитивная роль или же, наоборот, имели место случаи чрезмерного приукрашивания, попытки замалчивания затруднительных моментов в биографии, деятельности того или иного «государственного человека».

Все это, в конечном счете, вело к возникновению «белых пятен» в недавней истории нашей страны. Поэтому вопросы объективного пересмотра и оценки общественно-политической деятельности этих исторических лиц, доскональное исследование их жизни и деятельности и новое осмысление их роли становятся одним из актуальнейших вопросов исследования новейшей истории нашей страны. Новый подход, который стал утверждаться в последние годы в исторических исследованиях Монголии позволяет уточнить многие вопросы, выявить их причинно-следственную связь.

Именно с этих позиций нам и хотелось бы провести речь об одном бесспорно, выдающемся государственным и религиозным деятеле Монголии начала XX века — Самади наставнике, Номун хане, Түгээмэл Сайдай, гүжир хамба Жалханз хутугт Дамдинбазаре. Его биография, общественно-политическая деятельность до настоящего времени остается неисследованной, до сих пор остается нерешенным и вопрос комплексной оценки его роли в истории начального этапа становления нашего государства. Имеющиеся же на этот счет отдельные статьи (совсем незначительное число — Л. Н.) касаются лишь отдельных моментов жизни и общественно-политической деятельности этого человека и носят, к сожалению, весьма тенденциозный характер. Словом, об этом человеке пока не сказано правдивого слова, а он же заслуживает этого.

Исходя из сказанного, вытекает вполне конкретная задача и необходимость досконального изучения биографии и жизнедеятельности Жалханз хутугт Дамдинбазара на уровне самостоятельной темы исследования, что и предпринято автором настоящей статьи. В ней, на основе имеющихся в нашем распоряжении источников, предпринята попытка рассмотреть вопрос о «прежних перерождениях» Жалханз хутугтов, уточнить биографию Жалханз хутугта Дамдинбазара и его государственную и религиозную деятельность в 1890—1914 годах.

Как явствуют имеющиеся источники, одним из многих «хутугт-хубилганов» («перерожденцев»), выявленных в Монголии, является «восьмикратно перерождавшийся Жалханз (jal-khang-ze) хутугта». В свитке о генеологическом происхождении Жалханз хутугт Дамдинбазара, а также из сведений «шастр Монгольского государства», к примеру, следует, что в Индии имели место 7 таких «проявлений», в Тибете — 6, т. е. было всего 13 «Жалханз хутугтов» [1, с. 1, 38].

Одним из них, оставившим свой значительный след в монгольской религии и культуре, был тибетский «Жалханз хутугт Балжуржамц». Именно благодаря тому, что он в начале XVII века провозгласил сына, родившегося от Бааханзул-супруги принца Сүмэр-внука түмэтского Алтан-хана последующем образом, Третий Далай ламой Содномжамца и присвоил ему титул «пророчащий все-Ёндонжамцбалсамбо» (что означает в переводе «море знаний, светоч хорошего»), который в истории буддизма известен как монгольский Далай-Лама Ёндонжамца [2, с. 38-39].

В Монголии, с начала XVII века и до появления Дамдинбазара, было, согласно источникам, всего 7 проявлений «Жалханз хутугтов», которые достойно исполнили свои религиозные функции. В этот перечень вошли:

1. Лувсанданзанжамц (1631-1654) — второй сын хотогойтского ноёна Омбо-Эрдэнэ;
2. Жалханз хутугт Лувсанданзанбалсан (1656-1740);
3. Ишгэлэг (1740-1746);
4. Галсандамба-яринпил (1746-1794) — сын ноёна Доржа, хошуна владетельного князя Доржцэцэна, Засагт хан аймака;
5. Лувсанбалжирлхүндэв (1796-1846) — сын ноёна Дамдинжава, хошуна владетельного князя Жигдцэвдэна, Засагт хан аймака;
6. Лувсанчүлтэмчойнбол (Чоймболжалцан) (1847-1854) — родившийся в семье Зоригт —

хана, хошуна хотогойтского князя Доржжава, Засагт хан аймака,

7. Лувсанжалцан (Чойжигалцан) (1856-1873) — сын князя Ниламбара, хошуна Ахай — бейса, Засагт хан аймака [3, с. 10, 13-14].

Если обратиться к процесс «проявления» этих «Жалханз хутугтов» в Монголии и к их религиозной деятельности, то можно выявить следующее: хотя первый «перерожденец Жалханз хутугта» был «проявлен» еще до рождения Ундур-гегена (первого Богдо-гегена — Л. Н.), тем не менее, он не смог стать главой «Халха» монгольской религии. Это объясняется тем, что к этому времени в Монголии уже были утрачены традиции учения Сажава и Гармава («красношапочников») и в стране установилось единоличное господство «желтошапочников», в силу этого, Пятый Далай-Лама, осознав всю нецелесообразность, перестал «проявлять Жалханз хутугтов» в Монголии [4, с. 130-132]. Однако для «обозначения имеющихся», указом от 1824 года было постановлено отливать трех буквенную печать «Жалханз хутугтов Халхаского Засагт хан аймака». Ее первым владельцем стал «Пятый преобразенец Жалханз хутугтов Лувсанбалжирлхүндэв» [5, с. 48]. Он, как и его предшественник «Четвертый преобразенец Жалханз хутугтов Галсандамбаринпил» (в 1767—1778 гг.), был назначен в 1820—1824 гг. настоятелем Ховдского Түгээмэл Амаржуулагч храма. Через их религиозную деятельность и влияние маньчжурский «амбань» (правитель — Л. Н.) в Ховде стремился укрепить свою власть и воспрепятствовать, таким образом, разгоравшейся борьбе многоязычных народностей Западной Монголии за свою свободу. Потому-то он старался любыми путями ограничить полномочия этих «Жалханз хутугтов» и установить тем самым над ними строгий политический контроль и держать их только в пределах «Ховдской окрайны».

В связи с этим, следует отметить, что с установлением маньчжурского господства в Монголии деятельность почти всех «преобразенцев Жалханз хутугтов» (I, IV, V, VI, VII, являвшихся выходцами из семей аристократов и ноёнов Засагт хан аймака) не смогли в полной мере проявить себя и внести тем самым «достойный вклад в историю нашей страны». Главными причинами этого стали, с одной стороны, влияние внешних и внутренних факторов, осложнивших религиозную, общественно-политическую и культурную деятельность «преобразенцев», а с другой, — жесткая политика, проводившаяся маньчжурами на территории Монголии и не позволявшая «Жалханз хутугтам» в полной мере проявить себя.

Но не распространяясь больше об этом, продолжим разговор о нашем герое — «Восьмом преобразенце Жалханз хутугт Дамдинбазаре». Он, как свидетельствуют источники, родился 13 мая 1874 года, в семье арата Цэдэнсоднома, хошуна хотгойдского князя Загдсамбара, Засагт хан аймака. Поскольку отец «Жалханз хутугт Дамдинбазара» был по своему происхождению простым аратом, то вопрос установления его предков в силу недостатка архивных источников, отсутствия родовой генеалогической записи, весьма затруднителен. Установле-

но лишь то, что мать Дамдинбазара происходила из «рода Онгуд» [6, с. 26].

Государственные и религиозные деятели, во главе с VIII Богдо Жибзундамбой, с самого начала провозглашения Дамдинбазара «Восьмым преобразенцем Жалханз хутугта» обратили особое внимание его образованию. В силу этого, повышение его «образовательного уровня» они взяли под «свое покровительство». Так, его лама — наставник и «шанзудва — лама» организовали летом 1890 года его поездку в Ургу (в столицу Монголии — Л. Н.), где и состоялась встреча Дамдинбазара с VIII Богдо Жибзундамбом. По-видимому, она преследовала, с одной стороны, ознакомление с подготовкой хутугта, его умственными способностями и талантом, его верой и воззрением, а с другой, — это была проверка как справляются ламы-наставники со своими функциями обучения хутугты. Эта проверка со стороны государственных и религиозных деятелей во главе с Богдо была успешно преодолена «Жалханз хутугтом». В этой своей поездке (на пути в Ургу) «Жалханз хутугт Дамдинбазар» совершил множество богослужений, справлял религиозные обряды, проповедовал своё учение, встречался с государственными и религиозными деятелями, обменивался мнениями с ними, знакомился с нуждами и чаяниями и с обыденной жизнью верующих. Все это предоставило ему возможность правильно оценить состояние общественно-политической жизни страны того времени.

В 1892 году «Жалханз хутугт Дамдинбазар» с целью специализации в буддистской религиозной философии поступил в «Цанидский дацан Гунгаачойлон» в Урге. В это время Богдо Жибзундамба, вызвав Дамдинбазара на важную конфиденциальную встречу, «даровал» ему титул «Хамба — номун — хан» и назначил его «гужир-ламой», ведающим государственными и религиозными делами при его дворе. В своей работе на этой должности Дамдинбазар подходил к любым вопросам со своих собственных, взвешенных позиций, тщательно и внимательно наблюдал за развитием событий, старался ввести религиозные и государственные дела в правильное русло. [6, с. 32-33].

Жалханз хутугт Дамдинбазар, придерживаясь идеи равноправия в жизни общества, справедливо и равно отношение как к высшим, так и низшим слоям общества, проводил, безусловно, прогрессивную политику, он критиковал несправедливость, допускаемую государственными и религиозными должностными лицами, что явно не соответствовало интересам некоторых представителей высших слоев, в силу чего, ему приходилось сталкиваться с различными видами «сопротивления» с их стороны [7, с. 57-58, 62].

В октябре 1892 года, в период проживания в Урге, Дамдинбазар написал проповедь-учение, где обращаясь к своим «шаби», он призывал их не поддаваться «ошибочным веяниям времени». Основное содержание этой проповеди было направлено не только на поддержку гуманной и справедливой политики государства, но и призывало, в целом, верующих сохранять верность идеям и традициям буддистской религии [8, с. 4]. Словом, анализируя ее, а также пребывание Дамдинбазара в Урге в це-

лом, можно констатировать, что «Жалханз хутугт» сумел за это время завоевать доверие Богдо — гегена, войти в гущу государственной и религиозной жизни, что, с одной стороны, помогло совершенствованию его знаний и навыков как государственного чиновника, а с другой, — дало возможность в той или иной мере осуществить свои собственные замыслы. Его знания и ум настолько расширились, что он уже мог вести общественную, политическую и религиозную деятельность не только в пределах своего «шаби», но и в масштабе всей страны.

В конце XIX—начале XX вв. группа лиц, возглавляемая VIII Богдо Жибзундамбой, впервые приступила к составлению плана восстановления независимости Монголии. В его разработке принял участие и «Жалханз хутугт Дамдинбазар». По желанию Богдо Жибзундамба, в 1900 году «Жалханз хутугт Дамдинбазар» принял участие в работе сейма Засагт хан аймака, где ознакомившись с положением дел на месте — в Улясутае, он, посоветовавшись с Богдо-гегеном, написал от своего имени письмо маньчжурскому хану, в котором указал, что «если вперёд будет продолжаться маньчжурская политика жестокого гнета, то монголам не остается другого пути, как встать на борьбу с оружием в руках» [9, с. 18-19]. Это свидетельствовало о том, что у молодого хутугта уже сформировались собственные взгляды по вопросу завоевания его родиной независимости. В 1902 году (за короткий срок — Л. Н.) он несколько раз посетил Ургу. Во время исполнения функций «г?жир-хамба» при Богдо Жибзундамбе он неоднократно встречался с ноёнами и представителями аристократии, общивался с ними мнениями о судьбе родины, что свидетельствовало об его беспокойстве за дальнейшую судьбу своей родины.

Учитывая авторитет и влияние «Жалханз хутугт Дамдинбазара» в стране, маньчжурский хан и амбань Улясутая выискивали разного рода недостатки в его деятельности, внесли его имя в список неблагонадежных лиц для того, чтобы отдалить его от собственных «шаби». С этой целью они рекомендовали Богдо — гегену (в 1902 и 1907 гг. — Л. Н.) назначить его руководителем работ по воссозданию Желтого храма в Ховдо. Эта «рекомендация» маньчжурского правителя позволила ему еще лучше познать суть маньчжурской политики и ее вдохновителя. Так, как «Жалханз хутугт Дамдинбазар», потратив значительную сумму денежных средств, сумел при помощи местных верующих и «шабинаров» восстановить за очень короткий срок разрушенный Желтый храм, он был награжден в 1907 году (в соответствии с указом маньчжурского хана титулом «Түгээмэл сайдай») [9, с. 56-58]. В начале лета 1911 года «Жалханз хутугт» был срочно вызван в Ургу. Прибыв туда, он имел встречу с «Богдо Жибзундамба, чин ваном Ханддоржом» и др. На этом тайном совещании влиятельных и патристически настроенных лиц, решивших бороться за независимость родины, было решено написать от имени Богдо Жибзундамба и халхаских ханов официальное письмо российскому императору с просьбой о помощи. Для его передачи самодержцу России была создана делегация, в состав которой вошли Ханддорж, Цэрэнчимэд и участвовавший в работе этого совещания чиновник из Внутренней Монголии Хайсан.

Кроме того, на совещании было принято решение провозгласить Богдо-гегена ханом Монголии.

В начале зимы 1911 года, когда влиятельные ноёны и ламы во главе с «Жибзундамба хутугтом» провозгласили о ниспровержении в Монголии маньчжурской и китайской власти и о неподчинении им, маньчжурский амбань со своими чиновниками, оставив Улясутай, бежал из Внешней Монголии. 29 декабря 1911 года в центральном Желтом храме состоялась церемония провозглашения Богдо Жибзундамба хутугта — «возвеличенным ханом Монголии». В церемонии восшествия Жибзундамба на высокий престол деятельное участие принял «Жалханз хутугт Дамдинбазар». Поэтому Богд Жибзундамба, высоко оценивая его заслуги в «освобождении родины» наградил его титулом «Засаг х?ртэгч (власть имущий) Номун хан» и подарил богато инкрустированные «желтые вожжи и зеленую короту» [10, с. 7].

Хотя архивных документов, свидетельствующих о личном участии «Жалханз хутугт Дамдинбазара» в освобождении Монголии от ига маньчжурского государства Цин, сохранилось мало, но и по тем, которые есть в нашем распоряжении, можно вполне определенно говорить, что Дамдинбазар в качестве «г?жир-хамба», т. е. лица, ведавшего внешними и внутренними религиозными и государственными делами, сделал для этого немало. Широко обмениваясь мнениями с государственными и религиозными деятелями по этому вопросу, он, без преувеличения, владел на этот счет значительной информацией и как никто другой повлиял на принятие Богд Жибзундамбой столь смелого политического решения — как объявление независимости Монголии. Именно с этого момента и начинается деятельность нашего героя за свободу и независимость своей родины.

Новое правительство Урги стало, начиная с 1911 года, проводить политику, направленную на освобождение и взятие под свой контроль Ховдо, который являлся, в свое время, одним из важнейших центров маньчжурской администрации. Однако ее амбань и чиновники, находившиеся в Ховдо, не признали новое Монгольское государство, а потому и отказались признать полномочия министров, назначенных Богдо Жибзундамбой в Улиастоме и Ховдо, всячески сопротивлялись нововведениям, пытаясь, по-прежнему, угнетать монголов. Столкнувшись с этим, Богдо Жибзундамба хутугт направил зимой 1912 года «Жалханз хутугт Дамдинбазара», имевшего большой авторитет среди западных монголов, с заданием обустроить дела в Ховдоской окраине и, поручив ему при этом, изгнать из Ховдо маньчжурского амбаня и его чиновников и военных.

Говоря о столь ответственном поручении Дамдинбазара, конечно, нельзя ни в коей мере отрицать того, что Богдо-геген Жибзундамба, отправляя его управляющим делами Ховдоской окраины, не учитывал целого ряда факторов, сопутствовавших значению «Жалханз хутугты». Определяющим среди них было, конечно, то, что IV и V «перерожденцы «Жалханз хутугтов» да и сам Дамдинбазар неоднократно занимали в Ховдо пост наставников церкви, сплывали, благодаря этому, различные

народности Западной Монголии на религиозной основе и внесли тем самым свой личный вклад в дело обустройство мирной жизни на этом регионе, чем и завоевали высокий авторитет среди местного населения. Безусловно, было учтено главой государства при назначении Дамдинбазара и то, что он был выходцем с севера Ойратского аймака, т. е. по своему происхождению «Жалханз хутугт» являлся хотогой-человеком, а не халхасцем, что также служило одним из факторов, который способствовал «притягиванию» местных народностей к Внешней Монголии.

В конце июня 1912 года «Жалханз хутугт Дамдинбазар» вместе с Зоригт бэйс (административный титул) Наваанцэрэнгом создали в Улангоме объединенный сейм ноёнов. После его проведения, организаторам стали ясны точки зрения его участников на многие проблемы. В частности, стало ясно, что во взглядах части ханов, ноёнов и чиновников, прежде ориентировавшихся на китайцев и сомневавшихся в политике нового монгольского государства, произошли ныне глубокие изменения и теперь они выступают за независимость своей родины, а потому активно содействуют мобилизации и призыву населения в войска Ховдоской окраины, а также то, что многие хошуны стали присоединяться к вновь провозглашенному Монгольскому государству.

И здесь, опять-таки, не обошлось без авторитета «Жалханз хутугт Дамдинбазара». Благодаря его ценным советам, прямой помощи и личному содействию, оперативно претворялись в жизнь все решения местных сеймов и совещаний. Достаточно привести лишь один пример, чтобы подтвердить вышесказанное. К примеру, в период освобождения Ховдо, «Жалханз хутугт Дамдинбазар», исполняя функции военного ламы, помогал солдатам преодолеть боязнь, воодушевлял их, вселял в них веру в победу [11, с. 126-127]. 7 августа 1912 года Западная Монголия была освобождена от господства маньчжурского государства Цин, с плеч многонационального народа западной окраины Монгольского государства была скинута тяжелая ноша. Это произошло, благодаря тому, что в деле освобождения Ховдоской окраины самое деятельное участие приняли представители разных народов Монголии: халха, дюрбет, урианхай и др. Именно их единство и сплоченность в борьбе за правое дело оказало неизгладимое влияние на других монголов, помогло им, в конечном счете, свергнуть иноземный гнёт и возродить Монгольское государство. Все это не только способствовало возрождению патриотических чувств монголов, но и придало новый мощный толчок в развитии национально-освободительной революции монгольских народностей.

Говоря об освобождении Западной Монголии от маньчжурского владычества, следует отметить, что немаловажную роль в этом деле сыграли организационные таланты ноёнов и чиновников этой западной окраины страны, таких как «Жалханз хутугт Дамдинбазар, Зоригт бэйс Наваанцэрэн, князь Магсаржав, Дамдинсүрэн, Дамбийжанцан» и др. Их

деяния высоко оценил Богдо геген. Отмечая, к примеру, заслуги «Жалханз хутугт Дамдинбазара», он наградил его титулом «Самади багш» («Самади наставник»).

Освобождение Ховдо от маньчжуро-китайского господства, присоединение региона к возрожденному Монгольскому государству внесло значительные изменения в военную, политическую и экономическую политику двух соседних стран по отношению к этой окраине. Так, царская Россия, воспользовавшись падением в Монголии, китайского торгово-экономического влияния, приложила усилия, чтобы укрепить свое влияние в Ховдо [12, с. 26]. «Срединное государство», естественно, не могло смириться с утратой своих позиций и чтобы восстановить их значительно активизировала свою военную и дипломатическую деятельность. Учитывая это, правительство Монголии командировало в 1914 году в Ховдо Министра внутренних дел «чин с?жигт Да-ламу» (титул) Цэрэнчимэда, ставшего позднее заместителем военного министра, а также командующего Т?шээт хан аймака Сономдоржа. Однако эти посланцы, не оправдали надежд правительства. Поэтому Богдо-геген вновь направляет в 1914 году в Западную Монголию «Жалханз хутугт Дамдинбазара» (в качестве своего полномочного представителя) [3, с. 9]. Расположившись в Улясутае, он повел активную работу среди ноёнов и чиновников и населения дюрбетских, элетских, урянхайских, торгоутских и других хошунов, разъясняя сложившуюся обстановку в стране, ее отношения с соседними государствами, проводя, одновременно с этим, активную политику, направленную на противодействие аннекционистской политике России в отношении Тагна-урянхай (ныне это Республика Тува — Л. Н.).

Добившись независимости, Монголия в полной мере ощутила натиск империалистических держав на нее. Особенно сложным сложилось ее политическое положение, в частности, в Западной Монголии в 1912-1914 гг. Это был результат сильного давления со стороны двух соседних с Монголией государств — России и Китая. В этой ситуации, как это всегда бывает, начались внутренние противоречия: одни ноёны и чиновники выступили с пророссийскими настроениями, другие — с прокитайскими. Но значительная часть их, придерживаясь прогрессивных взглядов, выступала за дальнейшее возрождение независимого Монгольского государства. В этой сложной для страны ситуации вновь проявил себя «Жалханз хутугт Дамдинбазар». Не жалея сил и времени, он не переставал разъяснять, что «разброд и шатания» только ослабят силу и мощь любого государства, а тем более такого, как Монголия только что сбросившей ярмо маньчжурского господства. И, надо сказать, что активная общественно-политическая деятельность и личный авторитет Дамдинбазара во многом способствовали тому, что Монголия не только не утратила своей независимости, но смогла выйти на новый уровень своего национально-государственного развития.

Библиографический список

1. УТА. ФА 55, Д 1, ХН 8, УТА. ФА 55, Д 1, ХН 8, Зарлигаар тогтоосон монгол улсын шаштирын хураангуй. Крилл

бичигт буулгаж, хэвлэлд бэлтгэн, тайлбар хийсэн: А. Очир, З. Лонжид, Ц. Тербат. II боть, УБ., 1997.

2. Д. Дашбадрах. Монгол-Тувэдийн улс тур шашны харилцааны туух. / XVI-XVIII зууны эхэн / УБ., 1998.
3. УТА. ФА 55. Д 1. ХН 6.
4. Дармадала. Их Монголын оронд дээдийн ном ямар мэт дэлгэрсэн ёсыг тодорхой угуулэгч цагаан лянхуан эрхис хэмээх оршвой. УБ., 1995.
5. А. Очир, Ж. Гэрэлбадрах. Халхын Засагт хан аймгийн туух. УБ., 2003.
6. Л.Нямсүрэн. Жалханз хутагт Дамдинбазарын нийгэм-улс турийн үйл ажиллагаа. УБ., 2006.
7. Г.Очирбат. Жалханз хутагт Дамдинбазар 1911 оны Монголын Үндэсний хувьсгалын удирдагчдын нэг мүн.Манай Монгол сэтгүүл, № 04, УБ., 1999.
8. Жалханз хутагтын сургаал.УННС, ГБС.
9. Б.Лааган. Жалханз хутагт Дамдинбазар.УБ., 1994.
10. УТА. ФА 55, Д 1, ХН 8, ФА-234, Д 1, ХН 20.
11. Л. Хурэлбаатар. Жалханз хутагтын тувд намтрууд, туунд хийсэн зарим ажиглалт. Хоёр их хутагт. УБ., 1994 он.
12. На. Сухбаатар. Баруун хязгаарын нийгэм-улс турийн хугжлийн туухэн тойм [XX зууны эхэн уеэс 1930-аад он]. УБ., 2000.

Ховдский государственный университет (Монголия)
Получено 15.07.08

L. Nyamsuren

The biography and public-political the activity Galhanz hutugt of Damdinbazar
In article, the paper written on the basis of analized pablications and archive materials examine the biography and public — political the activity Galhanz hutugt of Damdinbazar.

Mongolia, China, Russia, newest history, state, mongolian culture and religion, biography, regeneration, independence

УДК 902

М. И. Паклин

СОВРЕМЕННАЯ РЕЛИГИОЗНАЯ СИТУАЦИЯ В ГОРНОМ АЛТАЕ: СОСТОЯНИЕ, ПРОБЛЕМЫ, ПУТИ ВОЗМОЖНОГО ЕЕ РАЗВИТИЯ

В статье, на основе социологических материалов, собранных автором изучена современная религиозная ситуации в Горном Алтае: состояние, проблемы, пути возможного ее развития.

Горный Алтай, религиозная ситуация, религиозные направления, православие, ислам, буддизм, бурханизм, нетрадиционные религии

Горный Алтай, как свидетельствуют источники, во все времена отличался веротерпимостью и многоконфессиональностью своего населения. С давних времён здесь, наряду с традиционным шаманизмом, мирно уживались ведущие мировые религии, такие как: христианство, ислам и буддизм. Представлены они в регионе и сегодня, равно, впрочем, как и целый ряд других, так называемых «нетрадиционных религий», пышный расцвет которых стал одним из признаков постсоветской России. Но сначала, всё-таки, скажем, хотя бы кратко, о сегодняшнем конфессиональном состоянии в нашей Республике и о наиболее значимых тенденциях в развитии традиционных религий в нашем регионе.

Ведущей конфессией в нем (по числу верующих, количеству общин и культовых сооружений), бесспорно, выступает Православие. Его зарождение на Алтае восходит к 30 гг. XIX в. и всецело связано с основанием архимандритом Макарием (Глухаревым, причисленным ныне за заслуги перед Русской Православной церковью к лику святых) в нашем крае в 1830 г. Алтайской Духовной миссии [1, с. 47]. На сегодняшний день (лето 2008 г. — М. П.) Православная конфессия имеет в Республике Алтай 27 приходов, в том числе: 22 основных, официально зарегистрированных в надлежащих государственных органах, и пять так называемых приписных, являющихся их филиалами. Все головные приходы РПЦ имеют церкви, в филиалах действуют молитвенные дома. Сложнее обстоит дело со священниками: на почти тридцать православных общин, функционирующих в Республике Алтай сегодня,

приходится лишь 15 священников. На десяти православных приходах действуют в настоящее время воскресные школы. При республиканской больнице открыта молитвенная комната для православных граждан, находящихся на излечении. Аналогичная комната действует и в Майминской исправительно-трудовой колонии [2].

Сразу в трёх республиканских периодических изданиях — «Звезда Алтая», «Вестник Горно-Алтайска» и «Листок» — регулярно выходят православные тематические страницы («Благовест», «Макариевский вестник» и «Прикосновение»).

Одним из наиболее значимых событий в истории Православной церкви Горного Алтая, имевших место за последние годы, несомненно стало освящение Макариевской церкви в г. Горно-Алтайске, которое состоялось 19 сентября 2006 года, а также проведение в июле 2007 г. «Крестного хода» по одному из маршрутов, проложенных основателем Алтайской Духовной Миссии, архимандритом Макарием Глухаревым.

Главной тенденцией развития Православия в Горном Алтае (как, впрочем, и всей Русской Православной Церкви (РПЦ) на современном этапе) является процесс его омоложения. Если в недалёком прошлом подавляющую массу верующих составляли люди старше шестидесяти лет, то сегодня большая часть православных прихожан — это люди среднего и молодого возраста. При этом, следует также отметить и значительные изменения в мотивации прихожан РПЦ: на смену своеобразной моде на посещение служб и храмов, которая суще-

ствовала в 90-е годы прошлого столетия, постепенно пришла (и это можно вполне реально утверждать) подлинная вера и сознательное отношение к церковной жизни, что, правда, не совсем еще закрепилось в сознании наших прихожан, что подтверждается определенным «отходом» некоторой части бывших прихожан от церкви [2].

Следующую за православием позицию, по праву, занимает ислам (мусульманство). Его приверженцами являются, главным образом, этнические казахи (занимающие по своей численности третье место среди населения Республики Алтай). Их предки (представители Сарыгалдаковых и Котонских родов — М. П.) появились в Горном Алтае, в частности, в Чуйской степи, как свидетельствуют историки, в последней четверти XIX века. Те и другие прибыли в Чуйскую степь, гонимые безземельем [с. 6].

Вместе с ними «прибыл» на территорию Горного Алтая (в частности, в современный Кош-Агачский район — М. П.) и ислам (мусульманство). На сегодняшний день, по свидетельству имама Амангелды Дюсенбиновича Кобдабаева, в Республике функционируют четыре официально зарегистрированных мусульманских общины: в г. Горно-Алтайске, а также в селах Тобелер, Ташанта и Жана-Аул. Кроме них, в Кош-Агаче, Акташе, Джазаторе, Турате и Чёрном Ануе функционируют мусульманские религиозные группы [4].

На территории республики действуют пять мечетей. В г. Горно-Алтайске построен и действует молитвенный дом («муссаля»). Все религиозные заведения обеспечены священнослужителями (имамами). При каждой из мечетей работает медресе (аналог православной воскресной школы — М. П.). Кроме того, в Горно-Алтайске создан и действует пансион для учащихся в республиканском центре мусульманской молодёжи [4].

Как и последователи православия, мусульмане Горного Алтая не имеют собственного печатного органа, но в Кош-Агачской районной газете «Чуйские зори» каждые две недели выходит приложение на казахском языке, в котором, в числе других материалов, регулярно печатаются материалы и религиозного характера.

Говоря о мусульманстве в Горном Алтае, следует отметить устойчивый рост интереса в молодёжной среде к исламу, а также повышение его популярности среди выходцев из других этнических сообществ, традиционно не исповедовавших ислам. Применительно к Горному Алтаю, это, в первую очередь, относится к русским и алтайцам. И эту «тягу», наверное, следует отнести к числу главных проблем, которые должны быть учтены властью-державцами.

Другой, не менее ярко выраженной проблемой, связанной, опять-таки, с исламом и характерной не только для Горного Алтая, но и для России в целом, является возникновение в религиозной практике мусульман целого ряда нововведений, вызывающих далеко не однозначные оценки у духовных лиц данной конфессии. И здесь речь идёт, прежде всего, о росте популярности движения, именуемого «зикршиков», устраивающие, кроме пятикратной ежедневной молитвы, еще и громкие коллективные «зикры» (поминания Аллаха), вводящие человека

в своеобразный транс, не всегда позволяющий молящемуся полностью себя контролировать.

Другим нововведением исламской религиозной практики, проявляющимся в нашей Республике, является движение «таблиг-джамагат» (движение общественных проповедников). Суть его состоит в стремлении максимально и добросовестно соблюдать всех требования ислама, другими словами, быть верующему «богобоязненным». По словам имама Кобдабаева, данное движение выступает чем-то вроде практической школы поведения истинного мусульманина. Наиболее сильны позиции «таблиговцев» в Кош-Агаче и Жана-Ауле [4].

Все действующие ныне на территории Республики Алтай мусульманские общины относятся к юрисдикции Духовного Управления мусульман Азиатской части России.

Наряду с вышеназванными, укрепляются в нашем регионе и позиции третьей мировой религии — буддизма. На сегодняшний день в Республике Алтай зарегистрированы три буддистские общины: в г. Горно-Алтайске, а также в селах Онгудай и Чемал. Все они относятся к буддийской церкви Гелукпа (северная традиция буддизма, господствующая в Тибете, Монголии, Бутане). Наряду с этим направлением, действуют в Республике Алтай и приверженцы так называемой дальневосточной традиции буддизма (японского). Однако на сегодняшний день, они находятся в стадии «структурирования», а потому сторонники данного направления буддизма и не имеют пока у нас ни одной официально зарегистрированной общины [5].

Согласно сообщению Хамбо-Ламы буддистов Республики Алтай М. В. Шагаева, его «подопечные» располагают в г. Горно-Алтайске молельным домом (курее «Ак-Бурхан»). Ещё один такой молельный дом строится в Кош-Агаче. Кроме того, в городе ещё в 2003 г. заложен фундамент большого буддийского дацана, однако его строительство очень затянулось из-за ограниченности финансовых возможностей местных буддистов [5].

Если говорить о кадрах, то на сегодняшний день в Горном Алтае постоянно проживают шесть буддийских священнослужителей (лам). Кроме того, семь будущих лам проходят в настоящее время подготовку в Бурятии и один — в Индии [5].

Главной особенностью развития буддизма в Горном Алтае, как, впрочем, и во всей России, является четко выраженный рост популярности данной религии у граждан Российской Федерации, при чем, независимо от их этнической принадлежности.

В организационном плане буддисты Горного Алтая входят в Буддийскую традиционную «сангху» (общину) России. В ближайшее время планируется учреждение в нашем регионе Духовного буддийского управления Республики Алтай, как региональной структуры общероссийской организации буддистов.

Достаточно быстрый рост популярности буддизма в Республике Алтай вызвал некоторое противостояние между буддистами и приверженцами одного из направлений (так называемая «каракольская группа») возрождаемой в регионе местной религиозной традиции «Ак Тянь» (Белая Вера). Наиболее ярким внешним проявлением этого стала попытка «каракольцев» разрушить летом 2007 г.

«Мандал» (песочную модель Вселенной) как раз во время пребывания группы тибетских лам в Республике Алтай.

Говоря о «Мандале», следует отметить, что ещё в 1996 и 1998 годах буддистами Горного Алтая были возведены два культовых сооружения («Ступы»). Первое было сооружено около села Кулада Онгудайского района, второе — у села Курунда, в Усть-Канском районе. К сожалению, весной 2002 г. «Ступа» у с. Кулада была разрушена неизвестными лицами. Проведённое по данному факту правоохранительными органами расследование не дало результатов. Однако проводя определённые аналогии с инцидентом лета 2007 г., выводы, на наш взгляд, напрашиваются сами собой.

Завершив характеристику имеющихся в Республике Алтай мировых религий, скажем несколько слов о так называемых «нетрадиционных религиозных течениях», в частности, об упоминавшейся уже «Ак Ян» или «Белой Вере», которая, без преувеличения, является важной составляющей палитры «религиозной картины» современного Горного Алтая. История «Белой Веры» уходит, как известно, своими корнями в начало XX века. Именно тогда в среде коренного населения Горного Алтая начинают утверждаться новые религиозные воззрения, отвергавшие традиционное «взывание» к подземным духам, сопровождавшееся кровавыми жертвоприношениями, а также ряд других неотъемлемых элементов бытовавшего тогда у алтайцев шаманизма. По имени одного из центральных Божеств новой веры — «Ак-Бурхана» — и получило новое религиозное движение своё второе название — «бурханизм». Его возрождение в наше время связано с концом 90-х годов XX столетия. Первый общественный молебен по канонам «Белой веры» — «бурханизма» — был проведён в 1999 году в деревне Кулада Онгудайского района. В нём, по свидетельства нашего информатора, участвовало более 200 человек из разных районов республики, а также сопредельных с нею территорий. Этот молебен открыл собой процесс активного распространения «бурханизма» в регионе, и в первую очередь, среди алтайского населения. В силу этого, и началось — почти повсеместно — восстановление старых и строительство новых святилищ, возобновился прерванный в своё время процесс оформления мировоззренческой системы «бурханизма». Однако полного единства в данном религиозном воззрении никогда не было. Эта печальная традиция бытует и по сей день. Именно на почве теологических разногласий происходило и ныне происходит разделение в среде «бурханистов». Так, у упоминавшейся уже нами выше «каракольской группы», главным ее «признаком» стал ярко выраженный «радикализм в отношении приверженцев других религиозных убеждений» и, прежде всего, «бурханистов» [6].

Завершая речь о проблемах и тенденциях развития основных мировых религий применительно к Горному Алтаю, отметим, что их, как свидетельствуют реалии нашего бытия в регионе предостаточно. Что же касается «бурханизма», то острых моментов у него сегодня, на наш взгляд, две. Первая — это необходимый численный рост последователей этого движения, причем в самое в

ближайшее время и второй — это настоятельная необходимость преодолеть раскол в их рядах, чтобы достичь официальной регистрации «Ак Ян» — «Белой Веры» как самостоятельной религиозной организации нетрадиционного направления.

И в заключение, несколько слов о других конфессиях, имеющихся на сегодняшний день в Горном Алтае.

Одной из них является существующая с 1999 г. в с. Иогач Турачакского района Республики Алтай единственная в нашем регионе религиозная община Римско-Католической церкви. По имеющимся у нас данным, она немногочисленна и культовых сооружений не имеет. В силу этого, данная община особой активностью не отличается.

Значительно более широко, нежели предыдущая, представлены в Республике так называемые «нетрадиционные религии протестантского толка». На сегодняшний день они представлены семью общинами, которые относят себя к «Христианам Веры Евангельской» («неопятидесятники»). Наиболее крупной среди них является действующая в Горно-Алтайске община под названием «Церковь Христиан Веры Евангельской «Новая Жизнь». Эта община достаточно многочисленна, она располагает хорошим культовым зданием (в районе Жилмассива), при котором имеется активно действующий «реабилитационный центр», ведущий весьма активную работу по расширению числа своих сторонников.

К категории нетрадиционных религий, действующих на территории Горного Алтая, можно отнести сегодня также и общину «Свидетелей Иеговых г. Горно-Алтайска», которая, без преувеличения, выступает в качестве головной организации адептов данной «неорелигии», проживающих практически во всех районах нашей Республики и образующих — фактически — её отделения на местах.

В этому же разряду, что и «свидетели Иеговы...», можно отнести и действующую в республиканском центре «Горно-Алтайскую Христианско-Пресвитерианскую Церковь», а также три общины «Церкви Христиан Адвентистов седьмого дня», которые функционируют сегодня в Горно-Алтайске, селе Озеро-Куреево (Турачакский район) и селе Кызыл-Озёк (Майминский район). Наибольшей активностью из них отличаются, конечно же, адвентисты, выпускающие свою собственную газету «Свет Алтая» и распространяющие ее во всех районах Республики.

Устойчивый рост в регионе числа общин нетрадиционного толка и их весьма активная деятельность, в том числе и миссионерская, вызывает на сегодняшний день определённую озабоченность у общественности республики, а также у служителей традиционных религий. Должны были бы озаботиться этим и власти всех уровней. Однако такой озабоченности с их стороны пока, к сожалению, не видно.

Наряду с традиционными верованиями — православием, исламом и буддизмом, — а также «нетрадиционными», о которых было только что сказано, в Республике Алтай функционируют и сторонники оккультизма, т. е. движения за возрождение традиций древнего язычества. К ним, в первую очередь, следует отнести последователей учения Николая Рериха и его супруги Елены Рерих («Урусвати» — «Утренней звезды»). Начало этого движения

в Горном Алтае восходит к концу 70-х годов прошлого столетия. Именно тогда отдельные представители творческой и научной интеллигенции Москвы, Ленинграда, Новосибирска и ряда других городов СССР, увлечённые изучением теософии Е. Блаватской, а также идеями её учеников, сделали объектом своего регулярного паломничества село Верх-Уймон, Усть-Коксинского района, в котором в 1926 г. на две недели останавливались Н. Рерих и члены его экспедиции, следовавшей в Монголию и Тибет. Со временем, некоторые сторонники оккультизма оставили свои московские, ленинградские и новосибирские квартиры и переехали в Усть-Коксинский район на постоянное место жительства.

Главной отличительной чертой данного религиозного течения является то, что его приверженцами, по-прежнему, выступают в основном люди, приехавшие в нашу Республику из других регионов России, в первую очередь, из Новосибирска. Немалую заботу для властей всех уровней должно представлять противоречивость воззрений «рериховцев». В силу чего, им свойственно деление на несколько направлений, члены которых крайне враждебно относятся друг к другу. В возникшую меж ними борьбу, они, то и дело, пытаются втянуть и местное население. И, наконец, третья проблема, связанная с движением современных последователей Н. Рериха, которую ни в коем случае нельзя оставлять без внимания. Дело в том, что практика последних десятилетий показала, что «рериховцы» проявляют значительную активность, чтобы «пробыть во власть», причем не только в Усть-Коксинском, но и в других районах нашей Республики.

Еще одним направлением оккультизма в нашем регионе являются так называемые «ведисты», активно выступающие за возврат славян к их древней религии — «язычеству», которое они называют «истинным православием». Пока численность «ведистов» в Республике невелика, но тенденция к их росту, увы, наблюдается.

И в этом ключе, нельзя не сказать еще об одном движении, набирающем силу в среде коренного населения Горного Алтая. Речь идет о настоячивых попытках отдельных наших граждан возродить в Республике «древний шаманизм». Именно группа его приверженцев в ожидании всемирной катастрофы предприняла уход в горы и отказ от атрибутов

современной цивилизации после сентябрьского землетрясения 2003 г. Попытка самоизоляции, принятая «неошаманистами», оказалась недолгой, но сам факт её осуществления в Республике весьма показателен. Настораживает также и тот факт, что возрождение шаманизма, равно как и других «нетрадиционных религиозных воззрений и оккультизма» не только не вызывает критики со стороны алтайской интеллигенции, но и даже приветствуется некоторой её частью. Эта и другие «нежелательные в этом плане тенденции» должны быть всегда на контроле у общественных организаций и у властей.

Заканчивая данный обзор, следует подчеркнуть, что религиозная жизнь стала сегодня неотъемлемым элементом жизни нашей Республики и России в целом. Количество верующих (представителей мировых религий, а также «нетрадиционных верований и разного толка») с каждым годом неуклонно растёт, что является, скорее всего, позитивом, нежели негативом. Но в этой ситуации, как никогда, возрастает актуальность сохранения межконфессионального мира в регионе, а также обеспечения постоянного и конструктивного диалога, как между представителями разных конфессий, так и между религиозными структурами и властными органами Республики. Отдельная проблема — это их взаимодействие с нетрадиционными религиями, требующими к себе зачастую значительно большего внимания, нежели мировые религии.

В связи с этим, вырисовывается, на наш взгляд, очевидная необходимость повышения внимания со стороны республиканской и муниципальных властей к вопросам их взаимодействия как с общественными организациями региона в целом, так и религиозными объединениями, с целью даже возможного создания в структуре Правительства Республики Алтай, как минимум, специального отдела по связям с общественными и религиозными объединениями которые действуют на территории Республики Алтай. Как известно, на сегодняшний день такой структуры у нас пока нет. А это, как показывает практика, явно не способствует улучшению взаимопонимания между властью и обществом Горного Алтая, а также не позволяет, на наш взгляд, в полной мере использовать на благо региона солидный потенциал общественных и религиозных объединений нашей Республики.

Библиографический список

1. Нестеров С. В. Словом и житием наставляя. Жизнь и труды преподобного Макария Алтайского. — М., 2005. — 542 с.
2. Информация Благочинного православных церквей Горного Алтая, иерея, о. Георгия (Балакина). Личный архив автора.
3. Демидов В. А. К социализму, минуя капитализм. — Новосибирск, 1970. — 224с.
4. Информация Имама религиозной организации мусульман Горно-Алтайска А. Д. Кобдабаева. Личный архив автора.
5. Информация главы буддистов Республики Алтай, Хамбо-Ламы М. В. Шагаева. Личный архив автора.
6. Информация руководителя религиозного общественного объединения «Ак Жан».

Горно-Алтайский государственный университет
Получено 23.07.08

M. I. Paklin

The modern religious situation in Mountainous Altai: the state, problems, of roads her further of development
In article, on the basis sociology materials, collect of author, study the modern religious situation in Mountainous Altai: the state, problems, of roads her further of development.

Gorny Altai, religious situation, religious directions, Pravoslavia, Islam, Buddusm, burhanism, not traditional religion

УДК 902

А. В. Попов

ИЗ ИСТОРИИ ФОРМИРОВАНИЯ АРХИВОВ И «АРХИВНОГО ДЕЛА» РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ

В статье, на основе опубликованных и архивных источников, проанализировано состояние архивов и архивного дела Русской Православной Церкви в 1917—2007 гг.

советское государство, Русская Православная церковь, Патриарх, Синод, коммунистическая идеология, декрет, архивы, архивное дело, состояние хранения документов

История Русской Православной Церкви (РПЦ) настолько тесно связана с историей России, что их невозможно отделить друг от друга. Именно принятие нашими предками христианской веры в 988 г. дало мощный духовный импульс, благодаря которому на исторической арене появились русский народ и его государство. Этим обстоятельством определяется и то значение, которое имеет для российской культуры и истории архивное наследие Русской Православной Церкви.

После Октябрьской революции 1917 года значительное число архивов и архивных документов РПЦ было национализировано и отложено в государственных хранилищах [1, с. 337-341]. Изъятие и хранение таких документов в государственных архивах на правах государственной собственности было законодательно закреплено декретом Совета Народных Комиссаров РСФСР от 1 июня 1918 г. «О реорганизации и централизации архивного дела в Российской Социалистической Федеративной Советской Республике». В нём, в частности, указывалось: «Все архивы правительственных учреждений ликвидируются, как ведомственные учреждения, и хранящиеся в них дела и документы отныне образуют Единый государственный архивный фонд» [1, с. 337-341]. В данном случае понятие «ведомственные учреждения» распространялось на Святейший Синод РПЦ и его учреждения, финансируемые полностью или частично государством.

В соответствии с современным российским законодательством, а именно — Федеральным законом от 22 октября 2004 г. «Об архивном деле в Российской Федерации», церковные архивы и документы до отделения Церкви от государства относятся к государственной собственности. В статье 9 закона говорится об отнесении к частной собственности архивных документов религиозных объединений после отделения церкви от государства, то есть подразумевается, что архивные документы Церкви, созданные в период с учреждения Святейшего Правительствующего Синода в 1721 г. до выхода 23 января 1918 г. декрета «Об отделении церкви от государства и школы от церкви», относятся к государственной собственности. Тем самым, на законодательном уровне, была закреплена государственная собственность на архивные документы РПЦ до отделения Церкви от государства. В состав этих документов входят фонды Поместного Собора Российской Церкви 1917—1918 гг. и Канцелярии Пат-

риарха Тихона, хранящиеся в Государственном архиве Российской Федерации (ГА РФ); многочисленные фонды монастырей и церквей, хранящиеся в Российском государственном архиве древних актов (РГАДА), Российском государственном архиве Дальнего Востока (РГА ДВ), Центральном историческом архиве Москвы (ЦИАМ) и других, а также фонды Александрово-Невской Лавры, Канцелярии Святейшего Синода, его комитетов и управлений, хранящиеся в Российском государственном историческом архиве (РГИА) и др. Объём этих документов, имеющих, без преувеличения, большую историческую ценность, значителен [2, с. 6].

Следует отметить, что Русская Православная Церковь никогда не предъявляла требований о возвращении принадлежащих ей документов, хранящихся в государственных архивах. На наш взгляд, если следовать букве закона, она могла бы, вполне правомерно, поставить вопрос о возвращении своих документов за период ранее 1721 г. (большой массив документов этого периода хранится в РГАДА). Касаясь темы архивного наследия РПЦ, известный российский историк церковных архивов профессор Е.В. Старостин отмечает: «По существу на столетие эта тема оставалась запретной для российских историков-архивистов. На ней лежало идеологическое табу, нарушать которое мало кто осмеливался, поскольку это было небезопасно. Что касается представителей церковной науки, то и они избегали ставить острые вопросы о судьбе своего документального наследия» [3, с. 11].

Не так безупречен правовой статус и фонда Архиерейского Синода РПЦ за границей, хранящегося в ГА РФ. Архив Архиерейского Синода РПЦ за границей до 1941 г. находился в Белграде на квартире у председателя РПЦ за границей митрополита Анастасия. В 1941 г. этот архив был конфискован немецкими оккупационными властями и вывезен в Германию [4, с. 48]. В 1945 г. архив был найден и вывезен советскими войсками в СССР, где был помещён в Особый архив. 25 августа 1948 г., в соответствии с решением ГАУ МВД СССР № 12/3-937, архив зарубежного Синода в количестве 55 дел и 16 килограмм россыпи был передан в ЦГАОР СССР (ныне ГА РФ) [5, л.4а]. После его научного описания, был образован фонд №Р-6343 «Высшее церковное управление РПЦ за границей» в количестве 384 дел. В 1996 г. название фонда было изменено на «Архиерейский Синод РПЦ за границей г. Сремские Карловцы Югославия». В 1992, 1998 гг. к

фонду было присоединено несколько дел, сформированных из россыпи, поступившей из Библиотеки федеральных архивов. До 1988 г. эти документы находились на секретном хранении. В 1988 г. по решению комиссии ЦГАОР СССР (на основании акта №1 от 29 февраля 1988 г.) документы фонда были рассекречены. В 1995 г. для создания страхового фонда архивные документы фонда (в количестве 384 дела, 663 микроафиши, 24020 кадров) были микрофильмированы [6]. Документы этого фонда были созданы и отражают деятельность Церкви уже после отделения Церкви от государства. Более того, большинство из них образовалось в процессе деятельности церковных учреждений за пределами СССР. Следовательно, по закону «Об архивном деле в Российской Федерации» документы этого фонда должны входить в негосударственную часть Архивного фонда Российской Федерации. Статья 6 (пункт 7 данного закона) гласит: «Включение документов, находящихся в частной собственности, в состав Архивного фонда Российской Федерации осуществляется на основании экспертизы ценности документов и оформляется договором между собственником или владельцем архивных документов и государственным или муниципальным архивом (органом местного самоуправления муниципального района, городского округа), музеем, библиотекой либо организацией Российской академии наук». А имеется ли такой договор между Русской Православной Церковью за границей и Федеральным архивным агентством России? Вопрос риторический.

Значительное число документов, отражающих историю РПЦ и её положение в Советском Союзе, образовалось в процессе деятельности органов партийной и государственной власти СССР. Эти архивные документы, безусловно, являются государственной собственностью. Но это не уменьшает их значения как исторических источников по истории РПЦ. На наш взгляд, наибольшей информативностью обладает фонд Совета по делам религий при Совете Министров СССР (до 1965 г. — Совет по делам Русской Православной Церкви — А. П.), включающий более 13 тысяч единиц хранения за 1938—1991 гг. [7]. Материалы этого фонда (хранятся в ГА РФ — А. П.) показывают, что Советское правительство внимательно наблюдало за РПЦ и имело не только достаточную и полную, но и объективную информацию о происходящей в ней процессах и оказывало существенное влияние на них. Документы Совета (достаточно полные) сохранились за все годы его существования. Отчасти это объясняется тем, что часть документов находилась на секретном хранении: они не подвергались экспертизе ценности, а потому им не грозило уничтожение. В ГА РФ также хранятся фонды Постоянной центральной комиссии по вопросам культов при Президиуме ЦИК СССР, Союза воинствующих безбожников СССР и др.

В российских государственных архивах отложилось немало и личных фондов иерархов, священников и других деятелей РПЦ. Наибольшее число таких фондов имеется в ГА РФ. Среди них: личные фонды митрополита Арсения (Стадницкого), протоиерея Петра Булгакова, архиепископа Варнавы

(Накропина), священника Георгия Гапона, митрополита Евлогия (Георгиевского), историка церкви А.В. Карташева, протоиерея Димитрия Константинова, историка Церкви В.С. Русака, протоиерея Иннокентия Серышева, протопресвитера Георгия Шавельского и др. [8, с. 158-173].

Приход к власти большевиков в 1917 г. и более чем семидесятилетнее существование Русской Православной Церкви под властью коммунистического государства прервали естественное складывание сети церковных архивов, нормативно-методической базы их деятельности, а также препятствовали формированию новой научной дисциплины — церковного архивоведения. Тем не менее, несмотря на разрушение и закрытие монастырей и храмов, уничтожение части церковных архивов многие документы после национализации удалось сохранить в государственных архивах.

В советское время в архивном деле функция хранения преобладала над функцией использования. Документы по истории РПЦ в основном находились в спецхранах или на секретном хранении. В рекомендациях первой Международной научной конференции «Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее», состоявшейся в ноябре 2003 г., констатировалось: «Фонды учреждений духовного ведомства, рассредоточенные в государственных хранилищах, в течении атеистического XX столетия, практически, не изучались» [9, с. 376].

Использование вышеуказанных документов всецело было подчинено коммунистической идеологии. Исходя из того, что главной задачей атеистической работы считалось раскрытие классовой роли религии и церкви в истории государства и трудящихся, в силу этого, историки-атеисты выдвигали на первый план разоблачение «церковной контрреволюции», «эксплуаторской» сущности религиозных организаций, раскрытие политической позиции духовенства. Такого рода работы историков должны были, по замыслу партийно-советского руководства, «помочь» верующим преодолеть религиозные предрассудки. Поэтому основными темами «научных исследований» советского времени были антисоветские действия духовенства. В соответствии с поставленными задачами, политика государства по отношению к церкви всегда рассматривалась исследователями как положительная, а действия церкви, религиозных организаций и их деятелей как «контрреволюционные». Отличительными чертами историографии тех лет, что сегодня, вне всякого сомнения, была безусловная узость источниковедческой базы, недостаточное внимание к архивным документам. В качестве главных же источников исторических работ использовались декреты советской власти, труды В. И. Ленина и других партийных идеологов.

В последние годы, в связи с кардинальными переменами в политическом строе и внутривнутриполитической жизни страны, существенно изменилась и ситуация в российской исторической науке. Многие периферийные и ранее запретные темы исследований выдвинулись на первый план. В новых условиях получили возможность обратиться к истории РПЦ российские светские и церковные

историки. Базой и фундаментом для появления серьезных научных трудов, опирающихся на значительную источниковую базу, стал и большой комплекс ранее недоступных документов по истории РПЦ, находившийся до этого в «спецхранах» государственных архивов России.

В 1991 г., после крушения коммунистического режима, Русская Православная Церковь освободилась от государственных пут и от назойливой опеки партийных и государственных органов. Но обретение подлинной независимости — это не одномоментный акт, а тяжелый и длительный процесс избавления от груза прошлого и преодоления инерции церковного подчинения государству. В настоящее время у Русской Православной Церкви накопился целый комплекс проблем, требующих своего незамедлительного решения, которые, к сожалению, не всегда успешно и своевременно решаются. Не секрет, что на периферии в сознании церковных иерархов и священников до сих пор не изжиты проблемы архивного наследия Русской Православной Церкви и его сохранения [10, с. 195].

В связи с этим, два слова об архивном наследии РПЦ. Как известно, в ее «Уставе» слово «архив» встречается всего пять раз. В соответствии с «Уставом», предусмотрен лишь один центральный архив при Управлении делами. В статье 5 Устава определено: «Синодальными учреждениями Русской Православной Церкви являются: а) Управление делами Московской Патриархии с входящими в него канцеляриями Патриарха, Синода, Синодальной библиотекой, необходимыми отделами и архивом». Уставом также предусмотрены и архивы епархий и приходские архивы: «Каждое Епархиальное управление должно иметь епархиальный архив». При необходимости архивы могут организоваться при благочинном: «При благочинном может существовать канцелярия, служащие которой назначаются правящим архиереем, и архив».

Но, несмотря на столь конкретное определение, в РПЦ, тем не менее, пока не создано единого центрального архива. Точнее, сами архивы есть, но их статус, источники и порядок комплектования, взаимоотношения между собой и с Управлением делами Московской Патриархии до настоящего времени не регламентированы. Как мы уже отмечали выше, в Уставе РПЦ упоминается только один центральный архив — Архив Управления делами РПЦ. Но, несмотря на это, сегодня у РПЦ действует широкая сеть общецерковных архивов, главными среди которых являются Архивы Московской Патриархии и Священного Синода РПЦ. Кроме того, она имеет Синодальную библиотеку, которая также является общецерковным хранилищем печатных изданий и рукописных материалов, учреждением, ведущим библиотечную, исследовательскую, информационно-библиографическую и издательскую работу. Библиотека комплектуется не только книгами, но и архивными документами. Наряду с вышеназванными, обширным историческим архивом обладает Отдел внешних церковных сношений РПЦ. В связи с этим, в 2001 г. в прессе появились сообщения о создании центрального церковно-исторического архива на базе церковно-научного центра «Православная энциклопедия» [11,

№41]. Более того, директор центра высказал предположение о том, что в будущем документы Отдела внешних церковных сношений поступят в создаваемый им архив. Но в Уставе РПЦ, который мы уже цитировали, нет ни слова о церковно-историческом архиве, существующем ныне при центре «Православная энциклопедия». Не ясно также, как будет комплектоваться новый архив, на какой основе будут передавать туда свои законченные и потерявшие оперативное значение дела епархиальные архивы, архивы Синодальных учреждений и др. По нашему мнению, в настоящее время РПЦ пока не располагает нормативными документами (подобных «Основным правилам работы государственных архивов», «Основным правилам работы архивов организаций»), которые определяли и разграничивали бы источники комплектования, состав документов, которые должны находиться на постоянном хранении в приходских, епархиальных и центральных архивах. Иначе говоря, вести сегодня речь о появлении Центрального церковно-исторического архива РПЦ, нам представляется преждевременным. Ведь невозможно даже представить, чтобы такой архив создавался на базе церковно-научного центра, главная задача которого — это подготовка и выпуск новых томов «Православной энциклопедии». При ней, на наш взгляд, предпочтительней создать архив научно-справочных документов, необходимых для публикационной и другой научной деятельности данного центра.

И это при том, что до настоящего времени мы не имеем единой нормативно-методической базы деятельности архивов и ведения делопроизводства в церковных учреждениях, когда отсутствуют типовые инструкции по ведению делопроизводства в церковных учреждениях, типовые положения об епархиальных и приходских архивах, правила работы архивов РПЦ, примерные и типовые перечни документов с указанием сроков хранения, методические рекомендации по проведению экспертизы ценности и описанию документов, хранящихся в епархиальных и приходских архивах. Даже, если мы начнем проводить такую работу, в нашем распоряжении нет пока четко определенного статуса приходского архива (является ли он архивом с переменным составом документов или хранит документы постоянно), какие именно документы должны в него передаваться и как должно быть организовано их описание, хранение и использование и т.д. Иначе говоря, проблем у нас больше, чем достаточно и их, несомненно, надо решать.

Подводя, таким образом, итоги данного краткого обзора современного состояния архивов РПЦ, можно констатировать одно: пока у РПЦ отсутствует нормативно-методическая база для организации ее делопроизводства и архивного дела. В организации ее работы по делопроизводству приходы, епархиальные и синодальные учреждения должны руководствоваться государственными нормативными актами. Особенно это касается финансовой и бухгалтерской документации, своевременное предоставление которой требуют государственные организации [12, с. 12]. Пока же положение и состояние архивов и церковного делопроизводства выглядит удручающе. Это обязывает высшую церковную

власть незамедлительно принять необходимые нормативные акты, которые бы регулировали вышеозначенную сферу деятельности Русской Православной Церкви.

При этом, на наш взгляд, следует учесть все моменты, которые могут воспрепятствовать решению сегодняшних проблем. В частности, немалую трудность (по экономическим причинам) может представить для большинства приходов выделение помещения под архив, не говоря уже об обеспечении в нем надлежащего хранения, описания и использования архивных документов. Поэтому при организации сети архивов РПЦ, нам представляется, целесообразным придать приходским архивам статуса архивов с переменным составом документов, при котором они должны передавать документы с постоянными сроками хранения и на постоянное хранение в епархиальные архивы. Последние же должны получить, в свою очередь, статус архивов с постоянным составом документов, которыми комплектуются епархиальные учреждения, благочиния и приходы. Несомненно также, что свои архивы должны иметь патриаршие экзархаты (в том числе и за рубежом) и Духовные миссии.

Наряду с этим, должен быть создан единый центральный архив РПЦ (Архив Московской Патриархии). В него должны поступать законченные делопроизводством и потерявшие оперативное значение дела и документы канцелярии Патриарха Всея Руси, Священного Синода, синодальных учреждений, Поместных и Архиерейских Соборов РПЦ, заграничных учреждений и Миссий РПЦ и др. Еще

одним источником комплектования Архива должны стать личные фонды иерархов и священников РПЦ и других лиц, принятых на хранение после экспертизы ценности документов по договору между Архивом и фондообразователем.

И, наконец, еще одно наше пожелание, — подготовка нормативно-методических документов по делопроизводству и архивному делу, контроль за их выполнением в масштабах всей РПЦ должно осуществлять Управление делами Московской Патриархии. Для решения этих задач необходимо тесное сотрудничество РПЦ с Федеральным архивным агентством и его органом Всероссийским научно-исследовательским институтом документоведения и архивного дела, Центром архивных исследований Историко-архивного института, Российским обществом историков-архивистов и другими организациями. В декабре 2003 г., как известно, было подписано Соглашение о сотрудничестве между Московской Патриархией Русской Православной Церкви и Федеральной архивной службой России, но оно, к сожалению, не было наполнено реальным содержанием и не привело к улучшению состояния архивного дела и делопроизводства в РПЦ. Поэтому на базе подписанного соглашения необходимо развивать реальное сотрудничество между РПЦ и Федеральным архивным агентством. И делать это — надо немедленно. В противном случае нам грозит не только потеря большого комплекса документов по истории Русской Православной Церкви конца XX — начала XXI вв., но и невозможная утрата части нашей исторической и социальной памяти.

Библиографический список

1. Ионов А. С. С. Г. Рункевич и судьба архивных материалов Поместного собора Православной Всероссийской Церкви 1917—1918 годов. Изъятие церковных документов властями // Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее (Труды Историко-Архивного Института Т. 36). — М.: РГГУ, 2005.
2. Основные декреты и постановления Советского Правительства по архивному делу 1918—1982. — М.: ГАУ. — 1985.
3. Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее (Труды Историко-Архивного Института. Т. 36). — М.: РГГУ, 2005.
4. Шкаровский М. В. Нацистская Германия и Православная Церковь (нацистская политика в отношении Православной Церкви и религиозное возрождение на территории СССР). — М.: Крутицкое подворье; Общество любителей церковной истории, 2002.
5. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). ф. 6343.
6. Справка о микрофильмировании документов фонда. ф. Р-6343
7. ГАРФ. ф. Р-6991.
8. Попов А. В. Архивное наследие зарубежного православия // Новый журнал = New Review. — Нью-Йорк. — 2005. — №239.
9. Архивы Русской Православной Церкви: пути из прошлого в настоящее (Труды Историко-Архивного Института. Т. 36). — М.: РГГУ, 2005.
10. Попов А. В. Архивы Русской Православной Церкви: история и современность // XVI Ежегодная богословская конференция Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета: Материалы 2006 г. Т. 2. — М.: ПСТГУ, 2006.
11. Создается церковно-исторический архив РПЦ // Утро. 2001. №41 (363). 1 марта 2001 г.
12. Горькая Г. П. Архивы Русской Православной Церкви в прошлом и настоящем: очерки / По ред. Е. В. - Старостина — М., 2000.

Историко-архивный институт РГГУ, г. Москва.
Получено 27.07.08

A.V. Popov

From of history the forming of archives and «of files affair» of the Russian Christian of church
In the article, on the basis of documentary sources analysis the condition of archives and «of files affair»
of the Russian Christian of church.

**soviet state, Russian Christian church, Cathedral, Sinod, communist ideology, decree, archives,
files affair, condition of keeping documents**

УДК 902

*О. Н. Пушечникова***ИЗ ИСТОРИИ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ЦАРСКОЙ РОССИИ С ТУВОЙ В 1911—1914 ГГ.**

В статье, на основе анализа опубликованных и архивных источников, рассмотрены взаимоотношения царской России с Тувой в 1911—1914 гг.

Российская империя, Монголия, цинский Китай, Урянхайский край, административное деление, местные «кинородцы», Синхайская революция, русская «колонизация», ясак

Российская федерация — суверенное государство мирового сообщества — являет сегодня собой союз восьмидесяти с лишним полноправных ее субъектов. Одним из них является Республика Тува, имеющей свою многовековую историю. Не касаясь ее древних этапов, сосредоточим свое внимание на ее историческом прошлом, начиная с XVIII века. С этого момента она становится известна как «Урянхайский край». Именно так называли тогда свою землю, населенную народами монгольского происхождения вошедшими (уступив маньчжурским завоевателям — О. П.) в состав китайской империи Цин, предки современных тувинцев. Спустя некоторое время, а точнее в 1727 году, эта земля стала, в соответствии с русско-китайскими — Бургинским и Кяхтинским — договорами, пограничным рубежом между Россией и Китаем. В районе Урянхайского края граница между этими государствами шла от р. Аргунь до перевала Шабин — Дабага по Саянскому хребту [1, с. 56].

Это пограничное положение Тувы во многом предопределило в последующем (особенно в начале XX в. — О. П.) проблему ее территориальной принадлежности. Этот «гордиев узел разрубила», как известно, только Синхайская революция. Свое название — «Синхайская» — она, как известно, получила по традиционному названию года по китайскому календарю. Тот год «синхай» длился с 30 января 1911 г. по 17 февраля 1912 г. [2, с. 198]. В связи с этим, в литературе она нередко датируется то 1911, то 1912 годом. В нашем случае, это обстоятельство не имеет какого — либо существенного значения. Для нас важно одно: ее победа привела к распаду Цинской империи. В силу этого, ранее входившие в ее состав земли, области и регионы (в том числе и современная Тува) получили возможность жить и развиваться самостоятельно. Обретение Урянхайским краем «автономного статуса», естественно, не осталось незамеченным его «соседом» — самодержавной Россией. Однако следует отметить, что урянхайская земля еще задолго до Синхайской революции 1911-1912 гг. превратилась в «существенный объект» территориальных споров между Российской империей и Китаем, а точнее — между Россией и Монголией, входившей в то время в состав цинского Китая.

Что касается самих тувинцев (именовавшихся в то время «сойотами» — О. П.), то они, уже, начиная с середины XVIII в., всецело тяготели, несмотря на цинское подданство, к родственным им монголам. И эта тяга не была случайностью. Это была

исторически сложившаяся закономерность. Во-первых, административное разделение в Урянхайском крае было осуществлено по монгольскому образцу (хошунно-сомонное деление). Изучая его, Г. Е. Грум-Гржимайло писал в свое время (в начале XX в. — О. П.), что в нем имеется 7 хошунов, в частности, Хасутский, Ойнарский, Сальджакский, Тоджинский, Кемчинский, Хошун сайн-ноина и Хошун Давана [3, с. 10-17]. Деление тувинцев на «сумоны» [или «сомоны» — О. П.] и «хошуны» было, как известно, учреждено еще маньчжурской администрацией после завоевания маньчжурами Тувы. При этом они не изобретали какую-то новую административно-территориальную систему. Они просто восприняли, по существу, тот порядок, начало которому положил в свое время еще Чингисхан [4, с. 117]. Во-вторых, язык урянхайцев (по крайней мере, основных народностей, населявших Урянхайский край) и статус данника, опять-таки, были монгольскими. В частности, язык дархатов [одной из народностей Урянхайского края — О. П.] был монгольским. В качестве же «шабинаров» (людей, подвластных ламаистскому духовенству), иначе говоря, данников ургинского хутухты, они подчинялись юрисдикции последнего, а точнее, власти его казначея («шандзотбы»), причем, на основаниях, одинаковых с прочими «шабинарами» [4, с. 21]. И, наконец, религия у тувинцев также была монгольская. Правда, в отличие от монголов, ламаизм у них долгое время не пользовался широкой популярностью как это было в Монголии. Только к началу XX в., благодаря поддержке местных богатеев и местных властей, он смог, если еще не полностью, то, в известной степени, праздновать все же победу над шаманизмом [3, с. 160].

Основной материал по изучаемой проблеме был выявлен нами в Государственном архиве Иркутской области (ГАОИ). Его анализ позволил автору выявить и охарактеризовать весьма интересную особенность политики царской России в отношении тувинской территории, проявившейся уже после Синхайской революции. Последняя, как неоднократно отмечали исследователи, поставила перед самодержавным правительством одну единственную, причем, конкретную цель: включить Урянхайский край в состав Российской империи. По утверждению Е. А. Белова, базировавшегося на анализе материалов, выявленных в центральных архивах, вопрос о превращении Тувы в «русский протекторат» решался, главным образом, политическими средствами и дипломатическим маневрированием и с неиз-

бежным в таких случаях давлением России на урянхайцев и монгольское правительство в Урге [5, с. 56]. Однако, опираясь на имеющиеся в нашем распоряжении материалы, позволим себе нельзя не согласиться с утверждением вышеназванного историка. Основываясь на них, укажем, что 21 ноября 1911 г. в Монголии прошло специальное заседание Совета министров по урянхайскому вопросу. На этом заседании обсуждался один вопрос: «Может ли считаться Урянхайский край, принадлежащим Российской империи?» [5, с. 60]. Опираясь на материалы Иркутского архива, мы можем также утверждать, что у российской стороны, наряду с мирным, был и секретный план занятия Урянхайского края, который предполагал военное вторжение.

Это наглядно вытекает из телеграммы 488, отправленной 17 марта 1911 г. военным министром Российской империи на имя командующего войсками Иркутского военного округа (фамилия, которого, к сожалению, не указана). В ней особо подчеркивалось, что все намеченные мероприятия, относительно действий по занятию Урянхайского края, должны быть «подробно разработаны» [6, л. 6]. Словом, приведенный нами документ вобрал в себя не только вопросы возможного военного вторжения в Урянхайский край с целью присоединения к России, но и предусматривал их тщательную проработку. В частности, необходимо было предусмотреть:

а) два возможных маршрута продвижения русских войск. Первый из них должен был учитывать, что выдвинутый отряд, оставив полусотню в Дархатском курени для занятия берега озера Косогола (Косогольский район), мог продвигаться далее: по южному склону хребта Тану-Ола через районы Монгольских караулов (Шавырь, Дзайгаль, Хациге, Баинь-Булак, Дзиндзилик), а от последнего из них — через ставку Главного начальника Урянхайского народа (амбань-нойона) к устью Малого Енисея. На это передвижение должно было уйти, в соответствии с планом, не более месяца. Прибытие русского отряда к устью Малого Енисея должно было знаменовать занятие им Урянхайского края [6, л. 9]. Второй маршрут предусматривал движение русского отряда по вьючной тропе, вдоль северного склона хребта Тану-ола и далее через озеро Терри-нур, бассейны рр. Сенгал и Джибел. На преодоление этого пути отряду отводилось около месяца [6, л. 9];

б) занятие Урянхайского края предусматривало и его естественное административно-территориальное устройство в составе Российской империи. В соответствии с этим, план предусматривал его деление на 4 района: 1. Кемчинский, в составе двух хошунов (Кемчинского и Бесь); 2. Бренский (хошуну Ойнарский и Сальджакский); 3. Косогольский (хошуну Хазутский и Дархатская земля) и 4. Туранский, в составе одного хошуна — Тоджинского. Все русские поселки и фактории, имевшиеся до этого на Урянхайской земле, должны были войти (по месту их нахождения) в состав административно-территориальных единиц, предусмотренных вышеозначенным планом [6, л. 10];

- оговаривал план и новый (в связи с присоединением Урянхайского края к России — О. П.) статус монгольского населения. В частности, в телеграмме на этот счет предусматривался вызов рос-

сийским военачальником хошунных правителей к себе и объявление им воли «Государя императора», с последующим их приведением к присяге на «верноподданство императору Всероссийскому», с «непременным приказом» привести «не мешкая», к «высокой присяге» все подвластное им население» в хошунных монастырях [6, л. 10];

- наконец, в документе определялся и характер предполагаемых мер, которые российское правительство должно провести в связи с присоединением Урянхайского края: данная территория юридически присоединяется к России не как ранее принадлежавшая ей, а признается территорией, занятой «по праву войны» [6, л. 10].

Однако в силу обстоятельств, военного столкновения между противоборствующими государствами удалось все же избежать. И 17 апреля 1913 года Николай II согласился на объявление «населению пяти хошунов» (через А. Церенина — будущего комиссара по делам Урянхайского края — О. П.) о том, что «оно принято под покровительство Российского правительства» и что урянхи отныне находятся под покровительством России, а потому они обязаны «не иметь никаких сношений с иностранными властями иначе, как только через посредство лица, представляющего на месте российское правительство». И это «высокое повеление» было объявлено А. Церениным 17 июля 1913 года в поселке Булак амбань-нойону Гомбодоржи и князьям хошунов Да и Бэйсэ о «принятии оных под русское покровительство» [1, с. 64]. С этого объявления «высокой императорской воли» и начинается, собственно, новая история Урянхайского края, а отныне Тувы — новой административной единицы в составе Российской империи.

Таким образом, как явствует из вышеизложенного материала, России удалось добиться присоединения Урянхайского края не военной силой, а с помощью дипломатии. Однако все содержание вышеприведенной телеграммы, несмотря на отсутствие у нее статуса юридического документа, всецело свидетельствует о «наличии» у российского правительства твердого намерения присоединить к России территорию Урянхайского края — современной Тувы — любым путем, не исключая и военное вторжение.

Присоединение последней к России содействовало дальнейшей русификации населения Урянхайского края. Это обстоятельство способствовало, в свою очередь, созданию при Министерстве иностранных дел России специальной должности: эмиссара по Урянхайскому вопросу. Таковым лицом, занимающимся «заведыванием пограничными делами» должен был стать, согласно положению, комиссар на границе Урянхайского края, практическая деятельность которого была связана также и с выполнением «определенных политических задач» [7, с. 171]. Они же всецело сводились к «популяризации» российской власти как политической руководителя и, соответственно, к естественному «низведению политической роли Монголии» в жизни «сойотов». Наряду с этим, деятельность этого чиновника определяла не только характер, но и направление дальнейшей «колонизации» Урянхайского края русскими.

Это, достаточно зримо, проиллюстрировала вся последующая история этого региона, особенно пос-

ле октября 1917 года. Октябрьская революция, свергнув самодержавие, установила на одной шестой части земного шара государство рабочих и крестьян, которое с первых дней своего существования провозгласило право наций и народов на национальное самоопределение. Не стал исключением в этом плане и Урянхайский край, где сразу же возникли, в связи с вмешательством в жизнь его населения монгольских националистов, определенные «сложности». Однако Советская Россия, исходя из сложившегося положения на Дальнем Востоке и не желая столкновения с Японией и с Китаем, официально в дела Урянхая не вмешивалась. Вместе с тем, именно ее представители сыграли, без преувеличения, первостепеннейшую роль в деле образования Тувинской Народной Республики (ТНР) [8, с. 90].

В связи с ее образованием, необходимо подчеркнуть, что позиция соседней с ней Монголии не

была «сторонней». Она была более, чем активной. Согласно свидетельствам, приводимым исследователем Ю. В. Кузьминым, в Монголии активно действовала организация «Дархан хил», состоявшая, главным образом, из офицеров-пограничников, которая всецело выступала за пересмотр российско-монгольской границы и «возвращение утраченных монгольских земель (части территории Тувы и Буриятии)» [9, с. 16-17]. Это обстоятельство и предопределило длительную борьбу тувинского народа за свою независимость. Окончательно же она, в том числе и сама Тувинская Народная Республика была признана мировым сообществом лишь в августе 1926 г., когда был подписан международный договор между Советским Союзом и Тувинской Народной Республикой, к которому присоединилась и Монгольская Народная Республика.

1. Белов Е. А. Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях (1911—1914) // Восток. — 1995. — №1. — С. 56-67
2. Дацышен В. Г. Новая история Китая. — Красноярск, 2003. — 300 с.
3. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край. — Л., 1926. Т. 3. вып. 1. — 413 с.
4. Дулов В. И. Социально-экономическая история Тувы (XIX—начало XX в.). М., 1956. — 608 с.
5. Белов Е. А. Проблема Урянхайского края в русско-китайско-монгольских отношениях (1911—1914) // Восток. — 1995. — № 1. — С. 56-67.
6. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25. Оп. 10. Д. 381. Л. 6.
7. Кабо Р. М. Очерки истории и экономики Тувы. Ч. 1. М.—Л., 1934. — 202 с.
8. Сат С. Ч. Восстание в Хемчике и советско-монголо-тувинские отношения // Россия и Монголия в многополярном мире: итоги и перспективы сотрудничества на рубеже тысячелетий: Материалы международной науч.-практ. конф., 13-16 дек. 2000 г. — Иркутск: ИГУ, 2000. Ч. I. Вып. 2. — С. 89-91.
9. Кузьмин Ю. В. «Монгольский и Урянхайский вопросы» в общественной мысли России (Конец XIX—XX в.): к постановке проблемы. — Иркутск: ИГУ, 1996. — 56 с.

Иркутский государственный университет.
Получено 23.07.08

O. N. Pushechnikova

FROM OF HISTORY RELATIONS OF RUSSIAN STATE WITH TUVA IN 1911—1914 YEARS.

In article, the paper written on the basis of analyzed publications and archive materials the relations of Russian State with Tuva in 1911—1914 years.

Russian State, Mongolia, China, country of Yryanh, administrative division, local «aliens», Sichy revolution, russian «colonization», yasak

УДК 902

Страту Н.Н.

КУЛЬТУРНАЯ ЖИЗНЬ ЖИТЕЛЕЙ ГОРНО-АЛТАЙСКОЙ АВТОНОМНОЙ ОБЛАСТИ В 1960—1970-е гг.

В статье на основе архивных источников и опубликованных материалов освещаются некоторые особенности функционирования учреждений культуры Горно-Алтайской автономной области.

музей, театр, библиотека, управление культуры, музыкальное искусство, дом культуры, кинотеатр, киноустановка

Духовная жизнь советского общества была и по сей день остается одним из важнейших объектов научного изучения и осмысления отечественных историков. В 1965—1975 гг. развитию культурно-просветительских учреждений придавалось, как известно, большое значение. Советская власть направляла немалые усилия на достижение высоких показателей в развитии различных отраслей куль-

туры: телевидения и радиовещания, библиотек и музеев, театра и кино и т. д. Постоянно расширялась система организаций, учреждений и предприятий культуры, которые обеспечивали производство, распространение, сохранение и доведение до населения культурных и информационных благ и услуг. Не был исключением в этом плане и Горный Алтай.

Управление культуры Горно-Алтайского облисполкома было организовано в соответствии с решением Алтайского краевого Совета депутатов трудящихся от 26 июня 1953 года (№679) «Об организации краевого управления культуры и утверждения структуры и штатов краевого, Горно-Алтайского областного управления, районных и городских отделов культуры». Основная деятельность управления культуры заключалась в координации культурно-просветительской работы в области [1].

Предприятиям, учреждениям и организациям, входившим в систему культурных учреждений, отводилась, согласно вышеназванному постановлению крайисполкома, ведущая роль в развитии театрального, музыкального, хореографического, изобразительного, декоративно-прикладного, эстрадного и циркового искусства, а также в культурно-просветительской работе, государственной охране памятников истории и культуры, развитии международных культурных связей. Данная работа в сельских Советах и хозяйствах организовывалась по единому, четко скоординированному плану. С целью улучшения культурного обслуживания производственных участков и мелких сел, объединялись, опять-таки, в соответствии с вышеуказанным постановлением, усилия клубов, а также сельских библиотек, киноустановок и других учреждений культуры региона. Единые планы проведения культурных мероприятий утверждались партийными комитетами и сельсоветами.

В советское время для полезного использования свободного времени создавались парки отдыха, которые осуществляли весь комплекс культурно-просветительской работы. Причем число парков, в целом по СССР, росло с каждым годом. Так, в 1970 году в стране насчитывалось 922 парка культуры и отдыха, а в 1970 году — уже 1181 [2, с. 398]. На парковой территории строились сооружения и устройства, обеспечивавшие разнообразное культурное обслуживание населения. Это были различного рода аттракционы, буфеты, прогулочные аллеи и т.д.

Памятники истории и культуры, как правило, находились в различного рода музеях. Последние, а также различные экскурсионные организации и бюро вели широкую разъяснительную и воспитательную работу на базе памятников истории и культуры и музейных коллекций. Музейная форма пропаганды, воспитания и образования имела богатую перспективу развития, особенно для работы среди молодежи.

Однако в деятельности музеев были и некоторые не до конца решенные вопросы. Главными из них являлись проблемы, связанные с раскрытием некоторых музейных фондов. Как правило, музейные площади позволяли демонстрировать всего лишь 10% имеющихся в распоряжении музея экспонатов. Чтобы, хоть как то решить проблемы дополнительных помещений, работники музеев организовывали выставочные залы в домах культуры, клубах, кинотеатрах, школах и т.д. Самые яркие и убедительные экспозиции были посвящены демонстрации советского образа жизни, преимуществам социалистического строя перед капиталистическим. Движение за сохранность памятников истории и культуры имело всенародный характер и находилось, в силу этого, под постоянным вниманием партии и правительства.

Особое место в социальной и духовной жизни советских людей отводилось пропаганде книги. Руководствуясь решениями XXIV съезда КПСС, постановлениями ЦК партии «О повышении роли библиотек», последние неизменно стремились улучшить качество обслуживания населения книжной продукцией. Для этого, течении года библиотеки обращали особое внимание усилению своей информационной деятельности, а также улучшению «через книгу» воспитания трудящихся.

Особое внимание уделялось открытию библиотек. Так, если в 1973 г. в области функционировало 112 библиотек, то в 1974 г. — уже 122, в числе которых были 1 — областная, 5 — городских, 8 — районных, 12 — детских и 96 — сельских библиотек. Их услугами в интересующий нас период пользовались 89095 читателей. За год им выдавалось, согласно отчетным данным, 1 млн. 822 тыс. книг [3, л. 46]. В целях повышения охвата населения библиотечным обслуживанием, в области широко использовались нестационарные формы: библиотеки — передвижки, создавались их филиалы на фабриках и заводах, а также успешно практиковалось и книгоношество. Особенно старались библиотеки активизировать работу среди молодежи как допризывного, так и призывного возраста. Совместно с военкоматами и клубами они организовывали и проводили проводы в армию. Во многих библиотеках функционировали вошедшие в практику «Уголки допризывника» с тематической подборкой литературы. Немалое внимание уделяли библиотеки и правовой пропаганде, особенно — воспитанию у молодежи уважения к советским законам. С этой целью они устанавливали тесные контакты с работниками суда, прокуратуры, органами внутренних дел и детской комнатой милиции. Совместно с ними библиотеки регулярно проводили на предприятиях и фермах вечера вопросов и ответов на такие актуальные для молодежи темы как «За что молодой человек в ответе», «Молодежь и закон», «Твои права и обязанности» и т. д. Существенное место в деятельности библиотек занимала целенаправленная работа по трудовому воспитанию молодежи, в рамках которой они организовывали, совместно с партийно-советскими организациями и обществом «Знание», встречи с представителями различных профессий, книжные выставки, вечера — диспуты по темам: «Все работы хороши, выбирай на вкус», «Моя профессия». Главной же целью всей системы библиотечного дела было одно — привлечение всего взрослого населения и детей школьного возраста к регулярному пользованию библиотеками. Предметом пристальной заботы библиотек являлось и улучшение библиотечного и информационного обслуживания работающих в коммунальном хозяйстве, сфере быта и автотранспорта.

В годы восьмой и девятой пятилеток непосредственное развитие в области получили театры, как профессиональные, так и народные. Каждый сыгранный ими спектакль был направлен на воспитание чувства патриотизма и гордости за свой народ и свою страну. Чтобы обеспечить массовый просмотр такого рода спектаклей, партийно-советские и хозяйственные организации уделяли особое внимание их посещаемости зрителями. Для этого, они не толь-

ко обязывали трудовые коллективы присутствовать на просмотрах «театральных постановок, воспитывающих людей», но и оказывали соответствующую помощь «в организации зрителей», в подвозе населения на спектакли или концерты из близлежащих сел. Наряду с этим, в этот период все большее распространение стали получать «театральные поезда», которые представляли собой автотранспортную систему подвоза на спектакль всех желающих, ибо труженики полей практически не имели возможности приезжать в краевой центр, чтобы в прекрасном помещении и с «комфортом» посмотреть спектакль в полном художественном и профессиональном оформлении. К сожалению, на этой волне не все театры работали с полной отдачей своих творческих сил. Гонясь за выполнением и перевыполнением «творческого плана по показу спектаклей» театры редко показывали сельскому зрителю свои лучшие работы. Часто в их репертуаре, а также в программах концертных коллективов имелись произведения, которые по отзывам театральных критиков, были «неглубоки по содержанию, примитивны по форме», а «исполнительская манера артистов не всегда была совершенной» [4, с. 20].

Большое значение в нравственном и эстетическом воспитании советских людей имело и музыкальное искусство. Особая роль в этом деле принадлежала детским музыкальным школам, ибо любовь к прекрасному, хороший вкус, понимание музыки лучше всего познавалось и закреплялось с детских лет. Это понимали и партийно-советские органы области. Первая детская музыкальная школа в области была открыта в 1952 г. Спустя 20 лет, в Горном Алтае уже существовало 7 таких школ, в которых обучалось 660 детей [5, л. 7]. Их выпускники имели право продолжать бесплатное музыкальное образование в училищах и консерваториях страны. Но, несмотря на положительные моменты, в этой сфере существовали и проблемы, с которыми то и дело сталкивались наши музыкальные школы. В числе главных из них находился отсев учащихся, а также недостаток в музыкальных школах квалифицированных преподавателей. Кроме того, в зимний период времени очень остро вставал вопрос с отоплением музшкол. Так, из-за нехватки дров (и это в Горном-то Алтае!) и угля, музыкальные школы закрывались, причем, достаточно часто на весьма длительное время.

Говоря о дальнейшем культурном развитии населения Горного Алтая, следует сказать несколько слов и о культурно-просветительской работе среди жителей области средствами кинематографии. В интересующий нас период времени в стране широко практиковались тематические показы лучших советских кинокартин, фестивали сельскохозяйственных фильмов, смотры — конкурсы любительских фильмов, кинолектории и т. д. Все эти формы просветительской работы имели место и в нашей области. Особенно широко практиковались кинопросмотры, причем не только в сельских Домах культуры и клубах, но и на рабочих местах. Активную роль в показах кино на рабочих местах играли киноорганизаторы, распространявшие билеты среди рабочих цехов, смен фабрик и заводов. На показы лучших советских фильмов даже отпечатывались типографным способом приглашения, в которых ука-

зывалось название фильма, его производство и исполнители главных ролей. Доставка приглашений на дом осуществлялась через Союзпечать, путем их вкладывания в подписанные издания. Широко использовалась и такая форма распространения билетов, как продажа абонементов. Администрация и общественные комитеты заводов и фабрик, приобретая абонементы у киноорганизаторов, вручали их лучшим производственникам на общих профсоюзных собраниях и других массовых мероприятиях. С целью привлечения большего количества посетителей в кинозалы, по городскому радиовещанию регулярно организовывались выступления работников кинотеатров для ознакомления кинозрителей с содержанием предстоящего кинофильма [6, л. 21].

Неизменным атрибутом нашей жизни в советский период времени было социалистическое соревнование. Оно проводилось повсеместно по нашей стране, устраивалось между различными организациями, в том числе и кинотеатрами. Так, в 1967 г. в Горном Алтае было организовано массовое социалистическое соревнование между кинотеатрами им. М. Горького и «Голубой Алтай», посвященное достоянной встрече 50-летия Октябрьской революции и краевой конкурс на лучшую киносеть среди городов края. По итогам последнего киносеть г. Горно-Алтайска заняла второе место и получила в подарок магнитофон от отдела кинофикации облисполкома [1, л. 20]. Но, как и в любой другой сфере нашей жизни, в работе киносети имели место и некоторые недостатки. В частности, во многих дирекциях киносети была плохо организована массовая работа со зрителем, часть кинотеатров долгое время находилась на ремонте, а в некоторые из них простаивали из-за нехватки кадров.

Говоря о вышеназванных культурно-просветительских учреждениях, следует отметить, что в их число входили также Дворцы, Дома культуры и клубы. Кстати, последние исследователи (в частности, историк Уральского научного центра Р. К. Шеметило) вполне справедливо назвала «постоянно развивающимся общественным институтом, который путем передачи информации и средствами общения осуществлял и осуществляет воспитание, просвещение, развитие творческих способностей и отдых большой разнородной аудитории» [7, с. 80]. Этот «очаг народной культуры» давно завоевал признание масс и в Горном Алтае. Но наиболее заметный подъем клубной работы в Горно — Атайской автономной области стал просматриваться с 1965 г. Кстати, клубами было проведено 590 тематических вечеров, которыми было охвачено более 59 тыс. человек. Спустя пять лет (на 1 января 1970 г. — Н. С.), количество тематических вечеров возросло до 1482 и их посетило уже более 109 тыс. человек [8, л. 4]. Чтобы закрепить все эти положительные результаты, которые рождались и закреплялись в клубной работе, областное управление культуры стало практиковать проведение тематических вечеров, устных журналов, вечеров вопросов и ответов под общим девизом: «Никто не забыт, ничто не забыто».

Разворачивая в этом направлении работу, областное управление культуры и руководимые им подразделения уделили значительное внимание культурному обслуживанию населения, особенно живот-

новопроводов, проживавшим на отдаленных от населенных пунктов и центральных ферм своих колхозов и совхозов стоянках. Для их регулярного обслуживания стали использоваться, начиная с конца 60-х гг., культпросветпередвижки и автоклубы, которые принимали активное участие в подготовке различных культурно-просветительских мероприятий, в частности, Дней животноводов, полеводов, которые превратились со временем, с одной стороны, в профессиональные праздники тружеников сельского хозяйства (День чабана, День верблюдовода, День борозды и т. д.), а с другой, стали формой активной культурно-просветительской деятельности сельских Домов культуры и сельских клубов [8, с. 200]. Впоследствии для более широкого охвата животноводов и их более полного обслуживания на местах скопления стоянок стали создаваться Дома животноводов, в которых имелись кинозал, комната-гостиница, медпункт, баня, магазин. В определенный заранее день сюда, когда съезжались животноводы с окрестных стоянок, приезжали медицинские работники, артисты культбригад, лекторы и др.

Говоря о формах и методах культурно-просветительской работы на селе, следует подчеркнуть, что в изучаемый нами период весьма заметной особенностью культурной жизни населения сельской

местности было не только наличие клубов Домов культуры, библиотек, кинотеатров и киноустановок, детских музыкальных школ, музеев и культурных комплексов. Наряду с привносимыми ими в жизнь советской деревни культурными ценностями, в значительной мере достоянием ее жителей стали и духовные ценности всемирно-исторического значения, которые были доступны большинству трудящихся независимо от их общественного положения, уровня образования и места проживания.

Таким образом, подводя итог всему вышеизложенному, можно констатировать, что, наряду с высокими показателями различных отраслей культуры и разветвленной сетью Домов культуры, культурное развитие Горного Алтая, как и страны в целом, было сложным и противоречивым. Чтобы устранить эти «сложности» и «противоречия», необходимо было постоянно совершенствовать материально-техническую базу всех существующих учреждений культуры, причем не только в нашей области, но и в целом по стране. Кроме того, необходимо было рационально использовать имеющиеся в распоряжении учреждений культуры материальные, финансовые и трудовые ресурсы, а также постоянно повышать профессиональный уровень всех работников культурно-просветительских учреждений.

Библиографический список

1. Комитет по делам архивов Республики Алтай (КПДА РА) Ф. 190. Оп. 8. Предисловие к описям.
2. Народное образование, наука и культура в СССР. Стат. сб. М.: Статистика, 1977.
3. КПДА РА Ф.190. Оп. 7. Д.29.
4. Актуальные проблемы развития культуры Алтая. Барнаул: Алтайское кн. издательство, 1978.
5. КПДА РА Ф.190. Оп. 8. Д. 45. Л. 7.
6. КПДА РА Ф. 3. Оп. 1. Д. 442.
7. Шеметило, Р. К. Рабочий клуб и развитие социальной активности трудящихся / Р.К.Шеметило // Культура молодого социалистического города. — Свердловск, 1972.
8. Медведев И.Ф. Социально-экономическое развитие села национальных образований Сибири (1960—1985 гг.). Томск, 1994.

Горно-Алтайский государственный университет.
Получено 19.08.08.

N. N. Stratu

CULTURAL LIFE OF THE INHABITANTS OF THE GORNY ALTAI AUTONOMOUS REGION IN 1960—1970.

In the article on the basis of archive sources and published stuffs some features of operation of entities of culture of the Горно-Altai autonomous region are illuminated.

museum, theatre, library, control of culture, musical art, house of culture, cinema, film installation

УДК 26

А. С. Фетисов

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НЕТРАДИЦИОННЫХ РЕЛИГИОЗНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ В ГОРНОМ АЛТАЕ В 1998—2002 гг. (на примере строительства «Храма всех народов»)

В статье, на основе архивного материала, а также привлечения публикаций в печатных СМИ, анализируется деятельность нетрадиционных религиозных организаций в Горном Алтае в 1998-2002 г.

Горный Алтай, религия, нетрадиционные религиозные организации, общественность, «Храм всех народов»

Одной из основных тенденций развития религиозной ситуации в Горном Алтае была (наряду с традиционными религиозными системами) активная деятельность новых религиозных учений. Следует отметить, что для нетрадиционной религиозности изначально было характерно стремление к

экуменизму. Одной из таких попыток «всемирного объединения церквей» была попытка строительства в заповедной зоне Улаганского района, на берегу Телецкого озера так называемого «Храма всех религий» или «Храма всех народов». Данная история брала своё начало в 1998 г. В это время гражданка

Австрии, некая Агнесс Риттер увидела репродукцию с видами Телецкого озера. Горный пейзаж так понравился ей, что она немедленно заявила, что именно это место и было указано ей Богородицей в недавнем ее видении, для строительства храма. Побывав в туристической поездке в Горном Алтае, госпожа Риттер окончательно утвердилась в этом своем намерении: возвести культовое сооружение в устье р. Чулушман, между урочищами Актра и Какайха. В состав планирующегося туристического комплекса должны были входить: гостиница (на 19 мест), два деревянных домика (на 14 мест), храм и домик для проживания священника. Причем, судя по планировке, храм предполагался католического типа. Подобный храм был уже построен представителями данной организации в Волгограде. Очередная попытка такого строительства расценивалась как подготовка плацдарма для иностранных миссионеров, но теперь уже в Улаганском районе. В переводе с немецкого, в тексте были слова, раскрывавшие суть намерения, построить «церковь всех наций... чтобы покорять Россию и помочь всему миру» [1]. К предполагаемому храму было начато строительство дороги. При этом местной администрации с. Артыбаш было заявлено: «Если будет храм, мы дадим деньги на строительство молодежного комплекса» [2]. Именно таким образом и было добыто «инициаторами» строительства согласие местных властей, а точнее — куплено. И это при том, что местное население высказывало резкий протест по поводу «строительства на берегу Телецкого озера «гносного экуменистического храма», направленного на раскол единства народа, на разжигание межрелигиозной розни» [3]. В адрес Главы Республики Алтай С. И. Зубакина неоднократно поступали коллективные письма от жителей Турочакского и Улаганского районов, в которых они высказывали просьбу пресечь попытки тех, кто пытается «осквернить святыни наши и землю нашу» (на месте, где планировалось возвести «Храм всех народов», в дореволюционное время был мужской православный монастырь, и строительство на его месте католической церкви было воспринято местным населением как святотатство — А. Ф.) [4, л. 6-7]. Под одним из таких последних стояли подписи 131 чел. [5]. Население требовало не только запретить само строительство, но провести мероприятия, которые бы исключили саму возможность подобного в дальнейшем. Кроме того, свой протест выразили и представители традиционных религиозных организаций, считая попытку строительства данного храма актом проникновения в Горный Алтай римско-католической церкви. Столкнувшись с таким отношением местного населения, представитель австрийской стороны, г. Альфред Манько, являвшийся уполномоченным представителем Австрийского коммерческого советника Иоханна Брейтштофа (активно способствовавшего скорейшему проведению строительных работ и выделявшего деньги на строительство — А.Ф.), обратился с проектом сооружения «Храма всех народов» в Барнаульское Епархиальное Управление, прося оказать содействия в преодолении негативного отношения к инициаторам строительства со стороны местного населения и властных институтов различного уровня. В ответе, направленном 24 декабря

1998 г. на имя Главы Республики Алтай С. И. Зубакина (копия которого была передана г. Альфреду Манько), епископ Барнаульский и Алтайский Антоний (И. И. Масендич) отметил, что вопрос о строительстве данного храма в Горном Алтае, на месте впадения р. Чулушман в Телецкое озеро был рассмотрен на расширенном заседании епархиального Совета, на котором было принято решение о том, что Епархиальный Совет Барнаульской епархии Русской Православной Церкви может одобрить строительство «в вышеозначенном месте только православного храма». Но «Храм всех народов» таковым не является. Поэтому Барнаульская епархия никоим образом не поддерживает планов его возведения» [4, л. 8].

Таким образом, под воздействием общественности, в 1998 г. строительные работы по возведению вышеуказанного храма были приостановлены.

Однако, 1 января 1999 г. на имя Главы Республики Алтай С. И. Зубакина поступило обращение Алтайско-Австрийского общества, подписанное его Президентом Ж. К. Садыковым (коренным жителем нашей Республики, подобная практика по привлечению местного населения к продвижению проектов строительства культовых зданий или регистрации нетрадиционных религиозных общин в Горном Алтае уже имели место — А. Ф.). Алтайско-Австрийское общество просило выдать разрешения на оформление документов по отводу земельного участка в устье р. Чулушмана, на правом берегу, у Телецкого озера под строительство «Храма всех народов» [4, л. 10].

В ответ на это обращение, Правительство Республики Алтай дало заключение, в котором сообщалось, что согласно ст. 28. Земельного Кодекса России, организации, заинтересованные в строительстве объекта, должны были обращаться в местную администрацию с ходатайством о предварительном согласовании места его размещения, обосновав примерные размеры земельных участков, а также сроки пользования землей, которая обеспечивает выбор земельного участка. Предварительного разрешения Правительства на оформление документов по отводу земельного участка не требовалось [4, л. 11]. Для того, чтобы на месте разобраться в ситуации, в Улаганский район была командирована специалист Комитета по информационной и национальной политике, связям с общественностью Правительства Республики Алтай С. Ч. Пустогачева. Она приняла участие в работе схода жителей с. Балыкча (Улаганский район), проходившем 12 февраля 1999 г. (по вопросу о выдаче разрешения на оформление документов по отводу земельного участка в устье р. Чулушман (правый берег) у Телецкого озера под строительство «Храма всех народов») [4, л.10]. На собранном «просителями» сходе выступал представитель австрийской стороны (Альфред Манько), который заявил, что храм должен быть построен в честь Девы Марии, которая являлась несколько раз австрийке Агнесс Риттер во сне. По его словам, намерения австрийской стороны носили чисто религиозный характер и он был очень удивлен отказом в отводе земельного участка, т.к. они (представители австрийской стороны), могли бы оказывать гуманитарную помощь жителям с. Балыкча. Кроме того, по его словам, строительство храма могло бы привлечь дополнительные инвестиции в бюджет как самого с. Балыкча, так и Улаганского райо-

на в целом. Выслушав г. Манько, местные жители заявили ему, что в Чулышманской долине более 130 лет присутствовала Русская Православная церковь и что все ее жители крещены по православному обряду. На все их возражения г. Манько выдвигал один аргумент: место для строительства «Храма всех народов» указала Пресвятая Богородица. Тогда участники схода задали ему резонный вопрос: «А почему же Пресвятая Богородица не явилась никому из жителей с. Балыкча, чтобы указать место для возведения храма, ведь мы тоже христиане?» Но этот вопрос высокий австрийский чиновник оставил без ответа.

Словом, мнение участников схода было однозначным: «Храм всех народов» на их земле — не строить и земельный участок под него — не отводить. Мнение жителей села поддержал и Глава районной администрации Улаганского района И. С. Куюков. Основываясь на вышесказанном, Глава Республики дал поручение, И. В. Седашеву (председателю земельного комитета), В. И. Чичинову (министру культуры) и Е. В. Савченко (юристу Правительства РА) изучить все нормативные документы, касающиеся отвода земельных участков, прав религиозных и общественных объединений в этой сфере, и изыскать возможности для отказа в выделении земельного участка под строительство «Храма всех народов». Выводы должны были быть представлены Главе Республики Алтай в 15-дневный срок, т.к. данный вопрос находился под непосредственным его контролем [4, л. 14].

Кроме того, подобный же запрос был сделан от имени Главы Республики Алтай в Комитет по информационной и национальной политике общественным связям Республики Алтай. В ответ на него тот направил 22 февраля 1999 г. на имя Главы Республики документ [4, л. 38-39], в котором отмечалось, что на обращение Алтайско-Австрийского общества о выдаче разрешения на отвод земельного участка под строительство «Храма всех народов», Комитет, всесторонне обсудив данный вопрос, пришёл к заключению о невозможности выделения земельного участка под данное строительство по следующим причинам. Основываясь на федеральном законодательстве «Об общественных объединениях», Алтайско-Австрийская общественная организация была зарегистрирована в министерстве юстиции Республики Алтай 5 января 1999 г. (за №277). Согласно Федеральному закону «О свободе совести и религиозных объединениях» (ст. II п. 5), установлено, что «для государственной регистрации местной религиозной организации учредители обязаны представить в соответствующий орган юстиции документ, подтверждающий существование религиозной группы на данной территории на протяжении не менее пятнадцати лет». Римско-католическая церковь в Горном Алтае не зарегистрирована и религиозной конфессии здесь не имела. На основании вышеперечисленного, строительство «Храма всех народов» (по просьбе Алтайско-Австрийского общества) невозможно. Согласно традиционным верованиям коренного населения Горного Алтая, Земля и Вода («Жер-Суу») священны и являются объектами религиозного поклонения. У основания горы, на вершине которой предполагалось строительство «Храма всех народов», находится целебный сероводородный ис-

точник «Адышту», который с древних времён является объектом поклонения всего алтайского населения и пользуется широкой известностью, благодаря своим целебным свойствам. Уважая свои религиозные и национальные чувства, жители с. Балыкча (Улаганского района) собрали по своей инициативе 306 подписей под заявлением о своём крайне отрицательном отношении к строительству [6]. «Сессия депутатов Улаганского района, состоявшаяся 15 декабря 1998 г., поддержала заявление подписанное практически всем взрослым населением с. Балыкча [4, л. 12-13]. Выразили своё отрицательное отношение и депутаты района к притязаниям Алтайско-Австрийского общества, подчеркнув тем самым свою «оскорблённость» действиями миссионеров «Храма всех народов», которые даже не сочли нужным обратиться к администрации района. 12 февраля 1999 г. собрался очередной сход жителей с. Балыкча, на котором они однозначно высказались против строительства католического храма на своей территории. Их отказ обосновывался тем, что основная часть населения являлась православными христианами и наличие другой религиозной организации может спровоцировать раскол и вражду среди верующих. Мнение схода поддержал и глава районной администрации И. С. Куюков. Руководствуясь поступившими в распоряжение Комитета по информационной и национальной политике и общественным связям Республики Алтай документами, а также выражая общее отношение населения Республики (религиозных конфессий, общественных организаций) к строительству «Храма всех народов» у Телецкого озера, он подчеркнул в принятом им решении, что возведение последнего в указанном районе нежелательно, а потому запрос об отводе земельного участка Алтайско-Австрийскому обществу следует отклонить [4, л. 12-13]. Такой же документ был отправлен на имя Главы Республики Алтай и министром культуры Республики Алтай В. И. Чичиновым [4, л. 38-39].

Тщательнейшим образом, рассмотрев весь комплекс поступивших по вышеозначенному вопросу документов, а также учтя мнение различных государственных ведомств, Правительство Республики Алтай приняло окончательное решение: отказать просителям в выделении земельного участка в районе Телецкого озера под строительство «Храма всех народов». О чём и было официально сообщено 29 марта 1999 г. Президенту Алтайско-Австрийского общества Ж. К. Садыкову [4, л. 5].

В направленном ему письме говорилось: «Рассмотрев просьбу общества о выдаче ему разрешения на оформление документов по отводу земельного участка в устье р. Чулышман (правый берег, у Телецкого озера под строительство «Храма всех народов», Правительство Республики Алтай сообщает, что в соответствии со статьей 28 Земельного кодекса РФ от 1991 г., при отведении земельных участков под строительство и другие цели, в местах проживания малочисленных народов и этнических групп, местные власти учитывают мнение этих граждан, общественных организаций и объединений путём проведения референдума, собраний или иных форм коллективного мнения, что и было сделано с жителями с. Балыкча и депутатами Улаганского районного совета. Жители с. Балыкча по своей иници-

циативе собрали 306 подписей под заявлением о несогласии на проведение строительства «Храма всех народов» на их территории. Сессия депутатов Улаганского районного Совета 15 декабря 1998 г. поддержала заявление, подписанное жителями с. Балыкча, и приняла решение о не разрешении строительства, в полном соответствии со ст. 16 Конституции Республики Алтай, где сказано, что владение, пользование и распоряжение природными ресурсами не может осуществляться в ущерб интересам народа, проживающего на соответствующей территории, а также в соответствии с Федеральным законом от 26 сентября 1997 г. (№125-ФЗ) «О свободе совести и религиозных объединениях», где указано, что ходатайствовать об отводе земельного участка под строительство религиозного объекта «Храма всех народов» может только официально зарегистрированная в Министерстве юстиции религиозная организация, т.е. будущий землепользователь. Однако Алтайско-Австрийское общество зарегистрировано 5 января 1999 г. (за №277) как общественная, нерелигиозная организация и поэтому отведение и закрепление за ней земельного участка для указанных целей противозаконно. Наконец, против строительства вышеуказанного объекта выступили 20 общественных союзов, организаций и объединений Республики Алтай, опубликовавших своё заявление в республиканском еженедельнике «Звезда Алтая» (11 марта 1999 г.). В соответствии с вышеуказанными основаниями, Правительство Республики Алтай не сочло возможным дать согласие на оформление документов на отвод земельного участка под строительство «Храма всех религий» на запрашиваемой территории [4, л. 51-52].

Но австрийская сторона (в лице Ж. К. Садыкова, как уполномоченного коммерческого советника И. Браетштофа) стала искать другие возможности для строительства религиозного объекта, но уже не «Храма всех народов», а католической церкви. Она предложила, по договоренности с дирекцией ЭЭР «Алтай», возвести в Турачакском районе, на берегу Телецкого озера, туристический комплекс с католической церковью [5]. В таком предложении, естественно, нет прямого нарушения Федерального закона «О свободе совести и религиозных организациях», поскольку религиозные организации католиков являются официально зарегистрированными в России. Комитет по информационной и национальной политике и общественным связям Правительства Республики провёл, в связи с поступившим предложением, специальное заседание круглого стола на тему «Строительство католической церкви на берегу Телецкого озера» [7]. Одним из основных вопросов, обсуждавшихся на нем был вопрос о конфессиональной принадлежности инициаторов строительства «Храма всех народов». В связи с этим, организаторы круглого стола направили запрос в Преображенскую Епархию Римско-Католической церкви (г. Новосибирск), епископу Иосифу Вергу, с

просьбой дать официальное подтверждение, что строительство католического храма в Турачакском районе благословлено им, а место, где встанет церковь, освящено духовными лицами римско-католической церкви. Ответ епископа Иосифа был предельно краток: «Строительство католической церкви на берегу Телецкого озера и туристического комплекса — дело частной инициативы группы лиц и отношения к официальной католической церкви Западной Сибири (куда входит и территория Республики Алтай — А. Ф.) не имеет» [1]. Таким образом, зная строгую иерархию и дисциплину в католичестве, можно констатировать, что инициатива строительства «Храма всех народов» исходила от совершенно неизвестной религиозной организации из Австрии.

Но, несмотря на все перипетии вокруг этого вопроса, строительство храма в 2002 г., в обход общественного мнения, было продолжено. Это стало возможным, благодаря разрешению, полученному инициаторами строительства от главы администрации Улаганского района И. С. Куюкова. Кроме того, если в 1998 г. местное население активно возражало против строительства храма, то в дальнейшем жители посёлков Артыбаш и Иогач уже не проявляли присущего им до этого беспокойства.

Из 1200 человек взрослого населения этих посёлков было опрошено 838 человек. За продолжение строительства высказалось 798 граждан, против — лишь 40 [4, л. 6-7]. Такого рода метаморфоза в их сознании объяснялась тем, что Артыбаш был одним из туристических центров Горного Алтая и возведение здесь католического храма сулило приток туристов, в том числе и иностранных. Однако общественность Республики своего отношения к строительству не изменила и продолжала настаивать на недопустимости строительства «Храма всех народов» в районе Телецкого озера. Под давлением общественного мнения, Правительство РА (во главе с М. И. Лапшиным), вновь подтвердило (в 2002 г.) запрет на строительство вышеуказанного храма.

Таким образом, можно отметить, что в рассматриваемый период нетрадиционные религиозные организации действовали на территории Горного Алтая достаточно активно. Это стало возможным, благодаря наличию у них значительных материальных ресурсов, что позволяло им проводить активную работу по вовлечению в свои ряды новых адептов из числа коренного населения региона, отдельные представители которого и выступили, в конечном счете, инициаторами в деле регистрации религиозных общин католиков и строительства их культовых зданий. И подобная практика была в ходу почти повсеместно. Однако в ситуации со строительством «Храма всех народов», общественность (в том числе и представители алтайского этноса) и власти региона проявили редкое единодушие, что позволило поставить заслон проникновению в Горный Алтай нетрадиционной для него религии.

Библиографический список

1. Страсти по костёлу. Межконфессиональные распри докатились до Горного Алтая. «Звезда Алтая». 1 мая 2002 г.
2. Пустогачева С. Пора поставить точку. «Звезда Алтая». 19 сентября 1999 г.
3. Варванец В. Вторжение в Горный Алтай. «Звезда Алтая». 14 ноября 1998 г.
4. Государственный архив Республики Алтай (ГАРА). Ф. Р-725. Оп. 3. Д. 49. Л. 6-7.
5. Борисова О. Не стать соучастниками преступления. «Звезда Алтая». 30 мая 2002 г.
6. Звезда Алтая от 12 января 1999 г.

7. Текущий архив Комитета по информационной и национальной политике, связям с общественностью при Правительстве Республики Алтай.

Горно-Алтайский государственный университет.
Получено 25.08.08.

A. S. Fetisov

SOME ASPECTS OF ACTIVITY OF NONCONVENTIONAL RELIGIOUS ORGANIZATIONS IN MINING ALTAI IN 1998-2002 гг. (on an example of building «of a Temple of all peoples»)

In the article on the basis of an archive stuff, and also engaging of the publications in printed mass-medias the activity of nonconventional religious organizations in Mining Altai in 1998-2002г is analyzed.

Mining Altai, religion, nonconventional religious organizations, sociability, «a Temple of all peoples»

УДК 39.05.31.

А. А. Яковлев

СОЦИАЛЬНО-ДЕМОГРАФИЧЕСКАЯ СИТУАЦИЯ СРЕДИ НАСЕЛЕНИЯ ВЕРХОВИЙ Р. БУХТАРМЫ (по материалам этнографической экспедиции 1978 г.)

В статье, на основе полевых материалов, собранных этнографической экспедицией 1978 года, изучена социально-демографическая ситуация среди населения верховий Бухтармы.

Республика Казахстан, независимость, р. Бухтарма, этнографическая экспедиция, освоение и заселение региона, хозяйственная деятельность, национальный состав населения, социально-демографическая ситуация

Распад в декабре 1991 года Советского Союза положил начало рождению (на базе бывших союзных республик) новых суверенных государств. Был в их числе и суверенный Казахстан, независимости которого ныне исполняется 17 лет. За это время произошло немало событий в жизни Республики Казахстан. Не стала исключением в этом плане и социально-этнографическое и этно-демографическое развитие нашего государства, его отдельных областей и регионов, в том числе и территории, населенных пунктов, входивших в состав Урыльского сельского совета и привлечших наше внимание.

Тема настоящего сообщения связана с освещением одного из аспектов вышеуказанной проблематики: в нем рассматривается социально-демографическая ситуация, присущая населению проживавшему в верховьях р. Бухтармы накануне провозглашения независимости Республики Казахстан. Источниковой базой для такого исследования послужили материалы, накопленные в процессе работы этнографической экспедиции, участниками которой были сотрудники Восточно-Казахстанского областного этнографического музея и кафедры этнографии МГУ им. Ломоносова. Научные исследования проводились ими, в основном, в с. Урыль, а также в селах Енбек, Джамбул, Берель, Арчаты с 7 по 20 августа 1987 года. Наряду с указанными населенными пунктами, собиралась интересующая ученых информация также и по селам Фадиха, Рахмановские Ключи, Язёвка и Чубар-Агач. Сбор необходимых сведений осуществлялся двумя путями: а) выявлением их из похозяйственных книг сельских Советов и б) получение сведений от информаторов — жителей вышеуказанного региона.

Как известно, освоение и заселение его русскими происходило в первой половине XVIII века и шло, как правило, опять-таки, двумя путями: во-

первых, благодаря расселению казаков с Иртышской и Бухтарминской оборонительных линий и, во-вторых, — путём освоения новых мест «каменщиками» (старообрядцами Бухтарминской долины). Первыми было основано с. Урыль, а «вторыми» — с. Берель. Позднее — тем и другими — были основаны ныне существующие и множество существовавших сёл и заимок (Болтовская заимка, Визигина заимка, Куимова пасека, Белова пасека и др.). Основными хозяйственными занятиями их насельников (главным образом, русского населения) были земледелие и скотоводство. Они занимались разведением крупно-рогатого скота, лошадей и овец. Специфической отраслью их хозяйства было разведение маралов. Весомым подспорьем указанным отраслям хозяйства бухтарминцев служила охота на пушного и промыслового зверя, рыбная ловля и пчеловодство. Были развиты у них и различные ремёсла: бондарное, гончарное и др. Знакомы были бухтарминцы и с местными аборигенами, поскольку по территории, населённой казаками и «каменщиками» региона, пролегали пути кочёвок казахов. Они, как правило, проходили вдоль гор («белков»), поскольку в летнее время казахи пасли свой скот в высокогорье, а осенью — «спускали его на зимники». Словом, кочевое скотоводство было основным занятием местного аборигенного населения.

На момент обследования население вышеуказанных населённых пунктов было приписано к двум сельским Советам: Урыльскому и Джамбульскому. Первый сельский Совет, т. е. Урыльский, был образован, согласно документации, хранящейся в архиве г. Зырянска (филиал Государственного архива Восточно-Казахстанской области (ГВАО), фонды 79, 80) в 1920 году. Такого же рода информацию сообщила нам и наш информатор Машинская А.К., 1906 года рождения. Тогда, в 1920-х гг., по ее сло-

вам, в с. Урыль было около 150 дворов [1]. Административная принадлежность с. Урыль менялась, согласно воспоминаниям А. К. Машинской, несколько раз: с 1920 по 1939 гг. это был Урыльский сельский исполнительный комитет Совета рабочих, трудовых, казахских, красноармейских и казачьих депутатов, а само с. Урыль находилось в составе Черновинской волости, Бухтарминского уезда, Семипалатинской губернии РСФСР; с 1939 по 6 октября 1977 года Урыльский сельсовет и его исполнительный комитет, а также само с. Урыль состояло в Катон-Карагайском районе. С 7 октября 1977 года сам район и село Урыль находились в составе Катон-Карагайского района, Восточно-Казахстанской области. На момент проведения обследования в состав Урыльского сельсовета входили следующие сёла: Урыль (555 хозяйств), Енбек (164), Арчаты (в 43 км. от сельсовета, 185 хозяйств). Кроме того, к нему было приписано несколько зимовок, в частности, зимовка Сартапсень (12 км, которую обслуживали 25 чел.), Подхозная ферма (ее обслуживало 25 чел.), Чиндагатуй (в 90 км от сельсовета, где располагались две зимовки и застава, две семьи проживали там постоянно). Имелись такого рода места проживания людей и у других сел. Так, к с. Арчаты относились зимовка №1 и зимовка №2 (Саргаль, в 75 км от села); к с. Енбек — зимовки Каражан (в 3 км от села); Тарбагатай (в 50 км от села); Алатай (в 100 км от села). Каждую из зимовок обслуживали, как правило, две семьи. В обследованный нами Джамбульский сельский Совет входили следующие сёла: Джамбул (161 хозяйство), Берель (20 км от сельсовета, 151 хозяйство), Фадиха (в 15 км, 31 хоз-во), Рахмановские Ключи (56 хозяйств), Язёвка (34) и Чубар-Агач (18 хозяйств) [2].

Топонимика обследуемого региона была смешанной (главным образом, русско-казахская). В силу этого, в одном и том же населённом пункте присутствовали и русские, и казахские названия. Так, к примеру, в с. Урыль отдельные его части носили названия «Темирчи», «Горочка», «Зелёный Клин», «Боганас». Однако подавляющее число названий, были все же русского происхождения. Названия же гор, лугов, и других природных мест были связаны или с какими — либо их внешними признаками, либо с именем (фамилией) бывших их владельцев (пользователей). Вот лишь некоторые примеры такого рода названий: «Черёмуховая яма», ключи — «Осиновка», «Сухой», «Большой», речки — «Берёзовка», «Тихая», лога — «Визигин», «Варламышев», «Болтовский», «Потанин», заимки — «Буторина», «Накпаева яма», «Прохорова яма». Первоначальные названия улиц, естественно, не были официальными, а имели характер прозвищ- «Волчий край», «Зелёный клин», «Романова улица» и т.д. В советский период улицы стали получать официальные названия — имени Кирова, Советская, Ленина, Заставская и др.

Руководствуясь программой обследования, в первую очередь подверглась изучению основная отрасль хозяйства региона. На время исследования таковой в нем являлось мараловодство (им занимались фермы и отделения Катон-Карагайского маралосовхоза). Наряду с ним, разрабатывались на их территориях также лесоучастки, продукция которых, главным образом, лес вывозился на автомашинах в г. Усть-

Каменогорск. В отдельных селах были и другие производства. К примеру, в с. Берель, кроме лесничества, функционировал также «райавтодор».

Если говорить о социальной структуре, которая интересовала исследователей, то она выглядела следующим образом. Во всех селах обследуемого региона имелись медпункты, а в с. Урыль имелась больница на 27 коек, в которой работали детский врач и два терапевта. Детские сады имелись только в центрах сельских Советов. В частности, в с. Урыль функционировал детский сад на 140 мест. Средние школы имелись также в центрах сельских Советов. Кроме того, в с. Урыль работала школа-интернат. Были в регионе и восьмилетние школы. Они работали в селах Берель, Енбек и Арчаты, а в сс. Фадиха и Рахмановские Ключи — начальные школы. Долгое время языком преподавания в школах были казахский и русский. Однако с середины XX века, в них стала настойчиво внедряться практика все большей замены в преподавании русского казахским. По информации, к примеру, Федосьи Галактионовны Шмаковой (1929 года рождения, с 1956 года работавшей учителем начальных классов в школе с. Урыль) в их школе первоначально преподавание велось только на русском языке. Затем организовали два первых класса: один с обучением на казахском языке, другой — на русском. Но с 1972 года обучение в школе велось в основном на казахском языке [2]. На момент обследования в с. Урыль из трёх параллельных классов в двух обучение велось на казахском языке и в одном — на русском. Если обратиться к работе школ в других селах, то картина относительно языка преподавания будет следующей: в с. Джамбул работала средняя школа, где преподавание велось только на казахском языке, в сс. Берель, Енбек и Арчаты — восьмилетние школы работали только на казахском языке, в с. Фадиха — начальная школа с казахским языком обучения. На русском языке, помимо Урыльской средней школы, работала лишь начальная школа в с. Рахмановские Ключи [3].

Если говорить о других объектах социальности, то наша экспедиция выявила по ним следующее. Библиотеки, к примеру, имелись во всех обследованных сёлах. В с. Урыль их было даже две — сельская и школьная. В школах сс. Джамбул и Урыль, наряду с вышеперечисленными объектами социальности, имелись и спортивные площадки, оборудованные по типовым — для учебных заведений — требованиям. На момент обследования клубы работали в селах Джамбул, Берель, Фадиха. В с. Урыль — в месте расположения сельсовета — имелся Дом культуры. Из других социальных объектов, имевшихся в обследованных селах, имелись приёмный пункт комбината бытового обслуживания и общественная баня (в с. Джамбул). Имелись в них и магазины. В частности, протомоварный и продуктовый магазины имелись в селах Урыль, Берель, Джамбул. В остальных обследованных сёлах имелись смешанные магазины. Говоря о торговых точках, следует отметить, что в с. Урыль имелся также и книжный магазин.

Если говорить о транспортном сообщении в обследованном регионе, то оно было только автомобильное. Автобус ходил (два раза в день) в села Берель, Джамбул и Урыль. В остальные селения можно было добраться только попутным транспортом (легковыми и

грузовыми автомашинами и тракторами). Жилые дома в обследованном регионе были, в основном, частные, но, наряду с ними, имелись и казённые дома. Например, в с. Урыль имелось два трехквартирных дома, которые принадлежали сельскому Совету. В этом же селе имелись и газифицированные дома [3].

Если характеризовать населенные пункты обследованного региона с точки зрения демографии, то полученные нами материалы (сведения по миграции населения в с. Урыль, возрастной состав населения сел Урыль и Енбек, численность населения по Урыльскому и Джамбульскому сельским Советам), полученные в Урыльском сельском Совете, а также сведения, полученные от информаторов) дают возможность «нарисовать» следующую картину. Во-первых, они показывают, что с середины XX века в регионе началась смена русского населения казахским. По свидетельству Р. А. Кирюхиной, 1936 года рождения, «раньше в Урыли жили только русские». В начале 1950-х годов, когда она училась в Урыльской школе, то вместе с ней в классе училось только трое учащихся- казахов, а в селе жило всего 10 казахских семей [4]. Потом началась смена населения в селе. Она происходила путём переселения сюда казахов из других регионов и одновременно выезда русского населения в другие места, а также вследствие высокой рождаемости у казахов, по сравнению с русскими. Это «движение» населения подтвердили и «переселенческие материалы», представленные сельским Советом с. Урыль. Намечившаяся тенденция «замены» русскими казахами, была характерна и для последующих лет. В частности, в 1981 году в село прибыло 12 казахских семей (47 чел.), а русских — только 6 русских семей или всего 14 чел., в 1982 году — 9 (25 чел.), русских — 6 (21 чел.), в 1983 году — 10 (41 чел.), русских 4 (15 чел.), в 1984 году — 9 (36 чел.), русских-2 (5 чел.), в 1985 году казахских-12 (41 человек), русских — 4 (11 человек), 1986 году казахских — 15 (42 человека), русских — 5 (18 человек), в 1987 году казахских — 6(19 человек), русских — 2 семьи(5 чел.) соответственно. Таким образом, только за период с 1981 по 1987 гг. в с. Урыль прибыло (с учётом новоселов — одиночек) 674 казаха и только 247 русских, т. е. казахов прибыло в село почти в три раза больше, чем русских. В этой связи, отметим, что на время работы экспедиции, казахи в с. Урыль составляли 57,8% от общего числа

лиц, проживавших в населенном пункте. По двум другим сёлам Урыльского сельского Совета (Енбек, Арчаты) казахи составляли 100% их населения [5]. По утверждению информатора Т. Т.Кусаинова (ветеринарного врача из с. Урыль), у казахов издавна сильно развиты кровнородственные отношения. И при переселении одной казахской семьи на новое место, вместе с ней всегда прибывает ещё несколько семей родственников [6]. Относительно количественного состава семей у русских и казахов информаторы утверждают, что казахская семья, где имеется четверо детей считается маленькой, в то время как в русской семье все выглядит наоборот: в семье, где имеется трое детей, уже считается большой. Если говорить о причинах миграции, то русское население выезжало из региона «по разным бытовым причинам» и старалось устроиться, главным образом, в городе. По свидетельству наших информаторов, одна из причин выезда молодежи из сельской местности заключалась в том, что по окончании школы юноши и девушки уезжали в город (в большинстве своем, на учебу). Оставшись без детей, родители не выдерживали «одиночества» и зачастую, уезжали в город вслед за детьми. Кстати, по этой же причине уехало из села в город немало и казахского населения. Подобный отъезд сельчан сильно обесценил стоимость жилых домов на селе. К примеру, как свидетельствовали наши информаторы, жилой дом в их регионе можно было приобрести всего за 200 рублей. Самый дорогой дом в с. Урыль продавался за две-две с половиной тысячи рублей.

И, наконец, о взаимоотношениях между русскими и казахами в обследуемом регионе. Они, согласно материалам, накопленным в процессе работы экспедиции, и нашим личным наблюдениям были мирными и дружескими. По свидетельству информатора А. К. Машинской, уже упоминавшейся выше, взаимоотношения казахов и русских в их селах испокон были дружественными. Например, её отец дружил с казахом Алибеком, они были «тамырами» (друзьями). Во все времена нередкостью были смешанные русско-казахские семьи [1].

В ходе работы экспедиции была собрана также научная информация и по семейным обрядам (рождение ребенка, свадьба, похороны), народным праздникам, пище, промыслам, ремёслам, истории селений, фольклору, быту и занятиям местного населения, но освещение этих моментов не входит в задачу настоящей статьи.

Библиографический список

1. Воспоминания А.К. Машинской. Личный архив автора. 2. Воспоминания Ф.Г. Федюхиной. Личный архив автора. 3. Восточно-Казахстанский областной архитектурно-этнографический и природно-ландшафтный музей-заповедник (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан, ул.	Головкова, 29). Научный архив. Материалы этнографической экспедиции 1978 г. 4. Воспоминания Р. А. Кирюхиной. Личный архив автора. 5. Архив Урыльского сельского совета. 1981—1987 гг. 6. Воспоминания Т. Т. Кусаинова. Личный архив автора.

Усть-Каменогорский государственный университет.
Получено 21.07.08.

A. A. Yakovlev

THE SOCIAL AND DEMOGRAPHIC SITUATION AMIDST OF POPULATION OF UPPER REACHES OF BUHTARMA (by of materials the ethnography expedition 1978 year).

In article on the field of materials, collect the ethnography expedition of 1978 year, study social and demographic situation amidst of population of upper reaches of Buhtarma.

Republic Kazakhstan, independence, ethnography expedition, development and populate of region, economical activity, national the composition of population, social and demographic situation amidst of population

РЕЦЕНЗИИ

**Аблажей Н.Н. С востока на восток:
Российская эмиграция в Китае.
Новосибирск: Изд-во СО РАН,
2007. — 300 с.**

Распад СССР и суверенизация России пробудили, как известно, необычайный интерес людей к отечественной истории. В эпицентре возникшей тяги к ее правдивому познанию оказались многие вопросы прошлого и настоящего российских народов. В их числе были и те, которые до недавнего времени составляли «государственную тайну», в силу чего информация, касавшаяся их, хранилась за «семью печатями».

К числу таковых, засекреченных тем относилась и история эмиграции и реэмиграции в СССР. Ее изучение — в силу «особой секретности» — было практически невозможно, поскольку любая информация, касавшаяся этой проблематики, как справедливо подметил автор рецензируемой монографии (речь о которой пойдет ниже), затрагивала все «уровни существовавшей тогда государственной и политической власти (с. 4)». И лишь рассекречивание «спецхранов» позволило исследователям вплотную прикоснуться к «запретному плоду», что принесло им, исторической науке в целом, осязаемые результаты.

Один из них — рецензируемая нами капитальная монография — «С востока на восток: Российская эмиграция в Китае (Новосибирск, изд-во СО РАН, 2007. — 300 с.)», — автором которой является Н. Н. Аблажей — один из немногих серьезных исследователей, многие годы занимающегося изучением вышеозначенной проблемы.

В центре внимания исследования Натальи Николаевны стоит история российской диаспоры в Китае, сформировавшейся из выходцев Российской империи и СССР. Хронологические рамки книги охватывают достаточно значительный период: от начала массовой эмиграции из России, порожденной сначала событиями первой мировой войны, а затем — гражданского противостояния 1917-1920 гг. в Советской России, и до репатриации, имевшей место во второй половине 50—начале 60-х гг. прошлого столетия.

Чтобы решить поставленные перед собой задачи, каждый автор особое внимание уделяет источниковой базе исследования. Если говорить о рецензируемой работе, то она у Н. Н. Аблажей, без преувеличения, весьма солидна. Ею использованы в книге материалы 61 фонда центральных (федеральных) и 23 региональных архивов, 33 периодических изданий (18 газет и 15 журналов, в том числе один — на китайском языке), а также значительное количество разнообразных документальных публикаций, в числе которых шесть — на китайском языке, и мемуарных источников. Говоря о последних, нельзя не отметить (как положительный момент) «фокусированные интервью», проведенные автором рецензируемой книги, с репатриантами разных лет, которые существенно дополнили вышеозначенную группу источников, придав исследованию определенный и неповторимый колорит.

Широта и разнообразие источников позволили Наталье Николаевне рассмотреть в работе и достаточно широкий круг проблем: исследовать феномен российской диаспоры в Китае, структуру эмигрантского сообщества, коллективный менталитет диаспоры и процессы этнокультурной адаптации; проследить (через историю диаспоры) судьбы многих эмигрантов из царской России и СССР и их потомков и др. (с. 5). И сделано все это было (опять-таки, несомненный плюс в актив автора монографии), при отсутствии апробированных предшественниками (изучавшими «миграционные процессы», «межгосударственные миграции») методологии и методики изучения эмиграции и реэмиграции, «понятийно-категорийного аппарата» и т.д., что заставило исследователя разработать свои «рабочие гипотезы», чтобы комплексно решить поставленные перед собой задачи.

Не продолжая далее перечень достоинств рецензируемой работы (они, как видим, налицо), сделаем, положенное в таких случаях, заключение. Оно же будет однозначным: книга Н. Н. Аблажей (с учетом ее тематики, актуальности, обоснованности и аргументированности положений и выводов, имеющих в ней, вводимых автором в научный оборот источников, исследовательских методологии и методики, тщательности изучения и описания исторических фактов, новизны, научной и практической значимости сформулированных автором выводов, качества оформления и т.д.) является серьезным научным

трудом, весомым, без всякого преувеличения, вкладом в разработку сложнейших проблем в истории любого государства (и наше — не исключение), каковыми были (и по сей день таковыми остаются) эмиграция и реэмиграция. Иначе говоря, Н. Н. Аблажей удалось успешно реализовать поставленные перед собой исследовательские задачи и создать весьма ценную для историков работу. В силу этого, она, вне сомнения, войдет в перечень лучших современных исследований по вышеозначенной тематике и может стать одним из ориентиров при ее дальнейшем изучении.

Вместе с тем, в рецензируемой монографии есть моменты, которые вызвали у нас определенные сомнения. Одним из таковых стало отсутствие в ней «традиционного» для каждого исследования историографического обзора. Имеющееся в книге «Предисловие», никак не решает задачи, которую выполняет последний. Смеем надеяться, что рецензируемая монография — это прообраз будущей докторской диссертации, где указанному нами компоненту уделено должное внимание.

Другой момент. Это «Фотографии», имеющиеся в книге и означенные, как явствует из «Оглавления», как ее структурный элемент. Однако по своей информативной значимости, они, на наш взгляд, вышли далеко за рамки чисто иллюстративного материала, поскольку большая их часть сопровождается достаточно развернутым комментарием. В силу этого, их, видимо, следовало бы выделить в рубрику «Приложения» и «узаконить» тем самым существование фотографий в структуре монографии, как законного элемента.

И, наконец, о сентенциях относительно не состоявшейся постановки «более широких целей» исследования, чем это сделано в монографии («подробнее остановиться на сюжетах, связанных с пограничной эмиграцией, дать характеристику основных этнических групп, составивших российскую диаспору, осуществить оценку социально-экономических последствий межгосударственных миграций» (с. 7), поскольку автор сам заявляет о невозможности осуществить это, так как многие архивные фонды и по сей день раскритичены не до конца (с. 4, 7), а часть ранее «открытых» вновь закрылась под видом «перерасчета», «перерегистрации» и т. д.

Однако высказанные рецензентом замечания-пожелания, ни в коей мере не меняют общей, весьма высокой оценки рецензируемой монографии Н. Н. Аблажей. Мы вправе ждать от Натальи Николаевны, — безусловно, талантливого и перспективного исследователя дальнейших успехов в изучении сложной проблематики в истории нашего государства — эмиграции и реэмиграции, — захватившей ее исследовательскую душу.

Н. С. Модоров
Горно-Алтайский государственный университет

АВТОРАМ

ОФОРМЛЕНИЕ СТАТЬИ

Содержание направляемых в редакционную коллегию статей должно соответствовать профилю журнала. Материал должен быть изложен предельно лаконично и ясно.

При подготовке статьи необходимо обратить внимание на следующие требования:

- четкость построения и логическую последовательность изложения материала;
- убедительность аргументации;
- краткость и точность формулировок, исключающих возможность субъективного и неоднозначного толкования;
- конкретность изложения материалов и результатов работы;
- убедительность выводов и обоснованность рекомендаций.

Для выполнения этих требований материал, отбираемый для оформления научной быть обработан и систематизирован.

Авторы представляют статьи на русском языке объемом от 0,5 до 1 авторского листа (20-40 тыс. знаков).

Рукопись должна быть отредактирована, сопровождается рецензией доктора (кандидата) исторических наук. Редакция оставляет за собой право вносить редакторскую правку и отклонять статьи в случае получения на них отрицательной экспертной оценки.

Статья должна быть набрана в текстовом редакторе (MS Word, OpenOffice)

ПАРАМЕТРЫ СТРАНИЦЫ

Формат листа А 4 (размер 210 x 297 мм). Перед набором текста необходимо настроить параметры страницы:

- поля: верхнее — 20 мм, нижнее — 20 мм, левое — 30 мм, правое — 10 мм;
- колонтитулы — 1,25 мм;
- ориентация — книжная;
- выравнивание основного текста по ширине, междустрочный интервал — одинарный, остальные отступы и интервалы — 0;
- абзац: первая строка отступ — 1,25 см;
- шрифт — Times New Roman (по всей статье), обычный, 12 pt. Если используются буквы национальных алфавитов, диакритические или лингвистические знаки в иных шрифтах, обязательно прилагать к статье файл шрифта.
- стиль — обычный;
- перенос слов — автоматический.

ОФОРМЛЕНИЕ ОСНОВНОГО ДОКУМЕНТА

Статья оформляется следующим образом:

- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на английском языке (до 300 знаков);
- УДК;
- Ф.И.О. автора (авторов), название статьи заглавными буквами и аннотация на русском языке (до 300 знаков).
- Ключевые слова (на русском и английском языках)
- Примеры в тексте статьи оформляются курсивом.
- Примечания к тексту оформляются в виде постраничных сносок и имеют сквозную нумерацию.
- Все таблицы и рисунки (черно-белые) должны быть встроены в текст статьи.
- Библиографический список (в порядке цитирования) оформлять по ГОСТ 7.1.-2004. Библиогра-

фические ссылки в тексте статьи оформляются квадратными скобками. Например, [1, с. 25-27].

- В конце статьи указывается дата ее отправки в редакцию.

При оформлении статьи не допускается сжатие или разрежение текста.

В случае необходимости по тексту допускается выделение отдельных слов, словосочетаний и предложений, например, курсивом, полужирным или полужирным курсивом.

В статье должны применяться научно-технические термины, обозначения и определения, установленные соответствующими стандартами, а при их отсутствии — общепринятые в научно-технической литературе.

В основном тексте статьи, за исключением формул, таблиц, рисунков и фрагментов текстов программ, не допускается:

- применять математический знак минус "—" перед отрицательными значениями величин. В этом случае необходимо писать слово "минус";
- применять без числовых значений математические знаки, например, > (больше), < (меньше), + (плюс), = (равно), (меньше или равно), (больше или равно), (не равно), (приблизительно равно), а так же знаки № (номер) и % (процент).

В тексте статьи необходимо использовать кавычки вида «», не допускается использование кавычек вида ". Для оформления маркированных списков можно использовать символы - •

ВНУТРЕННЯЯ РУБРИКАЦИЯ

В статьях, использующих внутреннюю рубрику, подзаголовки следует вносить в текст статьи. Название каждого подзаголовка начинается через один интервал от предыдущего абзаца и оформляется выделением. Допускается нумерация подзаголовков. В этом случае после номера подзаголовка ставится точка. В конце подзаголовка точка не ставится.

Внутренняя рубрикация может отсутствовать.

ТАБЛИЦЫ

Все приводимые в таблицах данные должны быть достоверны, однородны и сопоставимы.

Все таблицы имеют сквозную нумерацию в пределах всего текста статьи. Над правым верхним углом таблицы помещают надпись «Таблица» с указанием порядкового номера таблицы, без знака № перед цифрой. Таблицу снабжают тематическим заголовком, точка после заголовка таблицы не ставится.

Таблиц с большим количеством строк следует избегать или располагать по тексту так, чтобы избежать переноса таблицы на другую страницу.

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Количество иллюстративного материала должно быть достаточным для пояснения излагаемого текста. Иллюстрации располагают как можно ближе к соответствующим частям текста в порядке ссылок на них. Иллюстрации следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией в пределах статьи, например, «Рисунок 4. — Схема взаимодействия модуля TOP с АСУ ТП».

Материалы, не соответствующие данным требованиям, к публикации не принимаются.

Статьи аспирантов публикуются в журнале бесплатно.

Рисунок и подрисуночная надпись располагаются по центру, абзацный отступ — отсутствует. Вид обтекания рисунка текстом выбирается автором в зависимости от размера рисунка.

Иллюстрации, содержащиеся в тексте статьи, должны быть представлены также в виде отдельных файлов в форматах *.jpg, *.gif, *.tif, *.png. Имена файлам иллюстраций присваиваются по аналогии с именами файла текста статьи, например: Petrov_3_ris_5.jpg

Статья (бумажный вариант и электронный вариант на дискете) вместе с заявкой и рецензией, должна быть выслана обычной почтой на адрес редакции или электронной почтой по адресу (E-mail: mns@gasu.ru. Файлы необходимо именовать согласно фамилии первого автора, например «Завьялов, Самара». Нельзя в одном файле помещать несколько статей. В разделе «Тема» указывать «В редакцию журнала». Встроенные объекты — рисунки, фотографии, диаграммы и схемы должны быть приложены также и в виде отдельных файлов.

За ошибки и неточности научного и фактического характера ответственность несет автор (авторы) статьи. Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.

После экспертизы статья может быть отклонена, послана автору на доработку или рекомендована к публикации.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки на используемые литературные источники в тексте основной статьи даются в квадратных скобках, например [1, 2]. Нумерация источников должна соответствовать алфавитному порядку.

Пример формирования списка использованной литературы:

1. Афонин, С.И. Создание распределенной телекоммуникационной сети учебно-научно-производственного комплекса ОрелГТУ [Текст] / С.И. Афонин, А.В. Коськин, И.С. Константинов, С.А. Лазарев // Образовательная среда сегодня и завтра: Материалы II Всероссийской научно-практической конференции. — М.: Рособразование, 2005. — С. 293-294

2. Константинов, И.С. Некоторые вопросы формализации в системах обработки данных [Текст] / И.С. Константинов // Вычислительная математика и кибернетика. — Харьков: ХАИ, 1984. — вып. 1. — с. 174-182.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

В конце статьи указываются сведения об авторах в следующем порядке:

Иванов Иван Иванович

Профессор кафедры отечественной истории, д.и.н.

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Тел.: + 7(3852) 16-18-19

E-mail: ivanov@mail.ru

Петров Петр Петрович

Аспирант кафедры философии

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

Тел.: + 7(3852) 20-21-22

E-mail: petrov@yandex.ru

МАТЕРИАЛЫ И РЕЦЕНЗИИ НАПРАВЛЯТЬ ПО АДРЕСУ:

649000, г. Горно-Алтайск, ул. Ленкина, 1 Университет,

Редакция международного журнала «Мир Евразии», главному редактору.

Контактные телефоны: 8 (388-22) 2-62-33, 2-68-15. Факс: 8 (388-22) 2-67-35.

E-mail: mns@gasu.ru